О. Ю. Ткаченко

2019

Сборник диктантов и упражнений по русскому языку

Учебное пособие

МИР НАУКИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
Т 484

Рецензент: Астахова Яна Алексеевна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка, МПГУ, Институт филологии

Ткаченко, Ольга Юрьевна
Т 484 Сборник диктантов и упражнений по русскому языку. Учебное пособие – М.: Мир науки, 2019. – Сетевое издание. Режим доступа: https://izd-mn.com/PDF/52MNNPU19.pdf – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-6043909-8-6

Сборник включает три типа популярных и эффективных тренировочных упражнений, направленных на комплексное повышение уровня грамотности: диктанты, восстановление орфографии и пунктуации текста, поиск грамматических ошибок в тексте. Задания разных типов приводятся на едином текстовом материале, что делает возможным их разнообразное комплексное применение как в качестве контрольных заданий по дисциплинам «Русский язык», «Практическая грамматика русского языка», «Практикум по орфографии и пунктуации», так и в виде тренировочных упражнений для самоподготовки.

Пособие адресовано абитуриентам и студентам младших курсов гуманитарных вузов, старшеклассникам, готовящимся к сдаче ЕГЭ по русскому языку, начинающим корректорам, а также всем читателям, стремящимся повысить уровень грамотности.

ISBN 978-5-6043909-8-6

© Ткаченко Ольга Юрьевна
© ООО Издательство «Мир науки», 2019

Оглавление

Предисловие 6

Часть 1. Напишите текст под диктовку 8

№ 1 Ю. В. Бондарев «Быки» (фрагмент) 8

№ 2 В. Т. Шаламов «Кант» (фрагмент) 8

№ 3 А. П. Чехов «Степь» (фрагмент) 9

№ 4 Д. Н. Мамин-Сибиряк «Волшебник» (фрагмент) 10

№ 5 Т. С. Аксаков «Детские годы Багрова-внука» (фрагмент) 11

№ 6 А. С. Пушкин «Евгений Онегин» (фрагмент) 12

№ 7 И. С. Тургенев «Бежин луг» (фрагмент) 13

№ 8 В. Г. Короленко «Дети подземелья» (фрагмент) 13

№ 9 В. Г. Короленко «Ночью» (фрагмент) 14

№ 10 Н. А. Добролюбов «Луч света в темном царстве» (фрагмент) 15

№ 11 С. Н. Шубинский «Холмогорская старина» (фрагмент) 16

№ 12 В. А. Гиляровский «Москва и москвичи» (фрагмент) 17

№ 13 В. А. Гиляровский «Москва и москвичи» (фрагмент) 18

№ 14 А. И. Куприн «Гранатовый браслет» (фрагмент) 18

№ 15 И. А. Бунин «Суходол» (фрагмент) 19

№ 16 В. Г. Распутин «Пожар» (фрагмент) 20

№ 17 Андрей Платонов «Котлован» (фрагмент) 21

№ 18 Ч. Т. Айтматов «Плаха» (фрагмент) 21

№ 19 В. П. Астафьев «Царь-рыба» (фрагмент) 23

№ 20 В. М. Песков «Слетки» (фрагмент) 23

№ 21 Ф. И. Тютчев «Весна» (фрагмент) 24

№ 22 Максим Горький «Детство» (фрагмент) 25

№ 23 А. И. Куприн «Чудесный доктор» (фрагмент) 26

№ 24 М. Ю. Лермонтов «Демон» (фрагмент) 27

№ 25 П. Сергеич «Искусство речи на суде» (фрагмент) 28

№ 26 Г. А. Федоров «Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века» (фрагмент) 29

№ 27 И. А. Бродский «Рождественский романс» (фрагмент) 30

№ 28 С. Н. Есин «Власть слова» (фрагмент) 31

№ 29 Д. Н. Шмелев «Современный русский язык» (фрагмент) 32

№ 30 А. А. Ивин «Логика» (фрагмент) 32

Часть 2. Вставьте пропущенные буквы и знаки препинания. Объясните орфограммы и пунктограммы. 34

№ 1 Ю. В. Бондарев «Быки» (фрагмент) 34

№ 2 В. Т. Шаламов «Кант» (фрагмент) 34

№ 3 А. П. Чехов «Степь» (фрагмент) 35

№ 4 Д. Н. Мамин-Сибиряк «Волшебник» (фрагмент) 36

№ 5 Т. С. Аксаков «Детские годы Багрова-внука» (фрагмент) 37

№ 6 А. С. Пушкин «Евгений Онегин» (фрагмент) 38

№ 7 И. С. Тургенев «Бежин луг» (фрагмент) 39

№ 8 В. Г. Короленко «Дети подземелья» (фрагмент) 39

№ 9 В. Г. Короленко «Ночью» (фрагмент) 40

№ 10 Н. А. Добролюбов «Луч света в темном царстве» (фрагмент) 41

№ 11 С. Н. Шубинский «Холмогорская старина» (фрагмент) 42

№ 12 В. А. Гиляровский «Москва и москвичи» (фрагмент) 43

№ 13 В. А. Гиляровский «Москва и москвичи» (фрагмент) 44

№ 14 А. И. Куприн «Гранатовый браслет» (фрагмент) 45

№ 15 И. А. Бунин «Суходол» (фрагмент) 45

№ 16 В. Г. Распутин «Пожар» (фрагмент) 46

№ 17 Андрей Платонов «Котлован» (фрагмент) 47

№ 18 Ч. Т. Айтматов «Плаха» (фрагмент) 48

№ 19 В. П. Астафьев «Царь-рыба» (фрагмент) 49

№ 20 В. М. Песков «Слетки» (фрагмент) 49

№ 21 Ф. И. Тютчев «Весна» (фрагмент) 50

№ 22 Максим Горький «Детство» (фрагмент) 51

№ 23 А. И. Куприн «Чудесный доктор» (фрагмент) 52

№ 24 М. Ю. Лермонтов «Демон» (фрагмент) 53

№ 25 П. Сергеич «Искусство речи на суде» (фрагмент) 54

№ 26 Г. А. Федоров «Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века» (фрагмент) 55

№ 27 И. А. Бродский «Р_ждественский р_манс» (фрагмент) 56

№ 28 С. Н. Есин «Власть слова» (фрагмент) 57

№ 29 Д. Н. Шмелев «Современный русский язык» (фрагмент) 58

№ 30 А. А. Ивин «Логика» (фрагмент) 58

Часть 3. Найдите и исправьте орфографические и пунктуационные ошибки. 60
№ 1 Ю. В. Бондарев «Быки» (фрагмент)..... 60
№ 2 В. Т. Шаламов «Кант» (фрагмент)..... 60
№ 3 А. П. Чехов «Степь» (фрагмент) 61
№ 4 Д. Н. Мамин-Сибиряк «Волшебник» (фрагмент)..... 62
№ 5 Т. С. Аксаков «Детские годы Багрова-внука» (фрагмент) 63
№ 6 А. С. Пушкин «Евгений Онегин» (фрагмент)..... 64
№ 7 И. С. Тургенев «Бежин луг» (фрагмент) 65
№ 8 В. Г. Короленко «Дети подземелья» (фрагмент)..... 65
№ 9 В. Г. Короленко «Ночью» (фрагмент) 66
№ 10 Н. А. Добролюбов «Луч света в темном царстве» (фрагмент) 67
№ 11 С. Н. Шубинский «Холмогорская старина» (фрагмент)..... 68
№ 12 В. А. Гиляровский «Москва и москвичи» (фрагмент) 69
№ 13 В. А. Гиляровский «Москва и москвичи» (фрагмент) 70
№ 14 А. И. Куприн «Гранатовый браслет» (фрагмент)..... 70
№ 15 И. А. Бунин «Суходол» (фрагмент) 71
№ 16 В. Г. Распутин «Пожар» (фрагмент)..... 72
№ 17 Андрей Платонов «Котлован» (фрагмент)..... 73
№ 18 Ч. Т. Айтматов «Плаха» (фрагмент) 73
№ 19 В. П. Астафьев «Царь-рыба» (фрагмент) 74
№ 20 В. М. Песков «Слетки» (фрагмент)..... 75
№ 21 Ф. И. Тютчев «Весна» (фрагмент) 76
№ 22 Максим Горький «Детство» (фрагмент)..... 77
№ 23 А. И. Куприн «Чудесный доктор» (фрагмент)..... 78
№ 24 М. Ю. Лермонтов «Демон» (фрагмент)..... 79
№ 25 П. Сергеич «Искусство речи на суде» (фрагмент) 80
№ 26 Г. А. Федоров «Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века» (фрагмент) 81
№ 27 И. А. Бродский «Рождественский романс» (фрагмент)..... 81
№ 28 С. Н. Есин «Власть слова» (фрагмент) 83
№ 29 Д. Н. Шмелев «Современный русский язык» (фрагмент) 83
№ 30 А. А. Ивин «Логика» (фрагмент) 84
Литература 86

Предисловие

Данное пособие включает три классических типа учебных заданий по практической грамматике русского языка: диктант, восстановление орфографии и пунктуации текста и поиск грамматических ошибок в тексте. Эти задания давно и активно используются в практике школьного и вузовского преподавания грамматики как наиболее эффективные, а их формулировки – «Напишите текст под диктовку», «Вставьте пропущенные буквы и знаки препинания», «Найдите и исправьте ошибки» – знакомы, вероятно, каждому. Именно такие формулировки читатель встретит в соответствующих трех частях книги.

И все же, несмотря на включение проверенных временем заданий и их традиционные формулировки, этот сборник имеет одно значимое отличие от большинства сборников упражнений по грамматике русского языка. Все три типа заданий в нем представлены на едином материале: тридцать текстов из классической художественной литературы, публицистики, научной и научно-учебной литературы в первой части предложены как тексты диктантов, во второй даются с пропусками букв и пунктуационных знаков, а в третьей – с ошибками, которые учащемуся предстоит найти и исправить. Эта особенность сборника позволяет выполнять задания как по отдельности, так и комплексно, разнообразя работу с пособием. Рассмотрим несколько способов работы с ним.

1. При аудиторной (классной) работе задания из Части 2 и Части 3 пособия могут использоваться для отработки правил, применение которых вызвало затруднения в ходе написания диктантов из Части 1. Например: учащиеся написали диктант № 11 и допустили некоторое количество ошибок. На следующем занятии преподаватель может предложить им выполнить с устным комментированием задание № 11 из Части 2 – «Вставьте пропущенные буквы и знаки препинания, объясните орфограммы и пунктограммы». Таким образом, в аудитории (классе) будут подробно рассмотрены грамматические случаи, вызвавшие затруднение в ходе написания диктанта. В качестве домашнего задания можно предложить учащимся выполнить задание № 11 из Части 3 для закрепления материала и развития навыка самостоятельной проверки текста. Это позволит еще раз вспомнить разобранные на занятии грамматические правила и повысить внимательность, необходимую для более тщательной проверки своих текстов в дальнейшем.

2. При самостоятельном использовании пособия учащимся тексты диктантов из Части 1 могут использоваться в качестве ключей к упражнениям из Части 2 и Части 3. Например, учащийся выполнил задание № 4 из Части 2, затем проверил выполнение задания по тексту из Части 1. В случае пунктуационных расхождений учащемуся рекомендуется подумать, вспомнив соответствующие правила грамматики самостоятельно или заглянув в справочную литературу, является его пунктуационный вариант ошибочным или допустимым (напомним, что пунктуация довольно часто допускает варианты, связанные с различным пониманием смысла предложения, различным его интонационным прочтением и т. д.). При выявлении орфографических и пунктуационных ошибок рекомендуется повторить соответствующие правила и при необходимости отработать их, выполнив несколько упражнений из любого доступного пособия, содержащего тренировочные упражнения по отдельным грамматическим темам. Наконец, для закрепления результата, учащемуся предлагается самостоятельно выполнить задание № 4 из Части 3.

3. Задания Части 3 могут оказаться полезными начинающим корректорам: они могут помочь развить навык внимательного чтения текста, выработать необходимую

скорость выявления и исправления ошибок. Самопроверку можно осуществлять по текстам из Части 1.

Мы привели лишь несколько вариантов использования пособия для примера, возможны и другие комбинации. Оптимальный способ работы с пособием следует выбирать, исходя из уровня подготовки учащегося и приоритетных задач обучения.

Тексты диктантов приводятся без внутренних сокращений, прибавлений, значимых искажений издательского варианта. Особенности авторской пунктуации сохранены, за исключением редких случаев явного противоречия актуальным правилам. Таким образом, текстовый материал максимально приближен к естественному, с которым учащийся регулярно сталкивается в процессе чтения.

Часть 1. Напишите текст под диктовку

№ 1 Ю. В. Бондарев «Быки» (фрагмент)

Была война и неистовая жара в Казахстане. Раскаленное солнце висело над степью, жгло мне затылок, и сквозь молотообразные удары в висках я слышал сверлящий треск кузнечиков, глухое позвякивание металлических заноз в деревянном ярме на шеях двух быков, запряженных в арбу. Быки, худые, изможенные зноем, не переставали жевать свою жвачку; в уголках их бездумных глаз черным роем шевелились мухи, а они, не моргая, стояли терпеливо и равнодушно, видимо привыкнув к этой постоянной муке, к этой рабьей покорности ежедневной пытке.

Я работал в степи первый день, все время помня ядовитое выражение на крепких чугунно-загорелых лицах скирдовщиков, встретивших меня в колхозной конторке неприязненно, насмешливыми взглядами. Был я в легких парусиновых туфлях, в белых расклешенных брюках с надраенной морской бляхой на ремне, эвакуированный городской мальчишка, форсоватый по виду, совершенно непонятный этим выросшим в степи парням.

Морская бляха и расклешенные мною летние брюки отца, которые он носил еще в тридцатых годах, были знаками моей школьной мечты о флоте. Тогда слова «шхуна», «бригантина», «шкипер» и «марсель», вычитанные из книг, вызывали у меня святой трепет, мысли о дальних странствиях, тугом и ласковом ветре над солнечно-белыми парусами, о неведомых перламутрово-сияющих лагунах в теплых морях, о чужих и незнакомых портовых городах, залитых огнями, с ночным запахом гниющих бананов на берегу, вблизи которого покачивались в черном, южном небе созвездия фонарей на поскрипывающих мачтах. В восьмом классе я наизусть выучил морскую терминологию, названия снастей парусного флота по разным старым учебникам и сноскам в романах Джека Лондона. Я даже выменял у кого-то лоскут тельника и, пришив его к майке, ходил с расстегнутым воротником рубашки, чтобы виден был этот пленительный кусочек моря. При одном взгляде на него я испытывал запах ветра и далеких пространств.

В девятом классе с надеждой поступить в военно-морской клуб я спал зимой с открытой форточкой, по утрам выжимал гантели, купил морскую бляху и ходил по-матросски – чуть враскачку, как бы приучая себя к ныряющей под ногами палубе.

В тот жаркий август сорок первого года, вернувшись после рытья окопов под Смоленском, я не застал в Москве родных и только по записке матери, оставленной управдому, нашел после долгих поисков семью, эвакуированную в Казахстан. И тут вдруг понял: все прежнее, детское уходило, исчезало, подобно тому как кончается и сказка о Золотом дворце среди синего моря и доброй колдовской Жар-птице, – я был старший в семье и теперь знал, что мать и младшие сестры стали моей ответственностью.

382 слова

№ 2 В. Т. Шаламов «Кант» (фрагмент)

Мне давно была понятна и дорога та завидная торопливость, с какой бедная северная природа стремилась поделиться с нищим, как и она, человеком своим нехитрым богатством: процвести поскорее для него всеми цветами. В одну неделю, бывало, цвело все взапуски, и за какой-нибудь месяц с начала лета горы в лучах почти незаходящего солнца краснели от брусники, чернели от темно-синей голубики. На низкорослых кустах – и руку поднимать не надо – наливалась желтая крупная водянистая рябина. Медовый горный шиповник – его розовые лепестки были единственными цветами здесь, которые

пахли как цветы, все остальные пахли только сыростью, болотом, и это было под стать весеннему безмолвию птиц, безмолвию лиственничного леса, где ветви медленно одевались зеленой хвоей. Шиповник берег плоды до самых морозов и из-под снега протягивал нам сморщенные мясистые ягоды, фиолетовая жесткая шкура которых скрывала сладкое темно-желтое мясо. Я знал веселость лоз, меняющих окраску весной много раз, – то темно-розовых, то оранжевых, то бледно-зеленых, будто обтянутых цветной лайкой. Лиственницы протягивали тонкие пальцы с зелеными ногтями, вездесущий жирный кипрей покрывал лесные пожарища. Все это было прекрасно, доверчиво, шумно и торопливо, но все это было летом, когда матовая зеленая трава мешалась с муравчатым блеском замшелых, блестящих на солнце скал, которые вдруг оказывались не серыми, не коричневыми, а зелеными.

Зимой все это исчезало, покрытое рыхлым, жестким снегом, что ветры наметали в ущелья и утрамбовывали так, что для подъема в гору надо было вырубать в снегу ступеньки топором. Человек в лесу был виден за версту – так все было голо. И только одно дерево было всегда зелено, всегда живо – стланик, вечнозеленый кедрач. Это был предсказатель погоды. За два-три дня до первого снега, когда днем было еще по-осеннему жарко и безоблачно и о близкой зиме никому не хотелось думать, стланик вдруг растягивал по земле свои огромные, двухсаженные лапы, легко сгибал свой прямой черный ствол толщиной кулака в два и ложился плашмя на землю. Проходил день, другой, появлялось облачко, а к вечеру задувала метель и падал снег. А если поздней осенью собирались снеговые низкие тучи, дул холодный ветер, но стланик не ложился – можно было быть твердо уверенным, что снег не выпадет.

335 слов

№ 3 А. П. Чехов «Степь» (фрагмент)

Между тем перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается... Солнце уже выглянуло сзади из-за города и тихо, без хлопот принялось за свою работу. Сначала, далеко впереди, где небо сходится с землею, около курганчиков и ветряной мельницы, которая издали похожа на маленького человечка, размахивающего руками, поползла по земле широкая ярко-желтая полоса; через минуту такая же полоса засветилась несколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; что-то теплое коснулось Егорушкиной спины, полоса света, подкравшись сзади, шмыгнула через бричку и лошадей, понеслась навстречу другим полосам, и вдруг вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полутень, улыбнулась и засверкала росой.

Сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля – все, побуревшее от зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росою и обласканное солнцем, оживало, чтоб вновь зацвести. Над дорогой с веселым криком носились старички, в траве перекликались суслики, где-то далеко влево плакали чибисы. Стадо куропаток, испуганное бричкой, вспорхнуло и со своим мягким «тррр» полетело к холмам. Кузнечики, сверчки, скрипачи и медведки затянули в траве свою скрипучую, монотонную музыку.

Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава поникла, жизнь замерла. Загорелые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски...

Как душно и уныло! Бричка бежит, а Егорушка видит все одно и то же – небо, равнину, холмы... Музыка в траве приутихла. Старички улетели, куропаток не видно. Над поблекшей травой, от нечего делать, носятся грачи; все они похожи друг на друга и делают степь еще более однообразной. Летит коршун над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями и стрелою несется над степью, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно. А вдали машет крыльями мельница...

Для разнообразия мелькнет в бурьяне белый череп или булыжник; вырастет на мгновение серая каменная баба или высохшая ветла с синей ракшей на верхней ветке, перебежит дорогу суслик, и – опять бегут мимо глаз бурьян, холмы, грачи...

379 слов

№ 4 Д. Н. Мамин-Сибиряк «Волшебник» (фрагмент)

Как известно, детское любопытство неистощимо и находит в себе обильную пищу даже там, где, кажется, уж решительно ничего нельзя найти. Например, какой интерес может представлять собой пустырь, поросший бурьяном и крапивой? Даже неприхотливые городские козлы не считали нужным сюда заглядывать, а между тем мы, школяры, не находили себе места лучше и, как воробьи, обыскали каждый уголок. Лучше этого пустыря для нас ничего не было, особенно осенью, когда выпадал первый снежок. Это был чудесный, единственный уголок...

Много прошло этому лет, но я сейчас не могу равнодушно вспомнить об этом милом пустыре, с которым связано столько дорогих детских воспоминаний. Представьте себе глухую улицу глухого, провинциального городка, усаженную одноэтажными деревянными домиками, с длинными заборами, из-за которых выглядывали рябины, черемухи и березы, с плохими деревянными тротуарами и с громадным пустырем в самой середине. От улицы пустырь отделялся тоже забором, но он давно уже покосился и имел такой вид, что вот-вот упадет. Ворот не было, а мы проникали в этот пустырь со стороны болотистой реки, где тоже когда-то стоял забор, но постепенно был растащен соседями на дрова. Главную прелесть этого пустыря составляло небольшое озерко. От бывших здесь построек сохранились один фундамент и старая деревянная баня. В уголке как-то жалко торчали две старые березы, точно позабытые всеми сироты. Озерко на нашем школьном языке называлось Средиземным морем, а баня – замком. Детское воображение превращало пустырь в громадную дикую страну, полную чудес и самых таинственных явлений. В «Средиземном море» жили русалки, а в бане-замке – привидения. Тех и других кто-то видел, и все боялись.

Я уже сказал, что самым лучшим временем для нашего пустыря была та крепкая осень, когда земля промерзала и начинал выпадать первый снежок. Все летние игры кончались, и приходилось мириться с тем, что могла дать осень. Только дети умеют использовать всякую мелочь, как тряпки, палки, камушки и т. д. Все это оказывается нужным, и все идет в дело. А тут в наше распоряжение попал целый пустырь... Как теперь вижу, как ранним осенним утром, когда еще хорошенько не рассвело, мы, по пути в школу, как воробьи, забирались на наш пустырь с самыми коварными целями, именно чтобы поставить клетки-западни, раскинуть тайники (сетки для ловли птиц) и везде рассыпать притраву из конопляного семени и разных крошек. Бедным маленьким птичкам, остававшимся на зиму, приходилось добывать свою пищу с большим трудом, и они попадались в наши ловушки. Серые чечетки с красными хохолками, желтогрудые кузнечики, розовые жуланы (снегири), пестренькие зяблики – все одинаково страдали от нашего хищничества и за корм платили неволей. В праздники мы по целым часам терпеливо высиживали где-нибудь в бурьяне, чтобы подкараулить момент, когда нужно

дернуть веревочку тайника. Хитро устроенная сетка захлопывалась, и несчастная жертва нашей ребячьей жестокости попадала в клетку.

430 слов

№ 5 Т. С. Аксаков «Детские годы Багрова-внука» (фрагмент)

Нашу карету и повозку стали грузить на паром, а нам подали большую косную лодку, на которую мы все должны были перейти по двум доскам, положенным с берега на край лодки; перевозчики в пестрых мордовских рубахах, бредя по колени в воде, повели под руки мою мать и няньку с сестрицей; вдруг один из перевозчиков, рослый и загорелый, схватил меня на руки и понес прямо по воде в лодку, а отец пошел рядом по дощечке, улыбаясь и ободряя меня, потому что я, по своей трусости, от которой еще не освободился, очень испугался такого неожиданного путешествия. Четверо гребцов сели в весла, перенесший меня человек взялся за кормовое весло, оттолкнулись от берега шестом, все пятеро перевозчиков перекрестились, кормчий громко сказал: «Призывай бога на помочь», и лодка полетела поперек реки, скользя по вертящейся быстрине, бегущей у самого берега, называющейся «стремя». Я был так поражен этим невиданным зрелищем, что совершенно онемел и не отвечал ни одного слова на вопросы отца и матери. Все смеялись, говоря, что от страха у меня язык отнялся, но это было не совсем справедливо: я был подавлен не столько страхом, сколько новостью предметов и величием картины, красоту которой я чувствовал, хотя объяснить, конечно, не умел. Когда мы стали подплывать к другому, отлогому берегу и по мелкому месту пошли на шестах к пристани, я уже совершенно опомнился, и мне стало так весело, как никогда не бывало. Белые, чистые пески с грядами разноцветной гальки, то есть камешков, широко расстилались перед нами. Один из гребцов соскочил в воду, подвел лодку за носовую веревку к пристани и крепко привязал к причалу; другой гребец сделал то же с кормою, и мы все преспокойно вышли на пристань. Сколько новых предметов, сколько новых слов! Тут мой язык уже развязался, и я с большим любопытством стал расспрашивать обо всем наших перевозчиков. Я не могу забыть, как эти добрые люди ласково, просто и толково отвечали мне на мои бесчисленные вопросы и как они были благодарны, когда отец дал им что-то за труды. С нами на лодке был ковер и подушки, мы разостлали их на сухом песке, подальше от воды, потому что мать боялась сырости, и она прилегла на них, меня же отец повел набирать галечки. Я не имел о них понятия и пришел в восхищение, когда отец отыскал мне несколько прекрасных, гладких, блестящих разными цветами камешков, из которых некоторые имели очень красивую, затейливую фигуру. В самом деле, нигде нельзя отыскать такого разнообразия гальки, как на реке Белой; в этом я убедился впоследствии. Мы тут же нашли несколько окаменелостей, которые и после долго у нас хранились и которые можно назвать редкостью; это был большой кусок пчелиного сота и довольно большая лепешка или кучка рыбьей икры, совершенно превратившаяся в камень. Переправа кареты, кибитки и девяти лошадей продолжалась довольно долго, и я успел набрать целую кучу чудесных, по моему мнению, камешков; но я очень огорчился, когда отец не позволил мне их взять с собою, а выбрал только десятка полтора, сказав, что все остальные дрянь; я доказывал противное, но меня не послушали, и я с большим сожалением оставил набранную мною кучку. Мы сели в карету и отправились в дальнейший путь.

505 слов

№ 6 А. С. Пушкин «Евгений Онегин» (фрагмент)

Изображу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтическим волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, –
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые
И щетки тридцати родов
И для ногтей, и для зубов.
Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим
Смел чистить ногти перед ним,
Красноречивым сумасбродом.
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем неправ.

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.
Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

178 слов

№ 7 И. С. Тургенев «Бежин луг» (фрагмент)

Ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Мне попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперед. Все кругом быстро чернело и утихало, – одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я вышел на опушку кустов и побрел по полю межой. Уже я с трудом различал отдаленные предметы; поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть – но то уже была синева ночи. Звездочки замелькали, зашевелились на нем.

Что я было принял за рощу, оказалось темным и круглым бугром. «Да где же это я?» – повторил я опять вслух, остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою английскую желто-пегую собаку Дианку, решительно умнейшую изо всех четвероногих тварей. Но умнейшая из четвероногих тварей только повиляла хвостиком, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мне никакого дельного совета. Мне стало совестно перед ней, и я отчаянно устремился вперед, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной лощине. Странное чувство тотчас овладело мной. Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими боками; на дне ее торчало стоймя несколько больших, белых камней, – казалось, они сползлись туда для тайного совещания, – и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то зверек слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я все еще не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошел себе прямо, по звездам – наудалую… Около получаса шел я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонек, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я все шел и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро отдернул занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали ее теченье. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы…

475 слов

№ 8 В. Г. Короленко «Дети подземелья» (фрагмент)

Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кряхтит, вздрагивая под колесами, и шатается, точно дряхлый старик. За мостом потянулась еврейская улица с магазинами, лавками, лавчонками и с навесами калачниц. Вонь, грязь, кучи ребят, ползающих в уличной пыли. Но вот еще минута – и вы уже за городом. Тихо шепчутся

березы над могилами кладбища, да ветер волнует хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа.

Речка, через которую перекинут упомянутый мост, вытекала из пруда и впадала в другой. Таким образом, с севера и юга городок ограждался широкими водяными гладями и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие, густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. Посредине одного из прудов находится остров. На острове – старый, полуразрушенный замок.

Я помню, с каким страхом я смотрел всегда на это величавое дряхлое здание. О нем ходили предания и рассказы один другого страшнее. Говорили, что остров насыпан искусственно, руками пленных турок. «На костях человеческих стоит старое замчище», – передавали старожилы, и мое детское испуганное воображение рисовало под землей тысячи турецких скелетов, поддерживающих костлявыми руками остров с его высокими пирамидальными тополями и старым замком. От этого, понятно, замок казался еще страшнее, и даже в ясные дни, когда, бывало, ободренные светом и громкими голосами птиц, мы подходили к нему поближе, он нередко наводил на нас припадки панического ужаса, – так страшно глядели черные впадины давно выбитых окон; в пустых залах ходил таинственный шорох: камешки и штукатурка, отрываясь, падали вниз, будя гулкое эхо, и мы бежали без оглядки, а за нами долго еще стоял стук, и топот, и гоготанье.

А в бурные осенние ночи, когда гиганты-тополи качались и гудели от налетавшего из-за прудов ветра, ужас разливался от старого замка и царил над всем городом.

В западной стороне, на горе, среди истлевших крестов и провалившихся могил, стояла давно заброшенная часовня. У нее кое-где провалилась крыша, стены осыпались, и вместо гулкого с высоким тоном медного колокола совы заводили в ней по ночам свои зловещие песни.

Было время, когда старый замок служил даровым убежищем всякому бедняку без малейших ограничений. Все, что не находило себе места в городе, потерявшее по той или другой причине возможность платить хотя бы и жалкие гроши за кров и угол на ночь и в непогоду, – все это тянулось на остров и там, среди развалин, преклоняло свои победные головушки, платя за гостеприимство лишь риском быть погребенными под грудами старого мусора. «Живет в замке» – эта фраза стала выражением крайней степени нищеты. Старый замок радушно принимал и покрывал и временно обнищавшего писца, и сиротливых старушек, и безродных бродяг. Все эти бедняки терзали внутренности дряхлого здания, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили и чем-то питались – вообще как-то поддерживали свое существование.

433 слова

№ 9 В. Г. Короленко «Ночью» (фрагмент)

Было около полуночи. В комнате слышалось глубокое дыхание спящих детей.

В углу комнаты, на полу, стоял медный таз. На дне его было немного воды и стояла сальная свеча в подсвечнике. Свеча сильно нагорела, фитиль покрылся темною шапкой и тихо потрескивал. Кроме того, на стене стучал маятник, а на полу, в освещенном кружке около таза, разместились несколько тараканов. Сдавшись на задние лапки и подняв голову кверху, они смотрели на огонь и шевелили усами.

На дворе бушевала непогода.

Дождь стучал по крыше, трепал листья в саду, плескался на дворе в лужах. По временам он стихал и уносился вдаль, в темную глубину ночи, но после этого прилетал к дому с новой силой, бушевал еще больше, сильнее обливал крышу, хлестал по ставням, и порой казалось даже, что он струится и плещет уже в самой комнате... Тогда в ней

водворялось какое-то беспокойство: маятник как будто смолкал, свеча готовилась погаснуть, с потолка сползали тени, тараканы тревожно водили усами и, видимо, собирались бежать.

Но бурные порывы непогоды продолжались недолго. Казалось, дождь решил про себя никогда уже не прекращаться, и когда ветер оставлял его в покое, он принимался гудеть широко и ровно – и на дворе, и в саду, и в переулке, и в пустыре по полям... Гул этот, просачиваясь сквозь запертые ставни, стоял в комнате то ровным жужжанием, то тихими всплесками.

Тогда маятник принимался опять отчеканивать свои удары с резким упрямством, свеча тихо кряхтела, тараканы успокаивались, хотя, по-видимому, упрямство дождя наводило на них грустное раздумье.

Все это слышал и глядел на все это из-под своего одеяла один из двух братьев-погодков, которые спали в освещенной комнате. Старшего звали Васей, младшего – Марком. В семействе был обычай давать шутливые прозвища. У Васи было очень большая голова, которою он в раннем детстве постоянно стукался об пол, поэтому его прозвали Голованом. Марк был некрасив и смотрел несколько исподлобья, отчего получил название Мордика.

Мордик сладко спал, а Голован уже с полминуты прислушивался к шуму дождя.

Он был большой фантазер и часто думал о том, что происходит на свете, когда все спят: и он, и Марк, и девочки, и старая нянька, – и, значит, некому смотреть... Неужели комната остается все такая же, и маятник продолжает стучать, хотя его никто не слушает, и свеча продолжает светить, хотя светить некому, и тараканы только бессмысленно сидят на полу, уставившись на огонь?.. Не раз уже просыпаясь с этою мыслью, он осторожно выглядывал из-под одеяла... На этот раз он сам не заметил, когда проснулся, и ему показалось, что наконец-то он застигнет комнату врасплох. Вот уже с полминуты он смотрит на нее, не шевелясь, полуприщуренным глазом, а в ней все продолжается какая-то особенная, таинственная жизнь, которая прячется обыкновенно, когда на нее смотрят.

Все в ней живо, удивительно, необычно и страшно... Дождь мечется и злится снаружи, отбиваясь от ветра, маятник спорит с шумом дождя, свеча уныло кряхтит, тараканы хранят разумный вид, как будто сейчас только разговаривали между собой и решили единогласно, что положение свечи действительно жалкое, а дождь буянит совершенно напрасно. Кроме того, Вася сознавал, что все они вместе – вся комната со всеми предметами – смотрят недоброжелательно на детей, которые спят, ничего не подозревая, в своих постелях.

503 слова

№ 10 Н. А. Добролюбов «Луч света в темном царстве» (фрагмент)

Во все времена и во всех сферах человеческой деятельности появлялись люди, настолько здоровые и одаренные натурою, что естественные стремления говорили в них чрезвычайно сильно, незаглушаемо. В практической деятельности они часто делались мучениками своих стремлений, но никогда не проходили бесследно, никогда не оставались одинокими, в общественной деятельности они приобретали партию, в чистой науке делали открытия, в искусствах, в литературе образовали школу. Не говорим о деятелях общественных, которых роль в истории всякому должна быть понятна после того, что мы сказали на предыдущей странице. Но заметим, что и в деле науки и литературы за великими личностями всегда сохранялся тот характер, который мы обозначили выше, – сила естественных, живых стремлений. С искажением этих

стремлений в массе совпадает водворение многих нелепых понятий о мире и человеке; эти понятия, в свою очередь, мешали общему благу.

Чтобы не заходить далеко, вспомним, сколько зла причинили человечеству нелепости фетишизма и всякого рода космогонические бредни, а потом астрологические и кабалистические мистерии на разные лады. Люди чистой науки, делавшие астрономические и физические открытия или установлявшие новые философские начала, умели слушать голос естественных, здравых требований ума и помогали человечеству избавляться от тех или других искусственных комбинаций, вредивших устройству общего благоденствия. С каждым из этих людей человечество делало новый шаг в развитии правильных, естественных понятий, и по важности этих шагов можем мы определять личное достоинство каждого деятеля. То же самое прилагается и к людям прикладных знаний, техникам, механикам, агрономам, врачам и пр. То же видим и в области искусств, и в литературе.

Литератору до сих пор предоставлена была небольшая роль в этом движении человечества к естественным началам, от которых оно отклонилось. По существу своему литература не имеет деятельного значения, она только или предполагает то, что нужно сделать, или изображает то, что уже делается и сделано. В первом случае, то есть в предположениях будущей деятельности, она берет свои материалы и основания из чистой науки; во втором – из самых фактов жизни. Таким образом, вообще говоря, литература представляет собою силу служебную, которой значение состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует. В литературе, впрочем, являлось до сих пор несколько деятелей, которые в своей пропаганде стоят так высоко, что их не превзойдут ни практические деятели для блага человечества, ни люди чистой науки. Эти писатели были одарены так богато природою, что умели как бы по инстинкту приблизиться к естественным понятиям и стремлениям, которых еще только искали современные им философы с помощью строгой науки. Мало того: то, что философы только предугадывали в теории, гениальные писатели умели это схватывать в жизни и изображать в действии. Таким образом, служа полнейшими представителями высшей степени человеческого сознания в известную эпоху и с этой высоты обозревая жизнь людей и природы и рисуя ее перед нами, они возвышались над служебною ролью литературы и становились в ряд исторических деятелей, способствовавших человечеству в яснейшем сознании его живых сил и естественных наклонностей.

457 слов

№ 11 С. Н. Шубинский «Холмогорская старина» (фрагмент)

Северная Двина за 112 верст до впадения в Белое море образует своими рукавами несколько островов. На одном из них находится уездный город Архангельской губернии Холмогоры. С восточной стороны он прилегает к рукаву Двины, называемому Курополкою, а с остальных трех сторон окружен обширными и роскошными лугами, омываемыми речкою Оногрою. По этим лугам идет в Холмогоры почтовая дорога. Ровно и гладко стелется она – не в пример всем другим архангельским дорогам. Взоры путешественника, утомленные однообразными, унылыми видами дикой архангельской природы, с пустынными полями, кочками и болотами, лесами с чахлыми, малорослыми деревьями, отдыхают на веселых, раскинувшихся вдаль лугах, замыкаемых волнистою линиею холмов и пригорков с разбросанными на них деревнями.

Но насколько живописны окрестности Холмогор, настолько же некрасив и беден самый город. Посредине его тянется грязная кривая улица, прерываемая пустырями, заросшими травой. Сотни полторы домов, искривленных и почерневших от ветхости, виднеются в разных направлениях на двухверстном пространстве. Единственный в

городе каменный казенный дом представляется роскошными палатами среди своих убогих деревянных соседей... И еще грязнее и унылее кажется город, когда взглянешь на его роскошную реку, на зеленые острова с деревнями на холмах и полями по косогорам.

А между тем этот городок принадлежит к числу древнейших на Руси и играл некогда довольно важную роль в истории северо-востока нашего отечества. Пронеслись над ним чуть не сказочные времена владычества белоглазой чуди, видал он и буйную вольницу новгородскую, был центром администрации и торговли на дальнем Севере во времена московских царей; здесь жили правители Двинской области и архиереи холмогорской и важской епархии. Одним словом, вся древняя история северного края России выразилась в истории Холмогор точно так же, как новая история этого края тесно связана с Архангельском.

Из памятников старины, свидетельствующих о былом значении Холмогор, до наших дней сохранилось только два: собор во имя Преображения Господня и женский Успенский монастырь, переделанный из прежнего архиерейского дома, где почти сорок лет томилось в тесном заключении Брауншвейгское семейство.

303 слова

№ 12 В. А. Гиляровский «Москва и москвичи» (фрагмент)

Грохот трамваев. Вся расцвеченная, площадь то движется вперед, то вдруг останавливается, и тысячи людских голов поднимают кверху глаза: над Москвой мчатся стаи самолетов – то гусиным треугольником, то меняя построение, как стеклышки в калейдоскопе.

Рядом со мной, у входа в Малый театр, сидит единственный в Москве бронзовый домовладелец, в том же самом заячьем халатике, в котором он писал «Волки и овцы». На стене у входа я читаю афишу этой пьесы и переношусь в далекое прошлое.

К подъезду Малого театра, утопая железными шинами в несгребенном снегу и ныряя по ухабам, подползла облезлая допотопная театральная карета. На козлах качался кучер в линючем армяке и вихрастой, с вылезшей клочьями паклей шапке, с подвязанной щекой. Он чмокал, цыкал, дергал веревочными вожжами пару разномастных, никогда не чищенных «кабысдохов», из тех, о которых популярный в то время певец Паша Богатырев пел в концертах слезный романс:

Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих...

В восьмидесятых годах девственную неприкосновенность Театральной площади пришлось ненадолго нарушить, и вот по какой причине.

Светловодная речка Неглинка, заключенная в трубу, из-за плохой канализации стала клоакой нечистот, которые стекали в Москву-реку и заражали воду.

С годами труба засорилась, ее никогда не чистили, и после каждого большого ливня вода заливала улицы, площади, нижние этажи домов по Неглинному проезду.

Потом вода уходила, оставляя на улице зловонный ил и наполняя подвальные этажи нечистотами.

Так шли годы, пока не догадались выяснить причину. Оказалось, что повороты (а их было два: один – под углом Малого театра, а другой – на площади, под фонтаном с фигурами скульптора Витали) были забиты отбросами города.

Подземные болота, окружавшие площадь, как и в древние времена, тоже не имели выхода.

Начали перестраивать Неглинку, открыли ее своды. Пришлось на площади забить несколько свай.

277 слов

№ 13 В. А. Гиляровский «Москва и москвичи» (фрагмент)

Сухаревка – дочь войны. Смоленский рынок – сын чумы.

Он старше Сухаревки на 35 лет. Он родился в 1777 году. После московской чумы последовал приказ властей продавать подержанные вещи исключительно на Смоленском рынке и то только по воскресеньям во избежание разнесения заразы.

После войны 1812 года, как только стали возвращаться в Москву москвичи и начали разыскивать свое разграбленное имущество, генерал-губернатор Растопчин издал приказ, в котором объявил, что «все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются неотъемлемой собственностью того, кто в данный момент ими владеет, и что всякий владелец может их продавать, но только один раз в неделю, в воскресенье, в одном только месте, а именно на площади против Сухаревской башни». И в первое же воскресенье горы награбленного имущества запрудили огромную площадь, и хлынула Москва на невиданный рынок.

Это было торжественное открытие вековой Сухаревки.

Сухарева башня названа Петром I в честь Сухарева, стрелецкого полковника, который единственный со своим полком остался верен Петру во время стрелецкого бунта.

Высоко стояла вековая Сухарева башня с ее огромными часами. Издалека было видно. В верхних ее этажах помещались огромные цистерны водопровода, снабжавшего водой Москву.

Много легенд ходило о Сухаревой башне: и «колдун Брюс» делал там золото из свинца, и черная книга, написанная дьяволом, хранилась в ее тайниках. Сотни разных легенд – одна нелепее другой.

По воскресеньям около башни кипел торг, на который, как на праздник, шла вся Москва, и подмосковный крестьянин, и заезжий провинциал.

Против роскошного дворца Шереметевской больницы вырастали сотни палаток, раскинутых за ночь на один только день. От рассвета до потемок колыхалось на площади море голов, оставляя узкие дорожки для проезда по обеим сторонам широченной в этом месте Садовой улицы. Толклось множество народа, и у всякого была своя цель.

Сюда в старину москвичи ходили разыскивать украденные у них вещи, и не безуспешно, потому что исстари Сухаревка была местом сбыта краденого. Вор-одиночка тащил сюда под полой «стыренные» вещи, скупщики возили их возами. Вещи продавались на Сухаревке дешево, «по случаю». Сухаревка жила «случаем», нередко несчастным. Сухаревский торговец покупал там, где несчастье в доме, когда все нипочем; или он «укупит» у не знающего цену нуждающегося человека, или из-под полы «товарца» приобретет, а этот «товарец» иногда дымом поджога пахнет, иногда и кровью облит, а уж слезами горькими – всегда. За бесценок купит и дешево продает...

Лозунг Сухаревки: «На грош пятаков!»

369 слов

№ 14 А. И. Куприн «Гранатовый браслет» (фрагмент)

В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи. То задувал с северо-запада, со стороны степи свирепый ураган; от него верхушки деревьев

раскачивались, пригибаясь и выпрямляясь, точно волны в бурю, гремели по ночам железные кровли дач, казалось, будто кто-то бегает по ним в подкованных сапогах, вздрагивали оконные рамы, хлопали двери, и дико завывало в печных трубах. Несколько рыбачьих баркасов заблудилось в море, а два и совсем не вернулись: только спустя неделю повыбрасывало трупы рыбаков в разных местах берега.

Обитатели пригородного морского курорта – большей частью греки и евреи, жизнелюбивые и мнительные, как все южане, – поспешно перебирались в город. По размякшему шоссе без конца тянулись ломовые дроги, перегруженные всяческими домашними вещами: тюфяками, диванами, сундуками, стульями, умывальниками, самоварами. Жалко, и грустно, и противно было глядеть сквозь мутную кисею дождя на этот жалкий скарб, казавшийся таким изношенным, грязным и нищенским; на горничных и кухарок, сидевших на верху воза на мокром брезенте с какими-то утюгами, жестянками и корзинками в руках, на запотевших, обессилевших лошадей, которые то и дело останавливались, дрожа коленями, дымясь и часто нося боками, на сипло ругавшихся дрогалей, закутанных от дождя в рогожи. Еще печальнее было видеть оставленные дачи с их внезапным простором, пустотой и оголенностью, с изуродованными клумбами, разбитыми стеклами, брошенными собаками и всяческим дачным сором из окурков, бумажек, черепков, коробочек и аптекарских пузырьков.

Но к началу сентября погода вдруг резко и совсем нежданно переменилась. Сразу наступили тихие безоблачные дни, такие ясные, солнечные и теплые, каких не было даже в июле. На обсохших сжатых полях, на их колючей желтой щетине заблестела слюдяным блеском осенняя паутина. Успокоившиеся деревья бесшумно и покорно роняли желтые листья.

Княгиня Вера Николаевна Шеина, жена предводителя дворянства, не могла покинуть дачи, потому что в их городском доме еще не покончили с ремонтом. И теперь она очень радовалась наступившим прелестным дням, тишине, уединению, чистому воздуху, щебетанью на телеграфных проволоках ласточек, стаившихся к отлету, и ласковому соленому ветерку, слабо тянувшему с моря.

374 слова

№ 15 И. А. Бунин «Суходол» (фрагмент)

Пахло жасмином в старой гостиной с покосившимися полами. Сгнивший, серо-голубой от времени балкон, с которого, за отсутствием ступенек, надо было спрыгивать, тонул в крапиве, бузине, бересклете. В жаркие дни, когда его пекло солнце, когда были отворены осевшие стеклянные двери и веселый отблеск стекла передавался в тусклое овальное зеркало, висевшее на стене против двери, все вспоминалось нам фортепиано тети Тони, когда-то стоявшее под этим зеркалом. Когда-то играла она на нем, глядя на пожелтевшие ноты с заглавиями в завитушках, а он стоял сзади, крепко подпирая талию левой рукой, крепко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесные бабочки – и в ситцевых пестреньких платьицах, и в японских нарядах, и в черно-лиловых бархатных шалях – залетали в гостиную. И перед отъездом он с сердцем хлопнул однажды ладонью по одной из них, трепетно замиравшей на крышке фортепиано. Осталась только серебристая пыль. Но, когда девки, по глупости, через несколько дней стерли ее, с тетей Тоней сделалась истерика. Мы выходили из гостиной на балкон, садились на теплые доски – и думали, думали. Ветер, пробегая по саду, доносил до нас шелковистый шелест берез с атласно-белыми, испещренными чернью стволами и широко раскинутыми зелеными ветвями, ветер, шумя и шелестя, бежал с полей – и зелено-золотая иволга вскрикивала резко и радостно, колом проносясь над белыми цветами за болтливыми галками, обитавшими с многочисленным родством в развалившихся трубах и в темных чердаках, где пахнет

старыми кирпичами и через слуховые окна полосами падает на бугры серо-фиолетовой золы золотой свет; ветер замирал, сонно ползали пчелы по цветам у балкона, совершая свою неспешную работу, – и в тишине слышался только ровный, струящийся, как непрерывный мелкий дождик, лепет серебристой листвы тополей... Мы бродили по саду, забирались в глушь окраин. Там, на этих окраинах, слившихся с хлебами, в прадедовской бане с провалившимся потолком, в той самой бане, где Наталья хранила украденное у Петра Петровича зеркальце, жили белые трусы. Как они мягко выпрыгивали на порог, как странно, шевеля усами и раздвоенными губами, косили они далеко расставленные, выпученные глаза на высокие татарки, кусты белены и заросли крапивы, глушившей терн и вишенник! А в полураскрытой риге жил филин. Он сидел на перемете, выбрав место посумрачнее, торчком подняв уши, выкатив желтые слепые зрачки – и вид у него был дикий, чертовский. Опускалось солнце далеко за садом, в море хлебов, наступал вечер, мирный и ясный, куковала кукушка в Трошином лесу, жалобно звенели где-то над лугами жалейки старика-пастуха Степы... Филин сидел и ждал ночи. Ночью все спало – и поля, и деревня, и усадьба. А филин только и делал, что ухал и плакал. Он неслышно носился вкруг риги, по саду, прилетал к избе тети Тони, легко опускался на крышу – и болезненно вскрикивал...

419 слов

№ 16 В. Г. Распутин «Пожар» (фрагмент)

И прежде чувствовал Иван Петрович, что силы его на исходе, но никогда еще так: край, да и только. Он поставил машину в гараж, вышел через пустую проходную в улицу, и впервые дорога от гаража до дома, которую он двадцать лет не замечал, как не замечаешь в здоровье собственного дыхания, впервые пустячная эта дорога представилась ему по всей своей дотошной вытянутости, где каждый метр требовал шага и для каждого шага требовалось усилие. Нет, не несли больше ноги, даже и домой не несли.

И предстоящая неделя, последняя рабочая неделя, показалась теперь бесконечной – дольше жизни. Нельзя было вообразить, как, в каких потугах можно миновать ее, эту неделю, и уж совсем не поддавалось ни взгляду, ни мысли то существование, которое могло начаться вслед за нею. Там было что-то чужое, запретное – заслуженное, но и ненужное, и уж не дальше и не видимей самой смерти представлялось оно в эти горькие минуты.

И с чего так устал? Не надрывался сегодня, обошлось даже и без нервотрепки, без крика. Просто край открылся, край – дальше некуда. Еще вчера что-то оставалось наперед, сегодня кончилось. Как завтра подыматься, как заводить опять и выезжать – неизвестно. Но оно и в завтрашний день верилось с трудом, и какое-то недоброе удовольствие чувствовалось в том, что не верилось, пусть бы долго-долго, без меры и порядка ночь, чтоб одним отдохнуть, другим опамятоваться, третьим протрезветь... А там – новый свет и выздоровление. Вот бы хорошо.

Вечер был мякотный, тихий... Как растеплило днем, так и не поджало и вроде не собиралось поджимать. Мокрый снег и по твердой дороге продавливался под ногами, оставляя глубокие следы; продолжали булькать, скатываясь под уклон, ручейки. В загустевших чистой синью бархатных сумерках все кругом в это весеннее половодье казалось затопленным, плавающим беспорядочно в мокрени, и только Ангара, где снег был белее и чище, походила издали на твердый берег.

Иван Петрович добрался наконец до дому, не помня, останавливался, заговаривал с кем по дороге или нет, без обычной боли, – когда то ли обрывалась, то ли восставала душа, – прошел мимо разоренного палисадника перед избой и прикрыл за собой калитку.

С заднего двора, от стайки, слышался голос Алены, ласково внушающий что-то месячной телочке. Иван Петрович скинул в сенцах грязные сапоги, заставил себя умыться и не выдержал, упал на лежанку в прихожей возле большого теплого бока русской печи. «Вот тут теперь и место мое», – подумал он, прислушиваясь, не идет ли Алена, и страдая оттого, что придется подниматься на ужин. Алена не отстанет, пока не накормит. А так не хотелось подниматься! Ничего не хотелось. Как в могиле.

404 слов

№ 17 Андрей Платонов «Котлован» (фрагмент)

Инженер Прушевский уже с двадцати пяти лет почувствовал стеснение своего сознания и конец дальнейшему понятию жизни, будто темная стена предстала в упор перед его ощущающим умом. И с тех пор он мучился, шевелясь у своей стены, и успокаивался, что, в сущности, самое срединное, истинное устройство вещества, из которого скомбинирован мир и люди, им постигнуто, – вся насущная наука расположена еще до стены его сознания, а за стеною находится лишь скучное место, куда можно и не стремиться. Но все же интересно было – не вылез ли кто-нибудь за стену вперед. Прушевский еще раз подошел к стене барака, согнувшись, поглядел по ту сторону на ближнего спящего, чтобы заметить на нем что-нибудь неизвестное в жизни; но там мало было видно, потому что в ночной лампе иссякал керосин, и слышалось одно медленное, западающее дыхание. Прушевский оставил барак и отправился бриться в парикмахерскую ночных смен; он любил, чтобы во время тоски его касались чьи-нибудь руки.

После полуночи Прушевский пришел на свою квартиру – флигель во фруктовом саду, открыл окно в темноту и сел посидеть. Слабый местный ветер начинал иногда шевелить листья, но вскоре опять наступала тишина. Позади сада кто-то шел и пел свою песню; то был, наверно, счетовод с вечерних занятий или просто человек, которому скучно спать. Вдалеке, на весу и без спасения, светила неясная звезда, и ближе она никогда не станет. Прушевский глядел на нее сквозь мутный воздух, время шло, и он сомневался:

– Либо мне погибнуть?

Прушевский не видел, кому бы он настолько требовался, чтоб непременно поддерживать себя до еще далекой смерти. Вместо надежды ему осталось лишь терпение, и где-то за чередою ночей, за опавшими, расцветшими и вновь погибшими садами, за встреченными и минувшими людьми существует его срок, когда придется лечь на койку, повернуться лицом к стене и скончаться, не сумев заплакать. На свете будет жить только его сестра, но она родит ребенка, и жалость к нему станет сильнее грусти по мертвому, разрушенному брату.

– Лучше я умру, – подумал Прушевский. – Мною пользуются, но мне никто не рад. Завтра я напишу последнее письмо сестре, надо купить марку с утра.

И решив скончаться, он лег в кровать и заснул со счастьем равнодушия к жизни. Не успев еще почувствовать всего счастья, он от него проснулся в три часа пополуночи и, осветив квартиру, сидел среди света и тишины, окруженный близкими яблонями, до самого рассвета, и тогда открыл окно, чтобы слышать птиц и шаги пешеходов.

382 слова

№ 18 Ч. Т. Айтматов «Плаха» (фрагмент)

Вслед за коротким, легким, как детское дыхание, дневным потеплением на обращенных к солнцу горных склонах погода вскоре неуловимо изменилась – заветрило

с ледников, и уже закрадывались по ущельям всюду проникающие резкие ранние сумерки, несущие за собой холодную сизость предстоящей снежной ночи.

Снега было много вокруг. На всем протяжении Прииссыккульского кряжа горы были завалены метельным свеем, прокатившимся по этим местам пару дней тому назад, как полыхнувший вдруг по прихоти своевольной стихии пожар.

Жутко, что тут разыгралось – в метельной кромешности исчезли горы, исчезло небо, исчез весь прежний видимый мир. Потом все стихло, и погода прояснилась. С тех пор, с умиротворением снежного шторма, скованные великими заносами горы стояли в цепенеющей и отстранившейся ото всего на свете стылой тишине.

И только все настойчивей возрастающий и все прибывающий гул крупнотоннажного вертолета, пробирающегося в тот предвечерний час по каньону Узун-Чат к ледяному перевалу Ала-Монгю, задымленному в ветреной выси кручеными облаками, все нарастал, все приближался, усиливаясь с каждой минутой, и наконец восторжествовал – полностью завладел пространством и поплыл всеподавляющим, гремучим рокотом над недоступными ни для чего, кроме звука и света, хребтами, вершинами, высотными льдами. Умножаемый среди скал и распадков многократным эхом, грохот над головой надвигался с такой неотвратимой и грозной силой, что казалось, еще немного – и случится нечто страшное, как тогда – при землетрясении...

В какой-то критический момент так и получилось – с крутого, обнаженного ветрами каменистого откоса, что оказался по курсу полета, тронулась, дрогнув от звукового удара, небольшая осыпь и тут же приостановилась, как заговоренная кровь. Этого толчка неустойчивому грунту, однако, было достаточно, чтобы несколько увесистых камней, сорвавшись с крутизны, покатились вниз, все больше разбегаясь, раскручиваясь, вздымая следом пыль и щебень, а у самого подножия проломились, подобно пушечным ядрам, сквозь кусты краснотала и барбариса, пробили сугробы, достигли накатом волчьего логова, устроенного здесь серыми под свесом скалы, в скрытой за зарослями расщелине близ небольшого, наполовину замерзшего теплого ручья.

Волчица Акбара отпрянула от скатившихся сверху камней и посыпавшегося снега и, пятясь в темень расщелины, сжалась, как пружина, вздыбив загривок и глядя перед собой дико горящими в полутьме, фосфоресцирующими глазами, готовая в любой момент к схватке. Но опасения ее были напрасны. Это в открытой степи страшно, когда от преследующего вертолета некуда деться, когда он, настигая, неотступно гонится по пятам, оглушая свистом винтов и поражая автоматными очередями, когда в целом свете нет от вертолета спасения, когда нет такой щели, где можно было бы схоронить бедовую волчью голову, – ведь не расступится же земля, чтобы дать укрытие гонимым.

В горах иное дело – здесь всегда можно ускакать, всегда найдется где затаиться, где переждать угрозу. Вертолет здесь не страшен, в горах вертолету самому страшно. И однако страх безрассуден, тем более уже знакомый, пережитый. С приближением вертолета волчица громко заскулила, собралась в комок, втянула голову, и все-таки нервы не выдержали, сорвалась-таки – и яростно взвыла Акбара, охваченная бессильной, слепой боязнью, и судорожно поползла на брюхе к выходу, лязгая зубами злобно и отчаянно, готовая сразиться, не сходя с места, точно надеялась обратить в бегство грохочущее над ущельем железное чудовище, с появлением которого даже камни стали валиться сверху, как при землетрясении.

489 слов

№ 19 В. П. Астафьев «Царь-рыба» (фрагмент)

По своей воле и охоте редко уж мне приходится ездить на родину. Все чаще зовут туда на похороны и поминки – много родни, много друзей и знакомцев – это хорошо: много любви за жизнь получишь и отдашь, да хорошо, пока не подойдет пора близким тебе людям падать, как падают в старом бору перестоялые сосны, с тяжелым хрустом и долгим выдохом...

Однако доводилось мне бывать на Енисее и без зова кратких скорбных телеграмм, выслушивать не одни причитания. Случались счастливые часы и ночи у костра на берегу реки, подрагивающей огнями бакенов, до дна пробитой золотыми каплями звезд; слушать не только плеск волн, шум ветра, гул тайги, но и неторопливые рассказы людей у костра на природе, по-особенному открытых, рассказы, откровения, воспоминания до темнозори, а то и до утра, занимающегося спокойным светом за дальними перевалами, пока из ничего не возникнут, не наползут липкие туманы, и слова сделаются вязкими, тяжелыми, язык неповоротлив, и огонек притухнет, и все в природе обретет ту долгожданную миротворность, когда слышно лишь младенчески-чистую душу ее. В такие минуты остаешься как бы один на один с природою и с чуть боязной тайной радостью ощутишь: можно и нужно, наконец-то, довериться всему, что есть вокруг, и незаметно для себя отмякнешь, словно лист или травинка под росою, уснешь легко, крепко и, засыпая до первого луча, до пробного птичьего перебора у летней воды, с вечера хранящей парное тепло, улыбнешься давно забытому чувству – так вот вольно было тебе, когда ты никакими еще воспоминаниями не нагрузил память, да и сам себя едва ли помнил, только чувствовал кожей мир вокруг, привыкал глазами к нему, прикреплялся к древу жизни коротеньким стерженьком того самого листа, каким ощутил себя сейчас вот, в редкую минуту душевного покоя...

Но так уж устроен человек: пока он жив – растревоженно работают его сердце, голова, вобравшая в себя не только груз собственных воспоминаний, но и память о тех, кто встречался на росстанях жизни и навсегда канул в бурлящий людской водоворот либо прикипел к душе так, что уж не оторвать, не отделить ни боль его, ни радость от своей боли, от своей радости.

332 слов

№ 20 В. М. Песков «Слетки» (фрагмент)

В Тригорском парке около самой «скамьи Онегина» я увидел двух странных ворон: сидят в неестественных позах и как будто совсем не страшатся людей. Подошел ближе – молодые вороны, видимо, только что из гнезда. Подпустили к себе вплотную. Протянул руку – не шевелятся. Тронул одну за клюв, чуть повернул голову – застыла в навязанной позе, как будто ее слепили из пластилина. У второй осторожно раскрыл клюв, переставил на сучок одну лапку, намеренно сделав позу до крайности неудобной, – застыла как под гипнозом. И ни единого звука протеста. С ума сходили родители: неистово долбили клювами ветки (это выглядело как стучание кулаком по столу у людей) и так орали, что всполошили всю воронью слободку в Тригорском. А молодые сидели спокойно в забавных неестественных позах. И так продолжалось до той минуты, когда я, пятясь, удалился на почтенное расстоянье. Сердитые крики старых ворон прекратились, и сразу же два несмышленыша «разморозились»: потянулись, зевнули, разинув клювы, показали родителям, что не прочь закусить. В бинокль было видно: в ход пошли червяки и поделенный между едоками птенчик какой-то маленькой птицы.

После еды молодые вороны чуть задремали. Потом стали ерзать и двигаться по сучку. Но стоило мне подойти, все повторилось: птенцы немедленно затаились,

оцепенели. Крик родителей, угрожавших обидчику, для них был сигналом: «Замрите, не шевелитесь!»

Такая картина в июне наблюдается повсеместно. У многих птиц молодежь покинула гнезда. О мире, окружающем слетков, представленья еще никакого. И единственное средство себя защитить у всех одинаково: замереть, затаиться, не шевелиться. Пенечком, корявым сучком, подняв клювики кверху, сидят дрозды; неслышно, как неживые, в чаще прячутся сорочата. И все, все, кто покинул гнезда, ведут себя в эти дни тише воды, ниже травы.

Благое дело, увидев слетка, не думать, что он обижен судьбою, одинок и забыт, и не пытаться его спасать. Странная неподвижность – проверенный способ остаться никем не замеченным, кроме родителей. А родители находят его по крику: «Я тут, я голоден!» Непременно находят, кормят и согревают, самоотверженно, притворясь ранеными, отводят от слетков врагов. А через неделю, глядишь, подросток уже ума-разума накопил, уже понимает, что к чему в этом мире, да и крылья уже готовы – раз и вспорхнул!

Случай особый – это птенец серой цапли. Он не вылетел из гнезда, а упал. Такое бывает. Неосторожность, излишнее любопытство, сильный порывистый ветер – и вот птенец уже не в гнезде высоко в соснах, а на холодной мокрой земле. Голоден, перья только-только начали расти, да к тому же ушибся. Он был обречен. У цапель «что с воза упало, то пропало» – о птенцах, оказавшихся на земле, ни малейшего беспокойства, упавший считается «браком». Обыкновенно это добыча лисицы, ворон, муравьев. Но в этот раз птенца заметил доброй души человек. Обогрел, накормил мороженым хеком. Не очень вкусно, но голод не тетка. И вот оперяется цапля, растет, поставлена на довольствие местными рыболовами. Любит греться на солнце. Знает в лицо свою покровительницу. Для всех остальных наготове длинный, как острога, клюв.

Много хлопот с долговязым и неуклюжим приемышем. Но милосердие вознаграждается. Скоро серая цапля сможет уже и сама рыбачить на мелководьях у речки Сороть.

481 слово

№ 21 Ф. И. Тютчев «Весна» (фрагмент)

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, –
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна… Она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,

Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею –
О том не ведает она;
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея,
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет, –
И страх кончины неизбежной
Не свеет с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь –
И жизни Божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

179 слов

№ 22 Максим Горький «Детство» (фрагмент)

Началась и потекла со страшной быстротой густая, пестрая, невыразимо странная жизнь. Она вспоминается мне, как суровая сказка, хорошо рассказанная добрым, но мучительно правдивым гением. Теперь, оживляя прошлое, я сам порою с трудом верю, что все было именно так, как было, и многое хочется оспорить, отвергнуть, – слишком обильна жестокостью темная жизнь «неумного племени».

Но правда выше жалости, и ведь не про себя я рассказываю, а про тот тесный, душный круг жутких впечатлений, в котором жил – да и по сей день живет – простой русский человек.

Дом деда был наполнен горячим туманом взаимной вражды всех со всеми; она отравляла взрослых, и даже дети принимали в ней живое участие. Впоследствии из рассказов бабушки я узнал, что мать приехала как раз в те дни, когда ее братья настойчиво требовали у отца раздела имущества. Неожиданное возвращение матери еще более обострило и усилило их желание выделиться. Они боялись, что моя мать потребует приданого, назначенного ей, но удержанного дедом, потому что она вышла замуж «самокруткой», против его воли. Дядья считали, что это приданое должно быть поделено между ними. Они тоже давно и жестоко спорили друг с другом о том, кому открыть мастерскую в городе, кому – за Окой, в слободе Кунавине.

Уже вскоре после приезда, в кухне, во время обеда, вспыхнула ссора: дядья внезапно вскочили на ноги и, перегибаясь через стол, стали выть и рычать на дедушку, жалобно скаля зубы и встряхиваясь, как собаки, а дед, стуча ложкой по столу, покраснел весь и звонко – петухом – закричал:

– По миру пущу!

Болезненно искривив лицо, бабушка говорила:

– Отдай им все, отец, – спокойней тебе будет, отдай!

– Цыц, потатчица! – кричал дед, сверкая глазами, и было странно, что, маленький такой, он может кричать столь оглушительно.

Мать встала из-за стола и, не торопясь отойдя к окну, повернулась ко всем спиною.

Вдруг дядя Михаил ударил брата наотмашь по лицу; тот взвыл, сцепился с ним, и оба покатились по полу, хрипя, охая, ругаясь.

Заплакали дети; отчаянно закричала беременная тетка Наталья; моя мать потащила ее куда-то, взяв в охапку; весёлая рябая нянька Евгенья выгоняла из кухни детей; падали стулья; молодой широкоплечий подмастерье Цыганок сел верхом на спину дяди Михаила, а мастер Григорий Иванович, плешивый, бородатый человек в темных очках, спокойно связывал руки дяди полотенцем. Вытянув шею, дядя терся редкой черной бородой по полу и хрипел страшно, а дедушка, бегая вокруг стола, жалобно вскрикивал:

– Братья, а! Родная кровь! Эх, вы...

380 слов

№ 23 А. И. Куприн «Чудесный доктор» (фрагмент)

Здесь, освещенные ярким светом висящих ламп, возвышались целые горы красных крепких яблоков и апельсинов; стояли правильные пирамиды мандаринов, нежно золотившихся сквозь окутывающую их папиросную бумагу; протянулись на блюдах, уродливо разинув рты и выпучив глаза, огромные копченые и маринованные рыбы; ниже, окруженные гирляндами колбас, красовались сочные разрезанные окорока с толстым слоем розоватого сала... Бесчисленное множество баночек и коробочек с солеными, вареными и копчеными закусками довершало эту эффектную картину, глядя на которую оба мальчика на минуту забыли о двенадцатиградусном морозе и о важном поручении, возложенном на них матерью, – поручении, окончившемся так неожиданно и так плачевно.

Старший мальчик первый оторвался от созерцания очаровательного зрелища. Он дернул брата за рукав и произнес сурово:

– Ну, Володя, идем, идем... Нечего тут...

Одновременно подавив тяжелый вздох (старшему из них было только десять лет, и к тому же оба с утра ничего не ели, кроме пустых щей) и кинув последний влюбленно-жадный взгляд на гастрономическую выставку, мальчуганы торопливо побежали по улице. Иногда сквозь запотевшие окна какого-нибудь дома они видели елку, которая издали казалась громадной гроздью ярких, сияющих пятен, иногда они слышали даже звуки веселой польки... Но они мужественно гнали от себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на несколько секунд и прильнуть глазком к стеклу.

По мере того как шли мальчики, все малолюднее и темнее становились улицы. Прекрасные магазины, сияющие елки, рысаки, мчавшиеся под своими синими и красными сетками, визг полозьев, праздничное оживление толпы, веселый гул окриков и разговоров, разрумяненные морозом смеющиеся лица нарядных дам – все осталось позади. Потянулись пустыри, кривые, узкие переулки, мрачные, неосвещенные косогоры... Наконец они достигли покосившегося ветхого дома, стоявшего особняком; низ его – собственно подвал – был каменный, а верх – деревянный. Обойдя тесным, обледенелым и грязным двором, служившим для всех жильцов естественной помойной ямой, они спустились вниз, в подвал, прошли в темноте общим коридором, отыскали ощупью свою дверь и отворили ее.

Уже более года жили Мерцаловы в этом подземелье. Оба мальчугана давно успели привыкнуть и к этим закоптелым, плачущим от сырости стенам, и к мокрым отрепкам, сушившимся на протянутой через комнату веревке, и к этому ужасному запаху керосинового чада, детского грязного белья и крыс – настоящему запаху нищеты. Но сегодня, после всего, что они видели на улице, после этого праздничного ликования, которое они чувствовали повсюду, их маленькие детские сердца сжались от острого, недетского страдания. В углу, на грязной широкой постели, лежала девочка лет семи; ее лицо горело, дыхание было коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящие глаза смотрели пристально и бесцельно. Рядом с постелью, в люльке, привешенной к потолку, кричал, морщась, надрываясь и захлебываясь, грудной ребенок. Высокая, худая женщина, с изможденным, усталым, точно почерневшим от горя лицом, стояла на коленях около больной девочки, поправляя ей подушку и в то же время не забывая подталкивать локтем качающуюся колыбель.

436 слов

№ 24 М. Ю. Лермонтов «Демон» (фрагмент)

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья.
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы!

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья –
И зло наскучило ему.

И над вершинами Кавказа

Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, – и горный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы –
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

239 слов

№ 25 П. Сергеич «Искусство речи на суде» (фрагмент)

Философские мысли, как и афоризмы практической мудрости, не только украшают речь, но и придают ей силу. Когда перед нами говорит человек остроумный и начитанный, его приятно послушать; когда говорит человек образованный, много думавший и знающий жизнь, его полезно слушать. И коронные судьи, и присяжные заседатели бывают весьма склонны преувеличивать свой ум и знание людей и пренебрежительно относятся к молодому товарищу прокурора или помощнику присяжного поверенного; они по большей части думают, что речи сторон – ненужная болтовня, что они сами понимают дело лучше ораторов и знают без них, как надо решить его. Но когда из юных уст раздаются суждения, достойные зрелого мужа или седого старика, это отношение быстро меняется. И в этом смысле именно внушительны общие мысли, а не разбор обстоятельств дела. Это объясняется просто. Способность к обобщениям есть одно из высших свойств нашего разума, и большинство людей обладает ею лишь в ограниченной мере; с другой стороны, уловить связь отдельного факта с общей мыслью может только тот, кто ясно усвоил ее, проникся ею; у другого новые факты могут скорее затемнить, чем осветить ее; этим объясняется, почему люди малоразвитые так боятся парадоксов.

Общие мысли привлекательны для слушателей еще и тем, что в них сказывается личность оратора. Терсит может говорить, но не может мыслить и чувствовать, как

Патрокл; высокий ум «и говорит и мыслит благородно». В одной из речей А. Ф. Кони в Государственном совете есть следующее место: «Неправильно было бы сравнивать работу судьи с работой должностных лиц других присутственных мест. Как бы ни был предан своему делу и усерден управляющий контрольной или казенной палатой, он имеет право быть занят лишь в присутственные часы; кончились они – и он может всецело отдаться семье, знакомым, развлечениям, книгам или какому-нибудь любимому занятию. А судья, понимающий и исполняющий свой долг, когда свободен от умственной работы, от изучения дел, от раздумья о завтрашнем решении, от тревожных воспоминаний и проверки себя по поводу вчерашнего приговора?» – так мог сказать только тот, кто мог так подумать, а подумать мог только тот, кто испытал. Много ли найдется среди нас таких, для кого самая мысль не была вполне чуждой?

335 слов

№ 26 Г. А. Федоров «Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века» (фрагмент)

Вспомним слова Ф. Достоевского: «Ведь грустно и смешно в самом деле подумать, что не было бы Арины Родионовны, няньки Пушкина, так, может быть, и не было б у нас Пушкина. Ведь это вздор?.. Вот теперь много русских детей везут воспитываться во Францию; ну что, если туда увезли какого-нибудь Пушкина и там у него не будет ни Арины Родионовны, ни русской речи с колыбели?».

А был ли в жизни самого Ф. М. Достоевского такой человек, близкий, родной, украсивший детство добротой и преданностью?

Варенька Доброселова, героиня первого романа Ф. Достоевского «Бедные люди», вспоминая о своем «золотом детстве», называет и двух нянек. «Старая няня Ульяна рассказывает про старое время или страшные сказки про колдунов и мертвецов. Мы, дети, замолчим разом... чу! шум! Как будто кто-то стучит! Ничего не бывало; это гудит самопрялка у старой Фроловны; сколько смеху бывало!»

Неоднократно отмечалось множество автобиографических реалий в первом романе Ф. Достоевского. «Старая Фроловна», к примеру, любимая няня детей Достевских Елена (Алена) Фроловна Крюкова, прослужившая у них четырнадцать с лишним лет. Ее наняли, когда в семье Достоевских уже росли Михаил, четырехлетний Федор, Варвара, перед рождением в 1825 году Андрея.

Вспоминая о Фроловне, Андрей Достоевский писал: «Говоря о нашем семействе, я не могу не упомянуть об личности, которая входила в его всею своею жизнию, всеми своими интересами. Это была няня Алена Фроловна». Она «была действительно замечательная личность, и не только была в уважении у родителей моих, но даже считалась как бы членом нашего дома, нашей семьи». Была она московской мещанкой, званьем очень гордилась и любила называть себя «гражданкой». Дети обращались к ней на «ты», но и она говорила им «ты», когда они были уже взрослыми. Единственной из прислуги ей дозволялось называть отца и мать Достоевских не барин и барыня, а по имени и отчеству.

286 слов

№ 27 И. А. Бродский «Рождественский романс» (фрагмент)

Евгению Рейну, с любовью

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный ход сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывет в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый.
Полночный поезд новобрачный
плывет в тоске необъяснимой.

Плывет во мгле замоскворецкой,
плывет в несчастие случайный,
блуждает выговор еврейский
на желтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья
под Новый год, под воскресенье,
плывет красотка записная,
своей тоски не объясняя.

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несет сочельник
над головою.

Твой Новый год по темно-синей
волне средь моря городского

плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова,
как будто будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

192 слова

№ 28 С. Н. Есин «Власть слова» (фрагмент)

Литература – вроде бульона, который подали писателю как питательное блюдо. Но это и миска, в которой сам писатель находится, словно сладкая мозговая косточка. Можно привести и другие «вкусные» и «несъедобные» аналогии, но суть их заключается в том, что литература не существует без писателя, а он сам и продукт ее, и подвижник. Отсюда – любовь писателя к литературе. А может быть, ненависть, как может ненавидеть собственный дом человек, для которого дом стал тюрьмой.

Считается, что свой дом – литературу – писатель должен знать. Это правда. По крайней мере, не существует никакого другого метода обучения и совершенствования писателя, кроме изучения и познания литературы. Метод аналогий и прикидывания... Так прикидывает на себя, зайдя в примерочную, платье модник. Но ведь благополучно живет и знаменитый анекдот: «Чукча не читатель, чукча – писатель». Это тоже не редкий феномен: писатель без большой культурной подпитки, без знания работ своих предшественников. Существует еще несколько легенд, утверждающих, что писателю такая подпитка не нужна. Эти легенды культивируются, как правило, в среде низкого культурного уровня, духовной лени. Хорошо эти басни рассказывать в пьяном виде. Тогда собеседники могут себя чувствовать вровень с поэтом или писателем, которого они только что оговорили.

Существует мнение, что таким довольно невежественным «самородком» был крупнейший поэт России Сергей Александрович Есенин. Исследователи творчества Есенина стыдливо начинают приводить данные о его школьном образовании, учительской семинарии в Спас-Клепиках, а там учили многому, и нескольких лекциях, которые он услышал в Москве в частном университете Шанявского. Все почему-то забывают о другом – о его раннем знакомстве с Блоком, о его армейской службе в 1917 году в госпитале, расположенном в Царском селе, где среди «персонала» были молодые того и другого пола отпрыски лучших фамилий России, о его в юности долгой дружбе и совместном проживании с Николаем Клюевым, виднейшим русским поэтом и одним из образованнейших людей России. Талантливый человек многое хватает на лету, на слух.

Находясь сверху, над бульонной чашкой, писатель видит, как обширны и величественны поля литературы. География ее действительно безбрежна. Есть писатели-ручейки, писатели-скалы, писатели – открытое шоссе, леса, рощи и острова, но есть и писатели-океаны! Масштабы при взгляде изнутри бульонной чашки и снаружи – разные. Восприятие этих масштабов меняется с возрастом. У восемнадцатилетнего писателя, только что написавшего свой первый рассказ, свое восприятие Льва Толстого. Жизнь расстилается впереди огромная и бесконечная, как эскалатор в метро. И в плане собственной жизни, которая, конечно, никогда не закончится, даже «Война и мир» – явление вполне рукотворное. Не гора, а горка. Но замечено, что при всей, казалось бы, рукотворности этот роман-эпопея так и не превзойден, «горка» не преодолена.

400 слов

№ 29 Д. Н. Шмелев «Современный русский язык» (фрагмент)

Целый ряд слов снабжен в толковых словарях пометами «высокое», «книжное», с одной стороны, и «разговорное», «просторечное» – с другой. Эти пометы указывают на то, что употребление соответствующих слов обусловлено определенным типом речи – разговаривая, например, в неофициальной обстановке о бытовых вещах, мы редко употребляем «высокие» слова, и, напротив, слова, отмеченные как «разговорные» и тем более «просторечные», были бы, как правило, неуместны в официальной обстановке, в публичном выступлении и т. п.

Помета «высокое» сопровождает, например, слова *ввергнуть, вверить, вдохновить, величие, вершить, вещий, горнило, грядущий, губитель, дерзание, доблесть, достояние, единоборство, завет, злодеяние, иго, изобличить, искони, испепелить, исцелить, кара, клич, крушить, многотрудный, мудрец, невозвратный, незабвенный, незапамятный, неисчерпаемый* и т. д. Ясно, что включение в речь подобных слов придает ей определенную тональность. Это – стилистически отмеченные слова, слова «высокого слога».

С пометой «книжное» выступают в словарях такие слова, как *бедствие, безвременье, безвластие, безграничный, благоухание, бодрствовать, вероломный, вестник, видоизменить, головокружительный, гонение, горнило, дальновидный, декорум, добродетель, доктрина, значимость, иерархия, изничтожить, изобиловать, импозантный, импульс, индивидуум, индифферентный, инсинуация, импонировать, исчислить, компоновать, корыстолюбец, лапидарный, мерило, мертвить, миропонимание, миросозерцание, моралист, нагой, невольник, недуг, немощный* и т. д.

Было бы ошибочно полагать, что характеристика слова как книжного указывает на то, что оно применяется только в книжной, т. е. письменной, речи (и равняющихся на нее видах речи устной, таких, например, как лекция, доклад и т. п.). И в нашей обиходно-разговорной речи мы касаемся самых разнообразных тем, которые обусловливают быструю и часто довольно резкую смену стилистических «регистров»; но обусловленность выбора стилистически окрашенных единиц языка темой разговора, реальной значимостью того, о чем в данный момент идет речь, как раз и указывает на присутствие в сознании говорящих стилистических примет слова. Владение языком – это не только знание предметной отнесенности применяемых слов, но также и их экспрессивно-стилистических возможностей.

278 слов

№ 30 А. А. Ивин «Логика» (фрагмент)

Французский философ XVII в. Р. Декарт доказывал, что способность нормально использовать язык является единственным достоверным признаком того, что некоторое существо обладает человеческим разумом. Эту способность невозможно обнаружить ни у автомата, ни у животного. Животное, впрочем, тоже представляет собой, по Декарту, разновидность автомата, наделенного рефлексами. Во всех отношениях, кроме языка, автомат может обнаруживать признаки интеллекта, иногда превосходящие соответствующие признаки человека. Но к языку ни животное, ни машина, лишенные разума, не будут способны, даже если наделить их физиологическими органами, необходимыми для производства речи.

Эта гипотеза о принципиальной неспособности животных говорить, подобно человеку, вызвала нескончаемые нападки на Декарта. Однако мысль его в основе своей верна: речь может быть только у существ, наделенных разумом, и она является единственным способом проявления разума вовне.

Язык – необходимое условие существования абстрактного мышления. Не случайно такое мышление, являющееся отличительной особенностью человека, принято называть «мышлением в понятиях».

Язык возникает одновременно с сознанием и мышлением. Являясь чувственно воспринимаемой оболочкой мышления, язык обеспечивает мыслям человека реальное, предметное существование в форме колебаний воздуха (звуков) или следов краски на бумаге (письма). Вне такой оболочки мысль недоступна для других.

Как и мышление, язык диалогичен: он существует для отдельного человека лишь постольку, поскольку существует для других.

Логический анализ мышления всегда есть исследование языка, в котором оно протекает и без которого оно не является возможным. В этом плане логика – наука о мышлении – есть в равной мере и наука о языке.

Мышление и использование языка – две предполагающие друг друга стороны как процесса познания, так и процесса общения. Язык участвует не только в выражении мысли, но и в самом ее формировании. Нельзя противопоставлять «чистое», внеязыковое мышление и его последующее выражение в языке.

Вместе с тем язык и мышление не тождественны. Каждая из сторон единства, составляемого ими, относительно самостоятельна и обладает специфическими законами.

283 слова

Часть 2. Вставьте пропущенные буквы и знаки препинания. Объясните орфограммы и пунктограммы.

№ 1 Ю. В. Бондарев «Быки» (фрагмент)

Была война и не_истовая жара в К_захстане. Р_скален_ое (С/с)о_нце в_село над степью жгло мне затылок и сквозь молото_образные удары в в_ских я слышал сверлящий треск куз_нечиков глухое позвякиван_е мет_л_ических заноз в деревян_ом _рме на шеях двух быков запряжен_ых в _рбу. Быки худые изморен_ые зноем не_переставали жевать свою ж_вачку в уголках их бе_думных глаз черным роем ш_велились мухи а они не_моргая стояли терп_ливо и равнодушно видимо пр_выкнув к этой постоян_ой муке к этой раб_ей п_корности ежедневной пытке.

Я работал в ст_пи первый день все время помня яд_витое выражение на крепких чугунно_заг_релых лицах ск_рдовщиков встрет_вших меня в колхозной к_нторке не_приязнен_о насмешл_выми взглядами. Был я в легких п_русин_овых туфлях в белых расклеш_н_ых брюках с надраен_ой морской бляхой на ремне эв_куирован_ый городской мальчишка ф_рсоватый по_виду совершенно не_понятный этим выр_сшим в ст_пи парням.

Морская бляха и ра_клешен_ые мною летние брюки отца которые он носил еще в три_цатых годах были знаками моей школьной мечты о флоте. Тогда слова (Ш/ш)хуна (Б/б)риг_нтина (Ш/ш)кипер и (М/м)арсель вычитан_ые из книг вызывали у меня святой треп_т мысли о дальних странствиях тугом и ласк_вом ветре над солнечно_белыми парусами о не_ведомых перл_мутрово_с_яющих л_гунах в теплых морях о чужих и не_знакомых портовых городах залитых огнями с ночным запахом гн_ющих бананов на берегу в_близи которого покачивались в черном (Ю/ю)жном небе созвездия ф_нарей на поскрипывающих мач_тах. В восьмом классе я наизусть выучил морскую т_рм_нологию названия сн_стей парусного флота по разным старым учебникам и сноскам в романах Джека Лондона. Я даже выменял у кого_то л_скут тельника и пришив его к майке ходил с рас_тегнутым вор_тником рубашки чтобы виден был этот пл_нительный кусочек моря. При одном взгляде на него я испытывал запах ветра и далеких пр_странств.

В девятом классе с надеждой поступить в военно_морской клуб я спал зимой с открытой форт_чкой по утрам выж_мал г_нтели купил морскую бляху и ходил по_матрос_ки чуть в_раскач_ку как_бы пр_учая себя к ныряющей под ногами палубе.

В тот жаркий август сорок_первого года вернувшись после рытья _копов под Смоленском я не застал в Москве родных и только по записке матери оставлен_ой управ_дому нашел после долгих поисков семью эв_куирован_ую в К_захстан. И тут вдруг понял все прежнее детское уходило и_чезало подобно тому как кон_чается и сказка о З_лотом дворце среди синего моря и доброй колд_вской Жар_птице я был старший в семье и теперь знал что мать и младшие сестры стали моей ответствен_остью.

№ 2 В. Т. Шаламов «Кант» (фрагмент)

Мне давно была п_нятна и д_рога та завидная т_р_пливость с какой бедная (С/с)еверная пр_рода стр_милась поделит_ся с нищим как и она человеком своим (не/ни)_хитрым б_гатством пр_цвести п_скорее для него всеми цветами. В одну неделю бывало цвело все в_запуски и за какой_нибудь месяц с_начала лета горы в лучах поч_ти не_заходящего (С/с)о_нца краснели от брусники чернели от темно_синей г_лубики. На низко_рослых кустах и руку п_днимать не_надо наливалась ж_лтая крупная в_дянистая

р_бина. М_довый горный ш_повник его розовые лепес_ки были единствен_ыми цветами здесь которые пахли как цветы все остальные пахли только сыростью б_лотом и это было под_стать весен_ему бе_молвию птиц бе_молвию листвен_ич_ного леса где ветви медленно одевались зеленой хвоей. Ш_повник берег плоды до самых морозов и из_под снега пр_тягивал нам сморщен_ые м_систые ягоды ф_олетовая жес_кая шкура которых скрывала сладкое темно_ж_лтое мясо. Я знал веселость лоз меняющих _краску весной много раз то темно_розовых то _ранжевых то бледно_зеленых буд_то о_тянутых цветной лайкой. Листвен_ицы протяг_вали тонкие пальцы с зелеными ногтями ве_десущий ж_рный к_прей покрывал лесные п_жарища. Все это было прекрасно доверчиво шумно и т_ропливо но все это было летом когда мат_вая зеленая трава мешалась с мурав_чатым блеском з_мшелых бл_стящих на (С/с)о_нце скал которые вдруг оказ_вались не_серыми не_к_ричневыми а зелеными.

Зимой все это и_чезало п_крытое рыхлым жес_ким снегом что ветры нам_тали в ущелья и утр_мбов_вали так что для под_ема в гору надо было вырубать в снегу ступеньки т_пором. Человек в лесу был виден за в_рсту так все было голо. И только одно дерево было всегда зелено всегда живо стла_ник вечно_зеленый кедрач_. Это был предсказатель п_годы. За два_три дня до первого снега когда днем было еще по_осеннему жарко и без_блачно и о близкой зиме (не/ни)_кому не_хотелось думать стла_ник вдруг р_стягивал по земле свои огромные двух_сажен_ые лапы легко сгибал свой прямой ч_рный ствол толщ_ной кулака в два и л_жился пл_шмя на землю. Проходил день_другой появлялось обл_чко а к_вечеру задувала метель и падал снег. А если поз_ней осенью соб_рались снеговые низкие тучи дул х_лодный ветер но стла_ник не л_жился можно было быть твердо_увере_ным что снег не выпадет.

№ 3 А. П. Чехов «Степь» (фрагмент)

Между тем перед глазами ехавших рас_т_лалась уже широкая бе_конечная р_внина перехвачен_ая цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из_за друга эти холмы сливают_ся в возвышен_ость которая тянет_ся в_право от дороги до самого г_ризонта и и_чезает в л_ловой дали едешь_едешь и никак не разб_решь где она начинается и где кончается... Со_нце уже выглянуло с_зади из_за города и тихо без хлопот принялось за свою работу. С_начала далеко в_переди где небо сходит_ся с (З/з)емлею около курганч_ков и ветр_н_ой мельницы которая из_дали похожа на маленького человеч_ка размахивающего руками поползла по земле широкая ярко_желтая полоса через минуту такая_же полоса засветилась не_сколько ближе поползла в_право и охватила холмы что_то теплое к_снулось (Е/е)горушкиной спины полоса света по_кравшись с_зади шмыгнула через брич_ку и лошадей понеслась на_встречу другим полосам и вдруг вся широкая степь _бросила с себя утрен_юю полу_тень улыбнулась и засв_ркала р_сой.

Сжатая рож_ бур_ян м_лочай дикая к_нопля все п_буревшее от зноя рыжее и полу_мертвое теперь омытое росою и обласкан_ое со_нцем оживало чтоб вновь зацвести. Над дорогой с веселым криком носились старич_ки в траве перекл_кались суслики где_то далеко в_лево плакали чиб_сы. Стадо кур_паток испуган_ое брич_кой всп_рхнуло и со своим мя_ким тррр полетело к холмам. Кузнечики сверч_ки скрипачи и м_дведки затянули в траве свою скр_пучую м_нотонную музыку.

Но прошло не_много времени роса и_парилась воздух застыл и обманутая степь прин_ла свой унылый июльский вид. Трава поникла жизнь зам_рла. Заг_релые холмы буро_зеленые в_дали л_ловые со своими п_койными как тень тонами р_внина с туманной далью и опрокинутое над ними небо которое в ст_пи где нет лесов и высоких

гор кажется страшно глубоким и пр_зрачным представлялись теперь бе_конеч_ными оц_п_невшими от тоски...

Как душно и уныло! Брич_ка бежит а Егорушка видит все одно и то_же небо р_внину холмы... Музыка в траве пр_утихла. Старич_ки улетели кур_паток не_видно. Над п_блекшей травой от нечего_делать носятся грачи все они похожи друг на друга и делают степь еще более одно_бразной. Летит коршун над самой землей плавно взмах_вая крыльями и вдруг ост_навливается в воздухе точно задумавшись о скуке жизни потом встрях_вает крыльями и стрелою н_сется над степ_ю и не_понятно зачем он летает и что ему нужно. А в_дали машет крыльями мельн_ца...

Для разно_бразия мелькнет в бур_яне белый череп или булыжник выр_стет на мгновение серая камен_ая баба или высохшая в_тла с синей ракшей на верхней ветке перебежит дорогу суслик и опять бегут мимо глаз бур_ян холмы грачи...

№ 4 Д. Н. Мамин-Сибиряк «Волшебник» (фрагмент)

Как извес_но детское любопытство не_ист_щимо и находит в себе обильную пищ_ даже там где кажется уж р_шительно н_чего нельзя найти. Например какой интерес может пре_ставлять собой пустырь п_росший бур_яном и кр_пивой? Даже не_пр_х_тливые городские козлы не_считали нужным сюда загляд_вать а между_тем мы шк_ляры не_находили себе места луч_ше и как воробьи об_скали каждый уголок. Лучше этого пустыря для нас ни_чего не_было особен_о осенью когда выпадал первый снежок. Это был чудес_ный единствен_ый уголок...

Много прошло этому лет но я сейчас не_могу р_вн_душно вспомнить об этом милом пустыре с которым связано столько дорогих детских воспом_наний. Представ_те себе глухую улицу глухого пр_в_нц_ального городка усажен_ую одно_этажными деревян_ыми домиками с длин_ыми заборами из_за которых выгляд_вали рябины черемухи и березы с плохими деревян_ыми тр_туарами и с гр_мадным пустырем в самой сер_дине. От улицы пустырь отд_лялся тоже забором но он давно уже пок_сился и имел такой вид что вот_вот упадет. Ворот не_было а мы прон_кали в этот пустырь со стороны б_лотистой реки где тоже когда_то стоял забор но постепен_о был р_стащен соседями на дрова. Главную прелесть этого пустыря сост_вляло не_большое озерко. От бывших здесь построек сохранились один фундамент и старая деревян_ая баня. В уголке как_то жалко торчали две старые березы точно позабытые всеми сироты. Озерко на нашем школьном языке называлось (С/с)ред_земным морем а баня – замком. Детское во_бражение пр_вращало пустырь в громадную дикую страну полную чудес и самых таинствен_ых явлений. В Средиземном море жили русалки а в бане-замке – пр_в_дения. Тех и других кто_то видел и все боялись.

Я уже сказал что самым луч_шим временем для нашего пустыря была та крепкая осень когда (З/з)емля пром_рзала и начинал выпадать первый снежок. Все летние игры кон_чались и пр_ходилось мирит_ся с тем что могла дать осень. Только дети умеют и_пользовать всякую мелоч_ как тряпки палки камушки и т. д. Все это оказ_вается нужным и все идет в дело. А тут в наше расп_ряжение попал целый пустырь... Как теперь вижу как ран_им осен_им утром когда еще хорошенько не_рас_вело мы по пути в школу как воробьи заб_рались на наш пустырь с самыми к_варными целями именно чтобы поставить клетки-зап_дни раскинуть тайники (сетки для ловли птиц) и везде ра_сыпать пр_траву из к_ноплян_ого сем_ни и разных крошек. Бедным маленьким птичкам остававшимся на зиму пр_ходилось добывать свою пищу с большим трудом и они поп_дались в наши ловушки. Серые чеч_тки с красными х_х_лками желтогрудые куз_нечики розовые жуланы (сн_гири) пестрен_кие зябл_ки все одинаково страдали от

нашего хи_ничества и за корм платили не_волей. В праз_ники мы по целым часам терпеливо высиж_вали где_нибудь в бур_яне что_бы подк_р_улить момент когда нужно дернуть в_ревочку тайника. Хитро устроен_ая сетка захлоп_валась и несчас_ная жертва нашей ребяч_ей ж_стокости попадала в клетку.

№ 5 Т. С. Аксаков «Детские годы Багрова-внука» (фрагмент)

Нашу карету и повозку стали грузить на п_ром а нам подали большую кос_ную лодку на которую мы все должны были перейти по двум доскам положен_ым с берега на край лодки перевоз_ики в пестрых (М/м)ордовских рубахах бредя по колени в воде повели под_руки мою мать и няньку с сестрицей вдруг один из перевоз_иков рослый и заг_релый схватил меня на_руки и понес прямо по воде в лодку а отец пош_л рядом по д_щечке улыбаясь и ободряя меня потому_что я по своей трус_сти от которой еще не_освоб_дился очень испугался такого не_ожидан_ого пут_шествия. Четверо гр_бцов сели в весла перенесший меня человек взялся за к_рмовое весло отт_лкнулись от берега шестом все пятеро перевоз_иков перекр_стились кормчий громко сказал «Пр_зывай бога на помоч_» и лодка полетела по_перек реки скользя по в_ртящейся быстрине бегущей у самого берега называющ_йся стремя. Я был так пораж_н этим не_видан_ым зрелищем что совершен_о он_мел и не_отвечал (не/ни)_одного слова на вопросы отца и матери. Все смеялись говоря что от страха у меня язык отнялся но это было не_совсем спр_ведливо я был подавлен (не/ни)_столько страхом сколько нов_стью предметов и в_личием картины красоту которой я чу_ствовал хотя об_яснить конеч_но не_умел. Когда мы стали подплывать к другому _тлогому берегу и по мелкому месту пошли на ш_стах к пристани я уже совершен_о _помнился и мне стало так весело как (не/ни)_когда (не/ни)_бывало. Белые чистые пески с гр_дами разн_цветной гальки то_есть кам_шков широко рас_т_лались перед нами. Один из гр_бцов соскочил в воду подвел лодку за носовую веревку к пристани и крепко прив_зал к пр_чалу другой гр_бец сделал то же с к_рмою и мы все пр_спокойно вышли на пристань. Сколько новых предметов сколько новых слов! Тут мой язык уже разв_зался и я с большим люб_пы_ством стал рас_прашивать обо всем наших перевоз_иков. Я не_могу забыть как эти добрые люди ласково просто и т_лково отвечали мне на мои бе_числен_ые вопросы и как они были благ_дарны когда отец дал им что_то за труды. С нами на лодке был к_вер и п_душки мы разос_лали их на сухом песке по_дальше от воды потому_что мать боялась сырости и она пр_легла на них меня же отец повел наб_рать галеч_ки. Я не_имел о них понятия и пришел в в_схищение когда отец от_скал мне несколько пр_красных гладких бл_стящих разными цветами камешков из которых некоторые имели очень красивую затейл_вую фигуру. В самом деле ни_где нельзя от_скать такого разно_бразия гальки как на реке Белой в этом я убедился в_последстви_. Мы тут же нашли несколько ок_менелостей которые и после долго у нас хр_нились и которые можно назвать редкос_тью это был большой кусок пч_линого сота и довольно большая лепе_ка или куч_ка рыб_ей икры совершен_о пр_вратившаяся в камень. Переправа к_реты к_битки и девяти лошадей продолжалась довольно долго и я успел набрать целую кучу ч_десных по_моему мнению кам_шков; но я очень ог_рчился когда отец не позволил мне их взять с собою а выбрал только десятка пол_тора сказав что все остальные дрянь; я доказывал пр_тивное но меня не послушали и я с большим сож_лением оставил набран_ую мною кучку. Мы сели в карету и отправились в дал_нейший путь.

№ 6 А. С. Пушкин «Евгений Онегин» (фрагмент)

Изображу_ль в картине верной
Уединен_ый к_бинет
Где мод воспитан_ик пр_мерный
Одет раздет и вновь одет?
Все чем для прих_ти _бильной
Т_ргует Лондон щ_п_тильный
И по Б_лтическим волнам
За лес и сало возит нам
Все что в Париже вкус голодный
П_лезный промысел избрав
Из_бретает для забав
Для роск_ши для неги модной –
Все украшало к_бинет
Философа в ос_мна_цать лет.

Янтарь на трубках (ц/Ц)_реграда
Ф_рфор и бронза на столе
И чу_ств изнежен_ых отрада
Духи в граненом хруст_ле;
Гр_бенки пилочки стальные
Прямые ножницы кривые
И щетки три_цати родов
И для но_тей и для зубов.
Руссо замечу мим_ходом
Не_мог понять как важный Грим
Смел чистить но_ти перед ним
Красн_речивым сум_бродом.
Защитник вольн_сти и прав
В сем случае совсем (не/ни)_рав.

Быть можно дельным человеком
И думать о красе но_тей:
К_чему бе_плодно спорить с веком?
Обыч_й деспо_ меж людей.
Второй Чадаев мой Евгений
Боясь р_внивых осуждений
В своей одежде был п_дант
И то что мы назвали франт.
Он три часа по_крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветрен_ой В_нере
Когда надев мужской наряд
Богиня едет в маск_рад.

№ 7 И. С. Тургенев «Бежин луг» (фрагмент)

Ночь пр_ближалась и р_сла как грозовая туча казалось вместе с вечерними парами ото_всюду подн_малась и даже с выш_ны лилась темнота. Мне попалась какая_то не_торная з_росшая доро_ка я отправился по ней вн_мательно погляд_вая в_перед. Все кругом быстро чернело и утихало – одни пер_пела из_редк_ кричали. Не_большая ночная птица не_слышно и ни_ко мчавшаяся на своих мягких крыльях поч_ти наткнулась на меня и пугливо нырнула в_сторону. Я вышел на _пушку кустов и побрел по полю межой. Уже я с_трудом различал отдален_ые предметы; поле не_ясно белело вокруг; за ним с каждым мгновением надвигаясь гр_мадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо о_давались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть – но то уже была син_ва ночи. Звездочки зам_лькали заш_велились на нем.

Что я было принял за рощу оказалось темным и круглым бугром. «Да где же это я?» – повт_рил я опять в_слух остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою (а/А)нглийскую ж_лто_пегую собаку (д/Д)ианку решительно умнейшую изо всех четвер_ногих тварей. Но умнейшая из четвер_ногих тварей только пов_ляла хвостиком уныло моргнула усталыми глазками и не подала мне ни_какого дельного совета. Мне стало совес_но перед ней и я отча_нно устремился в_перед словно вдруг догадался куда следовало идти обогнул бугор и очутился в не_глубокой кругом распахан_ой л_щине. Странное чу_ство тот_час овладело мной. Л_щина эта имела вид поч_ти прав_льного котла с п_логими боками; на дне ее торчало стоймя несколько больших белых камней казалось они сползлись туда для тайного с_вещания и до_того в ней было немо и глухо так плоско так уныло висело над нею небо что сердце у меня сжалось. Какой_то зверок слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбрат_ся назад на бугор. До_сих_пор я все еще не_терял надежды с_скать дорогу домой но тут я окончательно уд_стоверился в том что заблудился совершен_о и уже н_сколько не_стараясь узнавать окрес_ные места поч_ти совсем пот_нувшие во мгле пош_л себе прямо по звездам на_удалую… Около полу_часа шел я так с_трудом переставляя ноги. Казалось от_роду не бывал я в таких пустых местах н_где (не/ни)_мерцал ог_нек (не/ни)_слышалось н_какого звука. Один п_логий холм сменялся другим поля бесконеч_но тянулись за полями кусты словно вставали вдруг из (з/З)емли перед самым моим носом. Я все шел и уже соб_рался было прилеч_ где_нибудь до_утра как вдруг очутился над страшной без_ной.

Я быстро отдернул занесен_ую ногу и сквозь едва прозрачный сумрак ночи увидел далеко под собою огромную р_внину. Широкая река о_гибала ее уходящим от меня полу_кругом стальные отбл_ски воды изредк_ и смутно мерцая обозн_чали ее теченье. Холм на котором я находился спускался вдруг почти отвесным обрывом; его гр_мадные очертания отделялись чернея от синеватой воздушной пустоты и прямо подо мною в углу образован_ом тем обрывом и р_вниной возле реки которая в этом месте стояла не_подвижным темным зеркалом под самой круч_ю холма красным пламенем г_рели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них к_пошились люди к_лебались тени иногда ярко осв_щалась передняя половина маленькой кудрявой головы…

№ 8 В. Г. Короленко «Дети подземелья» (фрагмент)

Деревян_ый мост перекинутый через узкую реч_шку кр_хтит вздрагивая под колесами и шатает_ся точно дряхлый старик. За мостом потянулась еврейская улица с

магазинами лавками лавч_нками и с навесами калач_ниц. Вонь грязь кучи ребят ползающих в уличной пыли. Но вот еще минута и вы уже за_городом. Тихо шепчутся березы над м_гилами кла_бища да ветер волнует хлеба на нивах и звенит унылою бе_конечною песней в проволоках пр_дорожного телеграфа.

Реч_ка через которую перекинут упомянутый мост вытекала из пруда и впадала в другой. Таким образом с (с/С)евера и (ю/Ю)га городок огр_ждался ш_рокими вод_ными гладями и топями. Пруды год_от_году м_лели зар_стали зеленью и высокие густые к_мыши волновались как море на гр_мадных б_лотах. По_средине одного из прудов находится остров. На острове старый полу_разрушен_ый замок.

Я помню с каким страхом я смотрел всегда на это в_личавое дряхлое здание. О нем ходили пр_дания и рас_казы один другого страшнее. Говорили что остров насыпан ис_кус_твен_о руками плен_ых турок. «На костях человеч_ских стоит старое замчищ_» передавали ст_рожилы и мое детское испуган_ое во_бражение рисовало под землей тысячи (т/Т)урецких ск_летов под_ерживающих костлявыми руками остров с его высокими пир_м_дальными т_полями и старым замком. От этого понятно замок казался еще страшнее и даже в ясные дни когда бывало ободрен_ые светом и громкими голосами птиц мы подходили к нему по_ближе он не_редко наводил на нас пр_падки панич_ского ужаса так страшно глядели черные впадины давно_выбитых окон в пустых залах ходил таинствен_ый ш_рох кам_шки и штук_турка отрываясь падали в_низ будя гулкое эхо и мы бежали без_оглядки а за нами долго еще стоял стук и топот и г_готанье.

А в бурные осен_ие ночи когда г_ганты_тополи качались и гудели от налетавш_го из_за прудов ветра ужас разл_вался от старого замка и царил над всем городом.

В (з/З)ападной стороне на горе среди истле_ших крестов и проваливш_хся м_гил стояла давно заброшен_ая часовня. У нее кое_где провалилась крыша стены о_сыпались и вместо гулкого с высоким тоном медного кол_кола совы заводили в ней по_ночам свои зл_вещие песни.

Было время когда старый замок служил д_ровым убежищем всякому бедн_ку без малейших огр_ничений. Все что (не/ни)_находило себе места в городе потерявшее по той или другой причине возможность платить хотя_бы и жалкие гроши за кров и угол на ночь и в не_погоду все это тянулось на остров и там среди р_звалин пр_клоняло свои победные головушки платя за гост_пр_имство лишь риском быть погребен_ыми под грудами старого мусора. «Живет в замке» эта фраза стала выр_жением крайней степени нищ_ты. Старый замок р_душно пр_нимал и покрывал и времен_о обн_щавшего п_сца и с_ротливых старушек и безродных бр_дяг. Все эти бедняки терзали внутрен_ости дряхлого здания обламывая п_толки и полы топили печи что_то варили и чем_то питались в_обще как_то поддерж_вали свое существование.

№ 9 В. Г. Короленко «Ночью» (фрагмент)

Было около полу_ночи. В комнате слыш_лось глубокое дыхание спящих детей.

В углу комнаты на полу стоял медный таз. На дне его было не_много воды и стояла сальная свеча в подсвеч_нике. Свеча сильно наг_рела ф_тиль покрылся темною шапкой и тихо потреск_вал. Кроме того на стене стучал ма_тник а на полу в осв_щен_ом кружке около таза разм_стились несколько т_р_канов. Сдавш_сь на задние лапки и подняв голову к_верху они смотрели на огонь и ш_велили усами.

На дворе буш_вала не_погода.

Дождь стучал по крыше трепал листья в саду пл_скался на дворе в лужах. По_временам он ст_хал и уносился в_даль в_темную глубину ночи но после этого пр_летал к дому с новой силой буш_вал еще больше сильнее обливал крышу хлестал по

ставням и порой казалось даже что он струит_ся и плещ_т уже в самой комнате... Тогда в ней водв_рялось какое_то бе_покойство ма_тник как_будто смолкал свеча готовилась п_гаснуть с потолка сползали тени т_р_каны тр_вожно водили усами и видимо соб_рались бежать.

Но бурные порывы не_погоды продолжались не_долго. Казалось дождь решил про себя н_когда уже не_прекращаться и когда ветер оставлял его в_покое он прин_мался гудеть широко и ровно и на дворе и в саду и в пер_улке и в пустыре по полям... Гул этот пр_сачиваясь сквозь запертые ставни стоял в комнате то ровным жуж_анием то тихими всплесками.

Тогда ма_тник прин_мался опять отч_кан_ивать свои удары с резким упрямством свеча тихо кр_хтела т_р_каны успокаивались хотя по_видимому упрямство дождя наводило на них грус_ное раздум_е.

Все это слышал и глядел на все это из_под своего одеяла один из двух братьев_п_годков которые спали в осв_щенной комнате. Старшего звали Васей младшего Марком. В с_мействе был обыч_й давать шутливые прозвища. У Васи было очень большая голова которою он в раннем детстве постоян_о стукался об пол поэтому его прозвали (г/Г)олованом. Марк был не_красив и смотрел не_сколько и_под_лобья от_чего получил название (м/М)ордика.

Мордик сладко спал а (г/Г)олован уже с_пол_минуты пр_слушивался к шуму дождя.

Он был большой фант_зер и часто думал о том что происходит на свете когда все спят и он и Марк и девочки и старая нянька и значит (не/ни)_кому смотреть... Не_уже_ли комната остается все такая_же и ма_тник продолжает стучать хотя его н_кто не_слушает и свеча прод_лжает светить хотя светить некому и т_р_каны только бес_мыслен_о сидят на полу устав_вшись на огонь?.. (Не/ни)_раз уже просыпаясь с этою мыслью он осторожно выгляд_вал из_под одеяла... На этот раз он сам не_заметил когда проснулся и ему показалось что на_конец_то он застигн_т комнату в_расплох. Вот уже с_пол_минуты он смотрит на нее не_ш_велясь полу_прищурен_ым глазом а в ней все продолжа_тся какая_то особен_ая таинствен_ая жизнь которая прячется обыкновен_о когда на нее смотрят.

Все в ней живо уд_вительно не_обычно и страшно... Дождь меч_тся и злится с_наружи отб_ваясь от ветра ма_тник спорит с шумом дождя свеча уныло кр_хтит т_р_каны хранят разумный вид как_буд_то сейчас только разговар_вали между собой и решили един_гласно что положение свечи действительно жалкое а дождь буянит совершен_о напрасно. Кроме того Вася сознавал что все они вместе вся комната со всеми предметами смотрят не_доброж_лательно на детей которые спят ничего (не/ни)_подозревая в своих п_стелях.

№ 10 Н. А. Добролюбов «Луч света в темном царстве» (фрагмент)

Во все времена и во всех сферах человеческой де_тельности появлялись люди на_столько здоровые и одарен_ые натурою что естествен_ые стремления говорили в них чр_звычайно сильно не_заглушаемо. В практической де_тельности они часто делались мучен_иками своих стр_млений но никогда не_проходили бе_следно никогда не_оставались одинокими в обществен_ой де_тельности они пр_обр_тали партию в чистой науке делали открытия в ис_кус_твах в литературе образовали школу. Не говорим о деятелях обществен_ых которых роль в истории всякому должна быть понятна после того что мы сказали на пред_дущей странице. Но заметим что и в деле науки и литературы за великими лич_ностями всегда сохр_нялся тот х_рактер который

мы обозначили выше сила естествен_ых живых стремлений. С искажен_ием этих стремлений в мас_е совпадает во_дворение многих н_лепых понятий о мире и человеке эти понятия в свою очередь мешали общему благу.

Чтобы не_заходить далеко вспомним сколько зла пр_чинили человечеству н_лепости фет_шизма и всякого рода к_см_гонические бредни а потом астр_логические и к_б_листические м_стерии на разные лады. Люди чистой науки делавш_е астр_номические и физические открытия или устан_влявшие новые фил_софские начала умели слушать голос естествен_ых здравых треб_ваний ума и помогали человечеству и_бавлят_ся от тех или других ис_кус_твен_ых к_мбинаций вр_дивших устройству общего благ_денствия. С каждым из этих людей человечество делало новый шаг в развитии правильных естествен_ых понятий и по важности этих шагов можем мы определять личное досто_нство каждого деятеля. То_же самое пр_л_гается и к людям пр_кладных знаний техникам механикам агр_номам врачам и пр. То_же видим и в области ис_кус_тв и в литературе.

Литератору до_сих_пор предоставлен_а была не_большая роль в этом движении человечества к естествен_ым началам от которых оно отклонилось. По_сущ_ству своему литература не имеет де_тельного значения она только или предп_л_гает то что нужно сделать или изображает то что уже делается и сделано. В первом случае то_есть в предпол_жениях буду_щей де_тельности она берет свои матер_алы и основания из чистой науки во втором из самых фактов жизни. Таким образом в_обще говоря литература представляет собою силу служебную которой значение состоит в пр_п_ганде а досто_нство определя_тся тем что и как она пр_п_гандирует. В литературе в_прочем являлось до сих пор несколько де_телей которые в своей пр_п_ганде стоят так высоко что их (не/ни)_пр_взойдут (не/ни)_практические де_тели для блага человеч_ства (не/ни)_люди чистой науки. Эти писатели были одарены так богато пр_родою что умели как_бы по инстинкту пр_близит_ся к естествен_ым понятиям и стр_млениям которых еще только искали совр_менные им философы с_помощ_ю строгой науки. Мало того то что философы только предугад_вали в т_ории ген_альные писатели умели это схватывать в жизни и изображать в действи_. Таким образом служа полнейш_ми представит_лями высшей степени человеческого сознания в извес_ную эпоху и с этой высоты обозр_вая жизнь людей и пр_роды и рисуя ее перед нами они в_звышались над служебною ролью литературы и становились в ряд исторических де_телей сп_собствовавших человечеству в яснейшем сознани_ его живых сил и естествен_ых наклон_остей.

№ 11 С. Н. Шубинский «Холмогорская старина» (фрагмент)

Северная (Д/д)в_на за 112 верст до впадения в (Б/б)елое (М/м)оре обр_зует своими рук_вами не_сколько островов. На одном из них находит_ся уез_ный город (А/а)рхангел_ской (Г/г)убернии Холмогоры. С (В/в)осточной стороны он пр_легает к рук_ву (Д/д)в_ны называ_мому Курополкою а с остальных трех сторон окруж_н обш_рными и р_скошными лугами омыва_мыми реч_кою Оногрою. По этим лугам идет в Холмогоры поч_товая дорога. Ровно и гладко стел_тся она (не/ни)_в пример всем другим (А/а)рхангел_ским дорогам. Взоры путешествен_ика ут_млен_ые одно_бразными унылыми видами дикой (А/а)рхангел_ской природы с пустын_ыми полями коч_ками и болотами лесами с чахлыми мал_рослыми деревь_ми отдыхают на веселых раскину_ш_хся в_даль лугах замыка_мых волнистою линиею х_лмов и пр_горков с ра_бросан_ыми на них д_ревнями.

Но на_сколько жив_писны окрес_ности Холмогор на_столько же не_красив и беден самый город. По_средине его тянется грязная кривая улица пр_рыва_мая пустырями заросш_ми травой. Сотни полторы домов и_кривлен_ых и почерневших от ветх_сти виднеются в разных направлени_х на двухверс_ном пр_странстве. Единствен_ый в городе камен_ый казен_ый дом представляется р_скошными п_латами среди своих убогих деревян_ых соседей... И еще грязнее и унылее кажется город когда взглян_шь на его р_скошную реку на зеленые острова с деревнями на холмах и полями по кос_горам.

А между тем этот городок пр_надлежит к числу древнейших на (Р/р)уси и играл не_когда д_вольно важную роль в истории северо_востока нашего отеч_ства. Пр_неслись над ним чуть (не/ни)_сказочные времена вл_дычества бел_глазой ч_ди видал он и буйную вольницу (Н/н)овгородскую был центром адм_н_страции и т_рговли на дальнем (С/с)евере во времена (М/м)осковских царей здесь жили правит_ли (Д/д)винской области и архи_реи холм_горской и важской _пархии. Одним словом вся древняя история северного края России выраз_лась в истории Холмогор точно так_же как новая история этого края тесно_связан_а с Архангел_ском.

Из памятников стар_ны свидетельству_щих о былом значении Холмогор до наших дней сохр_нилось только два собор во_имя Пр_ображения Господня и женский Успенский м_н_стырь переделан_ый из прежнего арх_ерейского дома где почти сорок лет т_милось в тесном заключени_ Брауншвей_ское с_мейство.

№ 12 В. А. Гиляровский «Москва и москвичи» (фрагмент)

Грох_т тр_мваев. Вся рас_вечен_ая площадь то движ_тся в_перед то вдруг останавл_вается и тысячи людских голов поднимают к_верху глаза над Москвой мчат_ся стаи самолетов то гусин_ым тр_угольником то меняя построение как стекл_шки в к_л_ейд_скопе.

Рядом со мной у входа в (М/м)алый театр сидит единствен_ый в Москве бронзовый дом_владелец в том_же самом заяч_ем халатике в котором он писал «Волки и овцы». На стене у входа я читаю _фишу этой пьесы и переношусь в далекое прошлое.

К под_езду (М/м)алого театра утопая железными ш_нами в не_сгребен_ом снегу и ныряя по ухабам подп_лзла облезлая доп_топная театральная карета. На козлах качался кучер в линючем арм_ке и в_храстой с вылезшей клоч_ями паклей шапке с подвязан_ой щекой. Он чмокал ц_кал дергал веревоч_ными во_жами пару разномас_ных никогда не_чищен_ых «кабы_дохов» из тех о которых популярный в то время певец Паша Богатырев пел в к_нцертах слезный романс:

Были когда_то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих...

В вос_мидесятых годах девствен_ую не_пр_к_сновен_ость Театральной площади пришлось не_надолго нарушить и вот по какой причине.

Светловодная речка Неглинка заключен_ая в трубу из_за плохой кан_л_зации стала кл_акой неч_стот которые стекали в (М/м)оскву_реку и заражали воду.

С годами труба засорилась ее никогда не_чистили и после каждого большого ливня вода зал_вала улицы площади нижние этажи домов по Неглинному проезду.

Потом вода уходила оставляя на улице зл_вон_ый ил и наполняя подвальные этажи нечистотами.

Так шли годы пока не_догадались выяснить причину. Оказалось что повороты а их было два один под углом (М/м)алого театра а другой на площ_ди под ф_нтаном с фигурами скульптора Витали были забиты о_бросами города.

Подземные б_лота окружавшие площадь как и в древние времена то_же не_имели выхода.

Начали перестраивать Неглинку открыли ее своды. Пришлось на площ_ди забить несколько свай.

№ 13 В. А. Гиляровский «Москва и москвичи» (фрагмент)

Сухаревка дочь войны. Смоленский рынок сын ч_мы.

Он старше Сухаревки на 35 лет. Он родился в 1777 году. После (М/м)осковской ч_мы п_следовал приказ властей продавать подержан_ые вещи исключительно на Смоленском рынке и то только по воскр_сен_ям во_избежани_ разн_сения заразы.

После войны 1812 года как только стали возвращат_ся в Москву (М/м)осквичи и начали раз_скивать свое разграблен_ое имущ_ство г_нерал_губ_рнатор Растопчин издал приказ в котором об_явил что «все вещи откуда бы они взяты (не/ни)_были являются не_от_емл_мой собствен_остью того кто в дан_ый момент ими владе_т и что всякий владелец может их продавать но только один раз в неделю в воскресен_е в одном только месте а именно на площ_ди против Сухаревской башни». И в первое_же воскресен_е горы награблен_ого имущ_ства запрудили огромную площадь и хлынула Москва на не_видан_ый рынок.

Это было торжествен_ое открытие вековой Сухаревки.

Сухарева башня названа Петром I в_честь Сухарева стр_лецкого п_лковника который единствен_ый со своим полком остался верен Петру во время стр_ле_кого бунта.

Высоко стояла вековая Сухарева башня с ее огромными часами. Из_далека было видно. В верхних ее этажах пом_щались огромные ц_стерны вод_провода сн_бжавшего водой Москву.

Много л_генд ходило о Сухаревой башне: и «к_лдун Брюс» делал там золото из св_нца и черная книга написан_ая д_яволом хранилась в ее тайн_ках. Сотни разных л_генд одна (не/ни)_лепее другой.

По воскресен_ям около башни кипел торг на который как на праз_ник шла вся Москва и (П/п)одмосковный крест_нин и зае_жий пров_нциал.

Против р_скошного дворца Шереметевской больницы выр_стали сотни палаток р_скинутых за ночь на один только день. От рас_вета до п_темок к_лыхалось на площ_ди море голов оставляя узкие доро_ки для проезда по обеим сторонам широчен_ой в этом месте Садовой улицы. Толклось множ_ство народа и у всякого была своя цель.

Сюда в_старину (М/м)осквичи ходили раз_скивать украден_ые у них вещи и не_бе_успешно потому_что и_стари Сухаревка была местом сбыта краден_ого. Вор_одиноч_ка тащил сюда под_полой «стырен_ые» вещи скупщ_ки возили их возами. Вещи продавались на Сухаревке дешево «по_случаю». Сухаревка жила «случаем» не_редко не_счастным. Сухаревский торговец покупал там где не_счаст_е в доме когда все (не/ни)_почем или он «укупит» у (не/ни)_знающего цену нуждающ_гося человека или из_под_полы «т_варца» пр_обретет а этот «т_варец» иногда дымом подж_га пахнет иногда и кровью облит а уж слезами горькими всегда. За бе_ценок купит и дешево продает...

Лозунг Сухаревки «На грош_ п_таков!»

№ 14 А. И. Куприн «Гранатовый браслет» (фрагмент)

В_середине августа перед р_ждением молодого месяца вдруг наступили отвратит_льные погоды какие так свойствен_ы (С/с)еверному побереж_ю Ч_рного моря. То по_целым суткам тяжело лежал над (З/з)емлею и морем густой туман и тогда огромная с_рена на ма_ке ревела днем и ночью точ_но бешен_ый бык. То с утра до утра ш_л (не/ни)_переставая мелкий как водяная пыль дожд_к пр_вр_щавший глин_стые дороги и тр_пинки в сплошную густую грязь в которой ув_зали на_долго возы и эк_пажи. То задувал с северо_запада со стороны ст_пи св_репый ур_ган от него в_рхушки деревьев раскач_вались пр_гибаясь и выпр_мляясь точно волны в бурю гр_мели по ночам железные кровли дач_ казалось буд_то кто_то бегает по ним в подкован_ых сапогах вздрагивали окон_ые рамы хлопали двери и дико завывало в п_чных трубах. Не_сколько рыбач_их б_ркасов заблудилось в море а два и совсем не_вернулись только спустя неделю повыбрас_вало труп_ы рыбаков в разных местах берега.

Об_татели приг_родного морского курорта большей частью греки и евреи жизн_люби_ые и мнит_льные как все (Ю/ю)жане п_спешно переб_рались в город. По р_змякшему шоссе бе(з/с)_конца т_нулись л_мовые дроги перегружен_ые всяч_скими домашними вещами тюф_ками диванами сундуками стульями умывальн_ками сам_варами. Жалко и грустно и пр_тивно было глядеть скво_ь мутную к_сею дождя на этот жалкий скар_ казавш_йся таким изношен_ым грязным и нищ_нским на горн_ч_ных и кухарок сидевших на_верху воза на мокром бр_зенте с какими_то утюгами ж_стянками и к_рзинками в руках на запотевших обе_сил_вших лошадей которые то_и_дело останавл_вались дрож_а к_ленями дымясь и часто нося боками на сипло ругавш_хся дрогалей закутан_ых от дождя в рогожи. Еще п_чальнее было видеть оставлен_ые дачи с их внезапным пр_стором пустотой и оголен_остью с изуродован_ыми клумбами ра_битыми стеклами брошен_ыми собаками и всяч_ским дачным сором из окурков бумажек чер_пков коробочек и аптекарских пузырьков.

Но к началу сентября погода вдруг резко и совсем не_ждан_о пер_менилась. Сразу наступили тихие безоблач_ные дни такие ясные солнеч_ные и теплые каких не_было даже в июле. На о_сохших сжатых полях на их колючей ж_лтой щ_тине забл_стела слюд_ным блеском осен_яя паутина. Успоко_вшиеся деревья бе_шумно и п_корно роняли ж_лтые листья.

Кн_гиня Вера Николаевна Шеина жена предв_дителя дв_рянства не_могла покинуть дачи потому_что в их городском доме еще (не/ни)_покон_чили с р_монтом. И теперь она очень радовалась наступившим прелес_ным дням тишине уединен_ию чистому воздуху щ_бетанью на телеграфных пров_локах ласт_чек стаи_шихся к отлету и ласковому солен_ому ветерку слабо т_нувшему с моря.

№ 15 И. А. Бунин «Суходол» (фрагмент)

Пахло ж_сминoм в старой гостин_ой с пок_сившимися полами. Сгнивший серо_голубой от времени б_лкон с которого за отсутств_ем ступенек надо было спрыг_вать тонул в кр_пиве буз_не бер_склете. В жаркие дни когда его пекло (С/с)о_нце когда были отв_рены осевшие стеклян_ые двери и веселый о_блеск стекла передавался в тусклое _вальное зеркало в_севшее на стене против двери все вспом_налось нам фортеп_ано тети Тони когда_то ст_явшее под этим зеркалом. Когда_то играла она на нем глядя на пож_лтевшие ноты с заглав_ями в зав_тушках а он стоял с_зади крепко подп_рая тал_ю левой рукой крепко сжимая челюсти и хмурясь. Ч_десные бабочки и в ситц_вых пестр_ньких плать_цах и в (Я/я)понских нарядах и в черно_л_ловых

барх_тных шалях залетали в гостин_ую. И перед от_ездом он с_сердцем хлопнул однажды л_донью по одной из них треп_тно зам_равшей на крышке фортеп_ано. Осталась только сер_бристая пыль. Но когда девки по_глупости через не_сколько дней стерли ее с тетей Тоней (з/с)делалась истер_ка. Мы выходили из гостин_ой на б_лкон садились на теплые доски и думали_думали. Ветер проб_гая по саду доносил до нас ш_лковистый шелест берез с атласно_белыми исп_щрен_ыми чернью ств_лами и широко ра_кинутыми зелеными в_твями ветер шумя и ш_лестя бежал с полей и зелено_золотая ив_лга вскрик_вала резко и радостно колом проносясь над белыми цветами за б_лтливыми галками об_тавшими с многочислен_ым родством в разв_лившихся трубах и в темных ч_рдаках где пахнет старыми к_рпичами и через слуховые окна полосами падает на бугры серо_ф_олетовой золы золотой свет ветер зам_рал сонно ползали пч_лы по цветам у б_лкона совершая свою не_спешную работу и в тиш_не слыш_лся только ровный струящийся как не_пр_рывный мелкий дождик лепет сер_бристой листвы топ_лей... Мы бродили по саду заб_рались в_глуш_ _краин. Там на этих _краинах сливш_хся с хлебами в пра_дедовской бане с проваливш_мся потолком в той самой бане где Наталья хранила украден_ое у Петра Петровича зерк_льце жили белые трусы. Как они мягко выпрыг_вали на порог как странно ш_веля усами и раздвоен_ыми губами косили они далеко рас_тавлен_ые выпучен_ые глаза на высокие татарки кусты б_лены и заросли кр_пивы глушившей терн и вишен_ик! А в полу_раскрытой риге жил фил_н. Он сидел на перемете выбрав место по_сумр_чнее т_рчком подняв уши вык_тив ж_лтые сл_пые зр_чки и вид у него был дикий ч_ртовский. Опускалось (С/с)о_нце далеко за садом в море хлебов наступал вечер мирный и ясный кук_вала кукушка в Трошином лесу жалобно зв_нели где_то над лугами ж_лейки старика_пастуха Степы... Фил_н сидел и ждал ночи. Ночью все спало и поля и деревня и уса_ьба. А фил_н только и делал что ухал и плакал. Он не_слышно носился в_круг риги по саду пр_летал к избе тети Тони легко опускался на крышу и болезнен_о вскрик_вал...

№ 16 В. Г. Распутин «Пожар» (фрагмент)

И прежде чу_ствовал Иван Петрович что силы его на_исходе но н_когда еще так край да и только. Он поставил машину в гараж вышел через пустую пр_ходную в улицу и в_первые дорога от гаража до дома которую он два_цать лет не_замечал как не замечаеш_ в здоровье собствен_ого дыхания в_первые пустя_ная эта дорога представ_лась ему по всей своей д_тошной выт_нутости где каждый метр треб_вал шага и для каждого шага треб_валось усилие. Нет не_несли больше ноги даже и домой не_несли.

И пре_стоящая неделя последняя рабочая неделя показалась теперь бе_конечной дольше жизни. Нельзя было во_бразить как в каких п_тугах можно м_новать ее эту неделю и уж совсем (не/ни)_поддавалось (не/ни)_взгляду (не/ни)_мысли то существ_вание которое могло начат_ся в_след за нею. Там было что_то чужое запретное заслужен_ое но и не_нужное и уж (не/ни)_дальше и (не/ни)_вид_мей самой смерти предст_влялось оно в эти горькие минуты.

И с чего так устал? Не_надрывался сегодня обошлось даже и без нерв_трепки без крика. Просто край открылся край дальше некуда. Еще вчера что-то ост_валось на_перед сегодня кон_чилось. Как завтра под_маться как заводить опять и выезжать не_известно. Но оно и в завтрашний день верилось с_трудом и какое_то не_доброе уд_вольствие чу_ствовалось в том что (не/ни)_верилось пусть_бы долго_долго без_меры и порядка ночь чтоб одним отдохнуть другим опам_товаться третьим протр_зветь... А там новый свет и вызд_ровление. Вот_бы хорошо.

Вечер был мякотный тихий... Как ра_теплило днем так и не поджало и в_роде не соб_ралось подж_мать. Мокрый снег и по твердой дороге продавл_вался под ногами ост_вляя глубокие следы продолжали булькать скатываясь под_уклон руч_йки. В загустевших чистой синью барх_тных сум_рках все кругом в это весен_ее п_л_водье казалось затоплен_ым плавающим бе_порядочно в мокрени и только Ангара где снег был белее и чище походила из_дали на твердый берег.

Иван Петрович добрался наконец до дому не_помня останавл_вался заговар_вал с кем по дороге или нет без обычной боли когда то_ли обрывалась то ли во_ставала душа – прош_л мимо р_зорен_ого п_л_садника перед избой и пр_крыл за собой к_литку. С заднего двора от стайки слышался голос Алены ласково внушающий что_то мес_чной телочке. Иван Петрович скинул в сенцах грязные сапоги заставил себя умыт_ся и не_выдержал упал на л_жанку в прихожей возле большого теплого бока рус_кой печи. «Вот тут теперь и место мое» подумал он пр_слушиваясь (не/ни)_идет_ли Алена и страдая от_того что придется подн_маться на ужин. Алена не отстанет пока (не/ни)_накормит. А так не_хотелось подн_маться! Ничего не_хотелось. Как в м_гиле.

№ 17 Андрей Платонов «Котлован» (фрагмент)

Инженер Прушевский уже с два_цати пяти лет почу_ствовал ст_снение своего сознания и конец дальнейш_му понятию жизни буд_то темная стена предстала в_упор перед его ощущающим умом. И с тех пор он муч_лся шев_лясь у своей стены и усп_каивался что в_сущности самое средин_ое истин_ое устройство вещества из которого скомб_нирован мир и люди им п_стигнуто вся насущная наука ра_положена еще до стены его с_знания а за стеною находится лишь скучное место куда можно и не_стремит_ся. Но все_же интересно было не_вылез_ли кто_нибудь за стену в_перед. Прушевский еще раз подош_л к стене б_рака согнувшись поглядел по ту сторону на ближн_го спящ_го чтобы заметить на нем что_нибудь не_извес_ное в жизни; но там мало было видно по_тому_что в ночной лампе и_сякал к_р_син и слышалось одно медлен_ое западающее дыхание. Прушевский оставил барак и отправился брит_ся в пар_кмахерскую ночных смен он любил что_бы во_время тоски его к_сались чьи_нибудь руки.

После полу_ночи Прушевский пришел на свою квартиру флиг_ль во фруктовом саду открыл окно в темноту и сел пос_деть. Слабый мес_ный ветер нач_нал иногда ш_велить листья но в_скоре опять наступала тишина. Позади сада кто_то шел и пел свою песню то был наверно сч_товод с вечерних занятий или просто человек которому скучно спать. В_далеке на в_су и без спасения светила не_ясная звезда и ближе она н_когда не станет. Прушевский глядел на нее сквозь мутный воздух время шло и он сомн_вался

– Либо мне погибнуть?

Прушевский не_видел кому_бы он на_столько требовался что_б непремен_о под_ерживать себя до еще далекой смерти. Вместо надежды ему осталось лиш_ т_рпение и где_то за чер_дою ночей за опавш_ми рас_ветшими и вновь погибшими садами за встречен_ыми и м_нувшими людьми существует его срок когда придется леч_ на койку повернут_ся лицом к стене и скончат_ся не_сумев заплакать. На свете будет жить только его сестра но она родит ребенка и жалость к нему станет сильнее грусти по мертвому разрушен_ому брату.

– Луч_ше я умру подумал Прушевский. Мною пользуются но мне никто не_рад. Завтра я напишу последнее письмо сестре надо купить марку с_утра.

И решив скончат_ся он лег в кровать и заснул со счастьем р_внодушия к жизни. Не_успев еще почу_ствовать всего счастья он от него проснулся в три часа

по_полу_ночи и осв_тив квартиру сидел среди света и тишины окружен_ый близкими ябл_нями до самого рас_вета и тогда открыл окно чтобы слышать птиц и шаги пеш_ходов.

№ 18 Ч. Т. Айтматов «Плаха» (фрагмент)

В_след за коротким легким как детское дыхание дневным пот_плением на обращен_ых к (С/с)о_нцу горных склонах погода вскоре неуловимо изменилась – заветрило с ледников и уже закрад_вались по ущельям всюду прон_кающие ре_кие ранние сум_рки несущие за собой холодную сиз_сть пре_стоящей снежной ночи.

Снега было много во_круг. На всем протяжени_ (П/п)риис_ык_ульского кряжа горы были завален_ы м_тельным све_м прокативш_мся по этим местам пару дней тому назад как полыхну_ший вдруг по прих_ти сво_вольной стихии пожар.

Жутко что тут раз_гралось в м_тельной кр_мешности и_чезли горы и_чезло небо и_чез весь прежний вид_мый мир. Потом все стихло и погода про_снилась. С тех пор с ум_ротворением снежного шторма скован_ые в_ликими заносами горы стояли в ц_п_неющей и отстранивш_йся ото всего на свете стылой тиш_не.

И только все настойч_вей возр_стающий и все пр_бывающий гул крупнотон_ажного верт_лета проб_рающегося в тот предв_черний час по кан_ону Узун-Чат к лед_ному перевалу Ала-Монгю задымлен_ому в ветр_н_ой выси кручен_ыми обл_ками все нар_стал все пр_ближался усил_ваясь с каждой минутой и наконец восторж_ствовал полностью завладел пр_стран_ством и поплыл все_под_вляющим гр_мучим рок_том над не_доступными (не/ни) для чего кроме звука и света хре_тами вершинами высотными льдами. Умножа_мый среди скал и ра_падков мног_кратным эхом грохот над головой надв_гался с такой (не/ни)_отвратимой и грозной силой что казалось еще не_много и случится нечто страшное как тогда при земл_тр_сени_...

В какой_то кр_тический момент так и получилось с крутого обнаж_н_ого ветрами камен_истого откоса что оказался по_курсу полета тронулась дрогнув от звукового удара не_большая о_сыпь и тут_же пр_остановилась как заговорен_ая кровь. Этого толч_ка не_устойч_вому грунту однако было достаточ_но что_бы несколько увес_стых камней сорвавш_сь с крут_зны покатились в_низ все больше ра_бегаясь ра_кручиваясь вздымая следом пыль и щеб_нь а у самого подножия проломились подобно пуш_чным ядрам сквозь кусты красн_тала и б_рб_риса пробили сугробы достигли накатом волч_его лог_ва устроен_ого здесь серыми под свесом скалы в скрытой за зар_слями ра_щелине близ не_большого на_половину замер_шего теплого руч_я.

Волчица Акбара _тпрянула от скативш_хся с_верху камней и посыпавш_гося снега и пятясь в темень ра_щелины сжалась как пружина вздыбив загрив_к и глядя перед собой дико горящими в полу_тьме ф_сфор_цирующими глазами готовая в любой момент к схватке. Но опасения ее были напрасны. Это в открытой ст_пи страшно когда от пр_следующего верт_лета некуда деться когда он наст_гая (не/ни)_отступно гонит_ся по п_там оглушая свистом винтов и поражая автоматными очер_дями когда в_целом свете нет от верт_лета спасения когда нет такой щели где можно было_бы сх_ронить б_довую волчью голову ведь не_рас_тупится же земля что_бы дать укрытие гонимым.

В горах иное дело здесь всегда можно ускакать всегда найдется где затаит_ся где переждать угрозу. Верт_лет здесь не_страшен в горах верт_лету самому страшно. И однако страх безр_с_уден тем_более уже знакомый пережитый. С приближением вертолета волчица громко заскулила собралась в комок вт_нула голову и все_таки нервы не_выдерж_ли сорвалась_таки и яростно взвыла Акбара охвачен_ая бе_сильной слепой боязнью и суд_рожно поползла на брюхе к выходу лязгая зубами злобно и отчаян_о

готовая сразит_ся не_сходя с места точно надеялась обр_тить в бегство гр_хочущее над ущельем железное чудовище с_появлением которого даже камни стали валиться с_верху как при земл_тр_сени_.

№ 19 В. П. Астафьев «Царь-рыба» (фрагмент)

По своей воле и охоте редко уж мне пр_ходится ездить на родину. Все чаще зовут туда на пох_роны и п_минки много родни много друзей и зн_комцев это хорошо много любви за жизнь п_лучишь и отдашь да хорошо пока не_подойдет пора бли_ким тебе людям падать как падают в старом бору перест_ялые сосны с тяж_лым хрустом и долгим выд_хом...

Однако дов_дилось мне бывать на (Е/е)нисее и без зова кратких скорбных телеграм_ выслуш_вать не одни пр_ч_тания. Случались счас_ливые часы и ночи у костра на берегу реки подраг_вающей огнями бак_нов до дна пробитой золотыми каплями звезд слушать не_только плеск волн шум ветра гул т_йги но и не_торопливые рас_казы людей у костра на природе по_особен_ому открытых рас_казы откр_вения воспом_нания до темнозори а то и до утра зан_мающегося спокойным светом за дальними перевалами пока из_ничего не_возникнут не_нап_лзут липкие туманы и слова сдел_ются вя_кими тяж_лыми язык не_п_воротлив и огонек пр_тухнет и все в природе обретет ту долго_ждан_ую м_ротворность когда слышно лишь младен_чески-чистую душу ее. В такие минуты остаеш_ся как_бы один_на_один с пр_родою и с чуть бо_зной тайной радостью ощ_тишь можно и нужно наконец_то доверит_ся всему что есть во_круг и не_заметно для себя отмякн_шь словно лист или травинка под росою уснешь легко крепко и засыпая до первого луча до пробного птич_его перебора у летней воды с_вечера хранящей парное тепло улыбнеш_ся давно_забытому чу_ству так вот вольно было тебе когда ты (не/ни)_какими еще в_споминаниями не_нагрузил пам_ть да и сам себя едва_ли помнил только чу_ствовал кожей мир во_круг пр_выкал глазами к нему пр_креплялся к древу жизни коротеньким стерж_ньком того самого листа каким ощутил себя сейчас вот в редкую минуту душевного п_коя...

Но так уж устро_н человек пока он жив ра_тревожен_о работают его сердце голова вобравшая в себя не_только груз собствен_ых воспом_наний но и пам_ть о тех кто встречался на рос_танях жизни и на_всегда канул в бурлящий людской вод_ворот либо пр_кипел к душе так что уж не_оторвать не_отделить (не/ни)_боль его (не/ни)_радость от своей боли от своей радости.

№ 20 В. М. Песков «Слетки» (фрагмент)

В (Тт)ригорском парке около самой «скамьи Онегина» я увидел двух стран_ых ворон сидят в не_естествен_ых позах и как_будто совсем не_страшатся людей. Подош_л ближе молодые вороны вид_мо только_что из гнезда. Подпустили к себе в_плотную. Прот_нул руку не_шевел_тся. Тронул одну за клюв чуть повернул голову застыла в навязан_ой позе как_будто ее сл_пили из пласт_лина. У второй осторожно раскрыл клюв переставил на суч_к одну лапку намерен_о сделав позу до_крайн_сти не_удобной застыла как под г_пнозом. И (не/ни)_единого звука пр_теста. С ума сх_дили родители (не/ни)_истово долбили клювами ветки это выгляд_ло как стуч_ние кулаком по столу у людей и так орали что в_пол_шили всю воронью сл_бодку в Тригорском. А молодые сидели спокойно в забавных не_естествен_ых позах. И так прод_лжалось до той минуты когда я пятясь уд_лился на п_чтен_ое рас_тоянье. Сердитые крики старых ворон

пр_кратились и сразу_же два (не/ни)_смышленыша «размороз_лись» пот_нулись зевнули раз_инув клювы показали родителям что (не/ни)_проч_ закусить. В б_нокль было видно в_ход пошли черв_ки и поделен_ый между ед_ками птен_чик какой_то маленькой птицы.

После еды молодые вороны чуть задр_мали. Потом стали ерзать и двигат_ся по суч_ку. Но стоило мне подойти все повторилось птенцы (не/ни)_медлен_о зат_ились оцеп_нели. Крик родителей угрожавших обидч_ку для них был сигналом «Замрите не_ш_в_литесь!»

Такая картина в июне наблюда_тся по_вс_местно. У многих птиц молодеж_ покинула гнезда. О мире окружающем слетков предст_вленья еще (не/ни)_какого. И единствен_ое средство себя защ_тить у всех одинаково: замереть зат_ит_ся не ш_в_лит_ся. П_нечком к_рявым суч_ком подняв клювики кверху сидят др_зды; (не/ни)_слышно как (не/ни)_живые в ч_ще пряч_тся с_рочата. И все все кто покинул гнезда ведут себя в эти дни тише воды ниже травы.

Благое дело увидев слетка не_думать что он обижен судьбою одинок и забыт и не пытат_ся его спасать. Странная (не/ни)_подвижн_сть проверен_ый способ остат_ся никем не_замечен_ым кроме родителей. А родители находят его по крику «Я тут я гол_ден!» Не_премен_о находят кормят и согревают само_твержен_о пр_творясь ранен_ыми отводят от слетков врагов. А через неделю гл_дишь п_дросток уже ума_разума нак_пил уже пон_мает что_к_чему в этом мире да и крылья уже готовы раз и всп_рхнул!

Случ_й особый это птенец серой цапли. Он не_вылетел из гнезда а упал. Такое бывает. Не_осторожность излишнее люб_пытство сильный п_рывистый ветер и вот птенец уже не в гнезде высоко в соснах а на холодной мокрой (З/з)емле. Голоден перья только_только начали р_сти да к тому же уши_ся. Он был обреч_н. У цапель «что с воза упало то пропало» о птенцах оказавш_хся на (З/з)емле (не/ни)_малейш_го бе_покойства упа_ший счита_тся «браком». Обыкновен_о это добыча л_сицы ворон муравьев. Но в этот раз птенца заметил доброй души человек. Об_грел накормил морожен_ым хеком. Не_очень вкусно но голод (не/ни)_тетка. И вот оп_ряется цапля р_стет поставлен_а на д_вольствие мес_ными рыб_ловами. Любит грет_ся на (С/с)о_нце. Знает в_лицо свою покр_вительн_цу. Для всех остальных на_готове длин_ый как _строга клюв.

Много хл_пот с долг_вязым и не_уклюж_м пр_емышем. Но мил_сердие вознагр_жда_тся. Скоро серая цапля сможет уже и сама рыбачить на мелк_водьях у реч_ки Сороть.

№ 21 Ф. И. Тютчев «Весна» (фрагмент)

Как (не/ни)_гн_тет рука судьбины
Как (не/ни)_т_мит людей обман
Как (не/ни)_бр_здят ч_ло м_рщины
И сер_це как (не/ни)_полно ран
Каким_бы строгим и_пытаньям
Вы (не/ни)_были подч_нены
Что устоит перед дыханьем
И первой встреч_ю весны!

Весна… Она о вас не знает
О вас о горе и о зле
Бе_смертьем взор ее сияет

И ни_м_рщины на ч_ле.
Своим законам лиш_ п_слушна
В условный час слета_т к вам
Светла блажен_о_р_внодушна
Как под_бает бож_ствам.

Цветами сып_ет над землею
Свежа как первая весна
Была_ль другая перед нею
О том (не/ни)_ведает она
По небу много облак брод_т
Но эти облака ея
Она (не/ни)_следу (не/ни)_находит
О_цветших весен бытия.

(Не/Ни) о былом взд_хают розы
И с_ловей в ночи поет
Бл_гоухающие слезы
(Не/Ни) о былом (А/а)врора льет
И страх кон_чины (не/ни)_избежной
Не_све_т с древа (не/ни)_листа:
Их жизнь как океан бе_брежный
Вся в наст_ящем р_злита.

Игра и жертва жизни час_ной!
При_ди_ж _твергни чувств обман
И рин_ся бодрый самовлас_ный
В сей жив_творный ок_ан!
При_ди струей его эфирной
Омой стр_дальческую грудь
И жизни Бож_ско_вс_мирной
Хотя на миг пр_частен будь!

№ 22 Максим Горький «Детство» (фрагмент)

Нач_лась и потекла со страшной быстр_той густая пестрая не_выразимо стран_ая жизнь. Она вспом_нается мне как суровая сказка хорошо рас_казан_ая добрым но мучит_льно_правдивым гением. Теперь оживляя прошлое я сам порою с_трудом верю что все было имен_о так как было и многое хоче_ся оспорить от_вергнуть слишком _бильна ж_стокостью темная жизнь «не_умного плем_ни».

Но правда выше жал_сти и ведь (не/ни) про себя я рас_казываю а про тот тесный душный круг жу_ких впеч_тлений в котором жил да и по сей день живет простой рус_кий человек.

Дом деда был наполн_н г_рячим туманом взаимн_й вражды всех со всеми она отр_вляла взрослых и даже дети пр_н_мали в ней живое уча_стие. В_последстви_ из рас_казов бабушки я узнал что мать пр_ехала как_раз в те дни когда ее братья настойч_во треб_вали у отца р_здела имущ_ства. (Не/Ни)_ожидан_ое возвр_щение матери еще более об_стрило и усил_ло их желание выделит_ся. Они боялись что моя мать потребу_т пр_дан_ого назначен_ого ей но удержан_ого дедом потому что она вышла за_муж_

«сам_круткой» против его воли. Д_дья сч_тали что это пр_дан_ое должно быть подел_но между ними. Они тоже давно и жестоко спорили друг с другом о том кому открыть м_стерскую в городе кому за Окой в сл_боде Кунавине.

Уже в_скоре после пр_езда в кухне во_время обеда вспыхнула ссора д_дья вн_запно вск_чили на_ноги и пер_гибаясь чере_з стол стали выть и рычать на дедушку жалобно скаля зубы и встрях_ваясь как собаки а дед стуча ло_кой по столу покраснел весь и звонко п_тухом закричал:

– По_миру пущу!

Болезнен_о искр_вив лицо бабушка говорила

– О_дай им все отец спокойней тебе будет о_дай!

– Ц_ц пота_чица! (К/к)ричал дед св_ркая глазами и было странно что маленький такой он может кричать столь оглушит_льно.

Мать встала из_за стола и не_торопясь ото_дя к окну пов_рнулась ко всем спиною.

Вдруг дядя Михаил ударил брата на_отмаш_ по лицу тот взвыл сц_пился с ним и оба пок_тились по_полу хрипя охая ругаясь.

Заплакали дети отчаян_о закричала б_ремен_ая тетка Наталья моя мать пот_щила ее куда_то взяв в_(а/о)хапку веселая р_бая нянька Евгенья выг_няла из кухни детей падали стулья молодой ш_рок_плечий подмастер_е Ц_ганок сел верхом на спину дяди Михаила а мастер Г_ригорий Иванович пл_шивый бородатый человек в темных очках спокойно связ_вал руки дяди п_л_тенцем. Выт_нув шею дядя терся редкой ч_рной бор_дой по-полу и хрипел страшно а дедушка бегая вокруг стола жал_бно вскрикивал:

– Братья а! Р_одная кровь! Эх вы...

№ 23 А. И. Куприн «Чудесный доктор» (фрагмент)

Здесь осв_щен_ые ярким светом в_сящих ламп возвышались целые горы красных крепких яблоков и ап_льсинов стояли прав_льные п_рамиды мандаринов нежно золотивш_хся сквозь окут_вающ_ю их п_п_росную бумагу прот_нулись на блюдах уродл_во раз_инув рты и выпучив глаза огромные копчен_ые и мар_нован_ые рыбы ниже окружен_ые г_ряндами к_лбас красовались соч_ные разрезан_ые ок_рока с толстым слоем роз_ватого сала... Бе_числен_ое множ_ство баночек и к_робочек с солен_ыми варен_ыми и копчен_ыми закусками дов_ршало эту эф_ектную к_ртину глядя на которую оба мальчика на минуту забыли о двена_цати_градусном морозе и о важном поручени_ в_зложен_ом на них матерью п_ручени_ окончивш_мся так (не/ни)_ожидан_о и так плачевно.

Старший мальчик первый от_рвался от соз_рцания оч_ровательного зрелища. Он дернул брата за рукав и пр_изнес сурово

– Ну Володя идем идем... Не_чего тут...

Одновр_мен_о подавив т_желый вздох старшему из них было только десять лет и к_тому_же оба с_утра (не/ни)_чего не_ели кроме пустых щей и кинув последний влюблен_о_жадный взгляд на г_стр_н_мическую выставку мальч_ганы тор_пливо побежали по улице. Иногда скво_ь зап_тевшие окна какого_нибудь дома они вид_ли елку которая из_дали казалась гр_мадной гроз_д_ю ярких с_яющих пятен иногда они слышали даже звуки веселой польки... Но они муж_ствен_о гнали от себя проч_ с_блазнительную мысль ост_новит_ся на несколько секунд и пр_льнуть глазком к ст_клу.

По_мере того как шли мальчики все мал_люднее и т_мнее становились улицы. Пр_красные магазины сияющие елки рыс_аки мчавш_еся под своими синими и красными сетками визг п_лозьев праз_ничное ож_вление толпы веселый гул окр_ков и разговоров разрумянен_ые морозом смеющиеся лица нарядных дам все осталось по_зади.

Пот_нулись пустыри кривые узкие пер_улки мрач_ные не_освещен_ые к_с_горы... На_конец они достигли пок_сивш_гося ве_хого дома стоявш_го особн_ком низ его собствен_о п_двал был камен_ый а верх деревян_ый. Обойдя тесным об_лед_нелым и грязным двором служивш_м для всех жильцов естествен_ой п_мойной ямой они спустились в_низ в подвал прошли в темноте общим к_ридором от_скали ощ_пью свою дверь и отв_рили ее.

Уже более года жили Мерцаловы в этом подз_мелье. Оба мальчугана давно успели пр_выкнуть и к этим зак_птелым плач_щим от сыр_сти стенам и к мокрым отрепкам сушивш_мся на протянутой через комнату веревке и к этому ужасному запаху к_р_синового ч_да детского грязного белья и крыс настоящему запаху н_щ_ты. Но сегодня после всего что они видели на улице после этого праз_ничного л_кования которое они чу_ствовали по_всюду их маленькие детские сер_ца (з/с)жались от острого не_детского страдания. В углу на грязной ш_рокой п_стели лежала девочка лет семи ее лицо г_рело дыхание было коротко и затруднит_льно широко ра_крытые бл_стящие глаза смотрели прист_льно и бе_цельно. Рядом с п_стелью в люльке пр_вешен_ой к потолку кричал морщась надрываясь и захлеб_ваясь грудной ребенок. Высокая худая женщина с изм_жден_ым усталым точ_но поч_рневшим от горя лицом стояла на к_ленях около больной девоч_ки поправляя ей п_душку и в то_же время не_забывая подталк_вать локтем качающ_юся к_лыбель.

№ 24 М. Ю. Лермонтов «Демон» (фрагмент)

П_чальный Демон дух и_гнанья
Летал над грешною (З/з)емлей
И луч_ших дней воспом_нанья
Пред ним т_снилися толпой;
Тех дней когда в ж_лище света
Бл_стал он чистый х_рувим
Когда бегущая к_мета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменят_ся с ним
Когда сквозь веч_ные туманы
П_знанья жадный он следил
К_чующие к_р_ваны
В пр_странстве брошен_ых св_тил;
Когда он верил и любил
Счас_ливый перв_нец тв_ренья!
(Не/Ни)_знал (не/ни)_злобы (не/ни)_с_мненья.
И не_грозил уму его
Веков бе_плодных ряд унылый...
И много много... и всего
Пр_помнить не_имел он силы!

Давно _твержен_ый блуждал
В пустыне мира без пр_юта:
Во_след за веком век бежал
Как за м_нутою м_нута
Одно_бразной чер_дой.
Н_чтожной вла_ствуя (З/з)емлей

Он се_л зло без насл_жденья.
Н_где ис_кус_тву своему
Он не_встречал с_пр_тивленья
И зло на_скуч_ло ему.

И над в_ршинами (К/к)авказа
Изгнан_ик рая пролетал
Под ним (К/к)азбек как грань алмаза
Снегами веч_ными с_ял
И глубоко в_низу чернея
Как трещ_на жилище змея
Вился излуч_стый Дарьял
И Тер_к прыгая как львица
С к_сматой гривой на хре_те
Ревел и горный зверь и птица
Кружась в л_зурной высоте
Глаголу вод его вн_мали
И золотые облака
Из (Ю/ю)жных стран из_далека
Его на (С/с)евер пров_жали
И скалы тесною толпой
Таинствен_ой др_моты полны
Над ним скл_нялись головой
Следя м_лькающие волны
И башни замков на ск_лах
Смотрели грозно скво_ь туманы
У врат (К/к)авказа на часах
Сторож_вые в_ликаны!
И дик и ч_ден был во_круг
Весь бож_й мир но гордый дух
Пр_зрительным окинул оком
Тв_ренье бога своего
И на челе его высоком
Не_отр_зилось ничего.

№ 25 П. Сергеич «Искусство речи на суде» (фрагмент)

Фил_софские мысли как и аф_ризмы практич_ской мудр_сти не_только украшают речь но и пр_дают ей силу. Когда перед нами говорит человек остр_умный и начитан_ый его приятно послушать когда говорит человек образован_ый много думавший и знающий жизнь его п_лезно слушать. И корон_ые судьи и пр_сяжные зас_датели бывают весьма склон_ы пр_увеличивать свой ум и знание людей и пр_н_бр_жительно относятся к молодому товарищу пр_курора или помо_нику пр_сяжного п_верен_ого; они по_большей части думают что речи сторон не_нужная б_лтовня что они сами пон_мают дело лучше орат_ров и знают без них как надо решить его. Но когда из юн_ых уст ра_даются суждения д_сто_ные зрелого мужа или с_дого старика это отн_шение быстро меняется. И в этом смысле имен_о внуш_тельны общие мысли а не разбор обст_ятельств дела. Это об_ясня_тся просто. Сп_собность к обобщениям есть одно из вы_ших свойств нашего разума и больш_нство людей обл_дает

ею лиш_ в ограничен_ой мере; с другой стороны ул_вить связь отдельного факта с общей мыслью может только тот кто ясно усвоил ее пр_никся ею; у другого новые факты могут скорее зат_мнить чем осв_тить ее; этим об_ясня_тся по_чему люди мал_развитые так боятся п_р_доксов.

Общие мысли пр_влекательны для слушателей еще и тем что в них сказ_вается лич_ность орат_ра. Терсит может говорить но не_может мыслить и чу_ствовать как Патрокл; высокий ум «и говорит и мыслит благ_родно». В одной из речей А. Ф. Кони в Государств_н_ом совете есть следу_щее место: «Не_правильно было_бы сравнивать работу судьи с работой должнос_ных лиц других пр_сутствен_ых мест. Как_бы (не/ни)_был предан_ своему делу и усерд_н управляющий к_нтрольной или к_зен_ой палатой он имеет право быть занят лиш_ в пр_сутствен_ые часы кон_чились они и он может все_цело о_даться семье знакомым развл_чениям книгам или какому_нибудь любимому занятию. А судья пон_мающий и исп_лняющий свой долг когда свободен от умствен_ой работы от изучения дел от р_здумья о за_трашнем решении от тр_вожных воспом_наний и проверки себя по поводу вч_рашнего пр_г_вора?» так мог сказать только тот кто мог так подумать а подумать мог только тот кто и_пытал. Много ли найдет_ся среди нас таких для кого самая мысль не_была в_полне чуждой?

№ 26 Г. А. Федоров «Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века» (фрагмент)

Вспомним слова Ф. Достоевского «Ведь грус_но и смешно в самом деле подумать что не_было_бы Арины Р_дионовны няньки Пушкина так может быть и не_было_б у нас Пушкина. Ведь это вздор?.. Вот теперь много рус_ких детей везут воспит_ваться во Францию ну что если туда ув_зли какого_(не/ни)_будь Пушкина и там у него не будет ни Арины Р_дионовны ни рус_кой речи с к_лыбели?».

А был_ли в жизни самого Ф. М. Достоевского такой человек бли_кий родной украс_вший детство д_бротой и предан_остью?

Варенька Доброселова г_роиня первого романа Ф. Достоевского «Бедные люди» вспом_ная о своем «золотом детстве» называет и двух нян_ек. «Старая няня Ульяна рас_казывает про старое время или страшные ска_ки про к_лдунов и м_ртв_цов. Мы дети зам_лчим разом... ч(у/ю)! шум! Как_буд_то кто_то стучит! Ни_чего не_бывало это гудит сам_прялка у старой Фроловны; сколько смеху бывало!»

Не_одн_кратно отм_чалось множество автоб_ографических р_алий в первом романе Ф. Достоевского. «Старая Фроловна» к_примеру любимая няня детей Достевских Елена (Алена) Фроловна Крюкова прослужи_шая у них четырна_цать с_лишним лет. Ее наняли когда в семье Достоевских уже р_сли Михаил четырех_летний Федор Варвара перед рождением в 1825 году Андрея.

Вспом_ная о Фроловне Андрей Достоевский писал: «Говоря о нашем с_емействе я (не/ни)_могу (не/ни)_упом_нуть об лич_ности которая входила в его всею своею жизнию всеми своими инт_ресами. Это была няня Алена Фроловна». Она «была д_йствительно зам_чательная лич_ность и не_только была в уважени_ у родителей моих но даже сч_талась как_бы членом нашего дома нашей семьи». Была она (М/м)осковской м_щанкой званьем очень г_рдилась и любила называть себя «гр_жданкой». Дети обращались к ней на «(Т/т)ы» но и она говорила им «(Т/т)ы» когда они были уже взрослыми. Единствен_ой из пр_слуги ей дозв_лялось называть отца и мать Достоевских не барин и барыня а по им_ни и отч_ству.

№ 27 И. А. Бродский «Р_ждественский р_манс» (фрагмент)

Евгению Рейну с любовью

Плывет в т_ске (не/ни)_об_яснимой
среди к_рпич_ного надсада
ноч_ной к_раблик (не/ни)_гасимый
из (А/а)л_ксандровского сада
ноч_ной ф_нарик (не/ни)_людимый
на розу ж_лтую п_хожий
над головой своих любимых
у ног пр_хожих.

Плывет в т_ске (не/ни)_об_яснимой
пч_линый ход с_мнамбул пьяниц.
В ноч_ной ст_лице фото_снимок
п_чально сделал ин_странец
и вые_жает на (О/о)рдынку
такси с б_льными сед_ками
и мертв_цы стоят в_обнимку
с ос_бн_ками.

Плывет в т_ске (не/ни)_об_яснимой
певец п_чальный по (С/с)т_лице
стоит у ла_ки к_р_синной
п_чальный дворник кругл_лиц_й
сп_шит по улице (не/ни)_взрач_ной
любовн_к старый и красивый.
Пол_ноч_ный поезд нов_брач_ный
плывет в тоске (не/ни)_об_яснимой.

Плывет во мгле (З/з)а_москворе_кой
плывет в (не/ни)_счастие случайный
блужда_т выгов_р еврейский
на ж_лтой лес_нице п_чальной
и от любви до (не/ни)_веселья
под Новый год под в_скресенье
плывет красотка записная
своей тоски (не/ни)_об_ясняя.

Плывет в глазах х_лодный вечер
дрож_ат сн_жинки на вагоне
морозный ветер бледный ветер
о_тянет красные л_дони
и льет_ся мед огней вечерних
и пахн_т сладкою х_лвою
ноч_ной пирог несет с_чельник
над головою.

Твой Новый год по темно_синей
волне средь моря городско_о

плывет в т_ске (не/ни)_об_яснимой
как_будто жизнь начнет_ся снова
как_будто будет свет и слава
удач_ный день и в_дов_ль хлеба
как_будто жизнь к_чнется в_право
к_чнувшись в_лево.

№ 28 С. Н. Есин «Власть слова» (фрагмент)

Литература вроде буль_на который подали писателю как питат_льное блюдо. Но это и миска в которой сам писатель наход_тся словно сла_кая м_зговая косточ_ка. Можно пр_вести и другие «вкусные» и «не_с_едобные» ан_логии но суть их заключа_тся в том что литература не_сущ_ствует без писателя а он сам и продукт ее и подвижн_к. От_сюда любовь писателя к литературе. А может быть ненависть как может ненавид_ть собствен_ый дом человек для которого дом стал тюр_мой.

Сч_та_тся что свой дом литературу писатель должен знать. Это правда. По_крайней мере не_сущ_ствует н_какого другого мет_да обучения и сов_ршенств_вания писателя кроме изучения и п_знания литературы. Метод ан_логий и пр_кидывания... Так пр_кидывает на себя зайдя в пр_мерочную платье модник. Но ведь благ_получно живет и знам_нитый ане_дот «Ч_кча не_читатель ч_кча писатель». Это то_же не редкий ф_номен: писатель без большой культурн_й по_питки без знания работ своих пре_ше_ствен_иков. Существу_т еще несколько л_генд утв_рждающих что писателю такая по_питка не_нужна. Эти л_генды культ_вируются как правило в ср_де ни_кого культурного уровня духовной лени. Хорошо эти бас_ни рас_каз_вать в п_яном виде. Тогда соб_седники могут себя чу_ствовать в_ровень с поэтом или писателем которого они только что ог_ворили.

Существу_т мнение что таким довольно (не/ни)_веж_ствен_ым «с_м_родком» был крупнейший поэт России Сергей Александрович Есенин. Ис_лед_ватели творчества Есенина стыдливо нач_нают пр_водить данные о его школьном образ_вании учительской с_м_нарии в Спас_Клепиках а там учили многому и не_скольких лекциях которые он услышал в Москве в час_ном ун_верситете Шанявского. Все почему_то забывают о другом о его раннем знакомстве с Блоком о его армейской службе в 1917 году в госп_тале расп_ложен_ом в (Ц/ц)арском селе где среди «п_рсонала» были молодые того и другого пола отпрыски лучших фамилий России о его в юности долгой дружбе и совмес_ном прож_вании с Николаем Клюевым в_днейшим русским поэтом и одним из образован_ейших людей России. Талантл_вый человек многое хватает на_лету на_слух.

Находясь с_верху над буль_ной чашкой писатель вид_т как обширны и величеств_нны поля литературы. География ее де_ствительно бе_брежна. Есть писатели-ручейки писатели-скалы писатели открытое ш_ссе леса рощи и острова но есть и писатели-ок_аны! Ма_штабы при взгляде из_нутри буль_ной чашки и с_наружи разные. Воспр_ятие этих ма_штабов меняется с возр_стом. У восемнадцати_летнего писателя только что написавш_го свой первый рас_каз свое воспр_ятие Льва Толстого. Жизнь рас_т_лается в_переди огромная и бе_конеч_ная как э_ск_латор в метро. И в плане собствен_ой жизни которая конеч_но (не/ни)_когда (не/ни)_закончится даже «Война и мир» _вление вполне рук_творное. Не_гора а горка. Но замечено что при всей казалось_бы рук_творности этот роман_эп_пея так и не_пр_взойден «горка» не_пр_од_лена.

№ 29 Д. Н. Шмелев «Современный русский язык» (фрагмент)

Целый ряд слов сн_бж_н в т_лковых словарях п_метами «высокое» «книжное» с одной ст_роны и «ра_говорное» «прост_речное» с другой. Эти п_меты указ_вают на то что употр_бление со_тве_ствующих слов обусловл_н_о опред_елен_ым типом речи разговар_вая на_пример в не_офиц_альной о_становке о быт_вых вещах мы ре_ко употр_бляем «высокие» слова и на_против слова отмечен_ые как «разговорные» и тем более «прост_речные» были_бы как прав_ло не_умес_ны в офиц_альной о_становке в публич_ном выступлени_ и т_п.

П_мета «высокое» сопров_ждает на_пример слова *ввергнуть ввер_ть вдохн_овить в_личие в_ршить вещий г_рнило гр_дущий губитель д_рзан_ие добл_сть достоян_е един_борство завет зл_деяние иго из_бл_чить и_кони и_пеп_лить и_целить кара клич_ крушить мног_трудный мудрец н_возвратный не_забвен_ый н_запам_тный н_и_черпа_мый* и т_д. Ясно что включение в реч_ п_добных слов пр_дает ей определен_ую т_нальность. Это стил_стически отмечен_ые слова слова «высокого слога».

С п_метой «книжное» выступают в словарях такие слова как *бе_ствие безврем_нье безвласт_е бе_гранич_ный благ_ухание бодрств_вать вер_ломный вес_ник вид_изм_нить голов_кружительный г_нение г_рнило дальн_овидный д_корум добр_детель д_ктрина знач_мость _ерарх_я изн_чтожить из_биловать имп_зантный импульс инд_виду_м инд_ф_рентный инс_нуац_я имп_нировать и_числить к_мп_новать к_рыст_любец л_п_дарный м_рило мертвить миро_пон_мание миро_соз_рцание м_ралист нагой н_вольник н_дуг немо_ный* и т. д.

Было_бы ошибоч_но пол_гать что характ_ристика слова как книжного указывает на то что оно прим_ня_тся только в книжной т. е. письмен_ой речи (и р_вняющихся на нее видах речи ус_ной таких на_пример как лекц_я доклад и т. п.). И в нашей об_ходно_разг_ворной речи мы каса_мся самых разно_бразных тем которые обусловл_вают быструю и часто д_вольно резкую смену стил_стических «р_гистров» но обусловлен_ость выбора стил_стически окрашен_ых ед_ниц языка темой разговора реальной знач_мостью того о чем в дан_ый момент идет речь как_раз и указ_вает на пр_сутствие в сознани_ говорящих стил_стических пр_мет слова. Владение языком это не_только знание предметной отнесен_ости пр_меня_мых слов но так_же и их экспрес_ивно_стил_стических в_зможностей.

№ 30 А. А. Ивин «Логика» (фрагмент)

Француз_кий ф_лософ XVII в. Р. Декарт доказ_вал что сп_собность нормально и_пользовать язык явля_тся единствен_ым д_ст_верным признак_м того что не_которое существо обл_дает человеч_ским разумом. Эту сп_собность не_возможно обн_ружить (не/ни) у авт_мата (не/ни) у ж_вотного. Ж_вотное в_проч_м то_же пре_ставляет собой по Декарту разн_видность авт_мата наделен_ого р_флексами. Во всех отн_шениях кроме языка авт_мат может обн_руживать признаки инт_л_екта иногда пр_восх_дящие с_отве_ствующие признаки человека. Но к языку (не/ни) ж_вотное (не/ни) машина лишен_ые разума (не/ни)_будут сп_собны даже если над_лить их физ_ол_гическими органами (не/ни)обх_димыми для пр_изводства речи.

Эта г_пот_за о пр_нц_пиальной не_сп_собности ж_вотных говорить подобно человеку вызвала (не/ни)_сконча_мые нападки на Декарта. Однако мысль его в_основе своей верна речь может быть только у суще_ств наделен_ых разумом и она явля_тся единствен_ым способом про_вления разума во_вне.

Язык (не/ни)обх_димое условие суще_ств_вания (а/о)бстрактного мышления. Не_случайно такое мышление являющ_еся отл_чительной особен_остью человека принято называть «мышлением в понят_ях».

Язык в_зникает одн_времен_о с сознанием и мышлением. Являясь чу_ствен_о воспр_н_ма_мой об_лоч_кой мышления язык обе_печ_вает мыслям человека р_альное предметное сущ_ствование в форме к_лебаний воздуха (звуков) или следов краски на бумаге (письма). Вне такой об_лоч_ки мысль не_доступна для других.

Как и мышление язык д_ал_гичен он сущ_ствует для отдельного человека лишь по_стольку по_скольку сущ_ствует для других.

Логич_ский анали_ мышления всегда есть и_след_вание языка в котором оно протека_ет и без которого оно не_явл_ется в_зможным. В этом плане логика наука о мышлении есть в равной мере и наука о языке.

Мышление и и_польз_вание языка две пре_пол_гающие друг_друга стороны как процес_а познания так и процес_а общения. Язык уча_ствует не_только в выр_жени_ мысли но и в самом ее форм_ровани_. Нельзя противопост_влять «чистое» вне_языковое мышление и его п_следующее выр_жение в языке.

В_месте с тем язык и мышление не_т_ждествен_ы. Каждая из сторон единства сост_вля_мого ими относительно сам_стоят_льна и обл_дает сп_ц_фическими законами.

Часть 3. Найдите и исправьте орфографические и пунктуационные ошибки.

№ 1 Ю. В. Бондарев «Быки» (фрагмент)

Была война и неистовая жара в Казахстане. Раскаленное солнце висело над степью, жгло мне затылок, и сквозь молотообразные удары в висках я слышал сверлящий треск кузнечиков, глухое позвякивание металических заноз в деревянном ярме на шеях двух быков, запряженных в арбу. Быки, худые, изморенные зноем, не переставали жевать свою жвачку; в уголках их бездумных глаз, черным роем шевелились мухи, а они, не моргая, стояли терпеливо и равнодушно, видимо привыкнув к этой постоянной муке, к этой рабьей покорности ежедневной пытке.

Я работал в степи первый день, все время помня ядовитое выражение на крепких чугунно-загорелых лицах скирдовщиков, встретивших, меня в колхозной конторке неприязненно, насмешливыми взглядами. Был я в легких парусиновых туфлях, в белых расклешенных брюках с надраенной морской бляхой на ремне, эвакуированый городской мальчишка, форсоватый по виду, совершенно непонятный этим выросшим в степи парням.

Морская бляха и расклешенные мною летние брюки отца, которые он носил еще в тридцатых годах, были знаками моей школьной мечты о флоте. Тогда слова «шхуна», «брегантина», «шкипер» и «марсель», вычитанные из книг, вызывали у меня святой трепет, мысли о дальних странствиях, тугом и ласковом ветре над солнечно-белыми парусами, о неведомых перломутрово-сияющих лагунах в теплых морях, о чужих и незнакомых портовых городах залитых огнями с ночным запахом гниющих бананов на берегу, вблизи которого покачивались в черном, южном небе созвездия фонарей на поскрипывающих мачтах. В восьмом классе я наизусть выучил морскую терминологию, названия снастей парусного флота по разным старым учебникам и сноскам в романах Джека Лондона. Я даже выменял у кого-то лоскут тельника и, пришив его к майке, ходил с расстегнутым воротником рубашки, что бы виден был этот пленительный кусочек моря. При одном взгляде на него я испытывал запах ветра и далеких пространств.

В девятом классе с надеждой поступить в военно-морской клуб я спал зимой с открытой форточкой, по утрам выжимал гантели, купил морскую бляху и ходил по-матросски – чуть враскачку, как бы приучая себя к ныряющей под ногами палубе.

В тот жаркий август сорок первого года, вернувшись после рытья окопов под Смоленском, я не застал в Москве родных и только по записке матери, оставленной управдому, нашел после долгих поисков семью, эвакуированную в Казахстан. И тут вдруг понял все прежнее, детское уходило, исчезало, подобно тому как кончается и сказка о Золотом дворце среди синего моря и доброй колдовской Жар-птице, – я был старший в семье и теперь знал, что мать и младшие сестры стали моей ответственностью.

№ 2 В. Т. Шаламов «Кант» (фрагмент)

Мне давно была понятна и дорога та завидная торопливость, с какой бедная северная природа стремилась поделится с нищим, как и она человеком своим нехитрым богатством: процвести поскорее для него всеми цветами. В одну неделю, бывало, цвело все взапуски, и за какой-нибудь месяц с начала лета горы в лучах почти незаходящего солнца краснели от брусники, чернели от темно-синей голубики. На низкорослых кустах – и руку поднимать не надо – наливалась желтая крупная водянистая рябина. Медовый

горный шиповник – его розовые лепестки были единственными цветами здесь, которые пахли как цветы, все остальные пахли только сыростью, болотом, и это было под стать весеннему безмолвию птиц, безмолвию лиственичного леса, где ветви медленно одевались зеленой хвоей. Шиповник берег плоды до самых морозов и из-под снега протягивал нам сморщенные мясистые ягоды, фиолетовая жесткая шкура которых скрывала сладкое темно-желтое мясо. Я знал веселость лоз, меняющих окраску весной много раз, – то темно-розовых, то оранжевых, то бледно-зеленых, будто обтянутых цветной лайкой. Лиственницы протягивали тонкие пальцы с зелеными ногтями, вездесущий жирный кепрей покрывал лесные пожарища. Все это было прекрасно, доверчиво, шумно и торопливо, но все это было летом, когда матовая зеленая трава мешалась с муравчатым блеском замшелых, блестящих на солнце скал, которые вдруг оказывались не серыми, не каричневыми, а зелеными.

Зимой все это исчезало, покрытое рыхлым, жестким снегом, что ветры наметали в ущелья и утрамбовывали, так, что для подъема в гору надо было вырубать в снегу ступеньки топором. Человек в лесу был виден за версту – так все было голо. И только одно дерево было всегда зелено, всегда живо – стланик, вечнозеленый кедрач. Это был предсказатель погоды. За два-три дня до первого снега, когда днем было еще по осеннему жарко и безоблачно, и о близкой зиме никому не хотелось думать, стланик вдруг растягивал по земле свои огромные, двухсаженные лапы, легко сгибал свой прямой черный ствол толщиной кулака в два и ложился плашмя на землю. Проходил день, другой, появлялось облачко, а к вечеру задувала метель и падал снег. А если поздней осенью собирались снеговые низкие тучи, дул холодный ветер, но стланик не ложился – можно было быть твердо уверенным, что снег невыпадет.

№ 3 А. П. Чехов «Степь» (фрагмент)

Между тем перед глазами ехавших расстелалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь где она начинается и где кончается... Солнце уже выглянуло сзади из-за города и тихо, без хлопот принялось за свою работу. Сначала, далеко впереди, где небо сходится с землею, около курганьчиков и ветряной мельницы, которая издали похожа на маленького человечка, размахивающего руками поползла по земле широкая ярко-желтая полоса; через минуту такая же полоса засветилась несколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; что-то теплое коснулось Егорушкиной спины, полоса света, подкравшись сзади, шмыгнула через бричку и лошадей, понеслась навстречу другим полосам, и вдруг вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полу-тень, улыбнулась и засверкала росой.

Сжатая рожь, бурьян, молочай, дикая конопля – все, побуревшее от зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росою и обласканное солнцем оживало, чтоб вновь зацвести. Над дорогой с веселым криком носились старички, в траве перекликались суслики, где-то далеко влево плакали чибисы. Стадо куропаток, испуганное бричкой, вспорхнуло и со своим мягким «тррр» полетело к холмам. Кузнечики, сверчки, скрипачи и медведки затенули в траве свою скрипучую, монотонную музыку.

Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава поникла, жизнь замерла. Загорелые холмы, буро-зеленые, вдали леловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких

гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски...

Как душно и уныло! Бричка бежит, а Егорушка видит все одно и тоже – небо, равнину, холмы... Музыка в траве, приутихла. Старички улетели, куропаток не видно. Над поблекшей травой, от нечего делать, носятся грачи; все они похожи друг на друга и делают степь еще более однообразной. Летит коршун над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями, и стрелою несется над степью, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно. А вдали машет крыльями мельница...

Для разнообразия мелькнет в бурьяне белый череп или булыжник; вырастет на мгновение серая каменная баба или высохшая витла с синей ракшей на верхней ветке, перебежит дорогу суслик, и – опять бегут мимо глаз бурьян, холмы, грачи...

№ 4 Д. Н. Мамин-Сибиряк «Волшебник» (фрагмент)

Как известно, детское любопытство неистощимо и находит в себе обильную пищу даже там, где, кажется, уж решительно ничего нельзя найти. Например, какой интерес может представлять собой пустырь, поросший бурьяном и крапивой? Даже не прихотливые городские казлы не считали нужным сюда заглядывать, а между тем мы школяры, не находили себе места лучше и, как воробьи, обыскали каждый уголок. Лучше этого пустыря для нас ничего не было, особенно осенью, когда выпадал первый снежок. Это был чудесный, единственный уголок...

Много прошло этому лет: но я сейчас не могу равнодушно вспомнить об этом милом пустыре, с которым связано столько дорогих детских воспоминаний. Представьте себе глухую улицу глухого, провенциального городка, усаженную одноэтажными деревянными домиками, с длинными заборами, из-за которых выглядывали рябины, черемухи и березы, с плохими деревянными тротуарами и с громадным пустырем в самой середине. От улицы пустырь отделялся тоже забором, но он давно уже покосился и имел такой вид, что вот вот упадет. Ворот не было, а мы проникали в этот пустырь со стороны болотистой реки, где тоже когда-то стоял забор, но постепенно был растащен соседями на дрова. Главную прелесть этого пустыря составляло небольшое озерко. От бывших здесь построек сохранились один фундамент, и старая деревянная баня. В уголке как-то жалко торчали две старые березы, точно позабытые всеми сироты. Озерко на нашем школьном языке называлось Средиземным морем, а баня – замком. Детское воображение превращало пустырь в громадную дикую страну, полную чудес и самых таинственых явлений. В «Средиземном море» жили русалки, а в бане-замке – привидения. Тех и других кто-то видел, и все боялись.

Я уже сказал, что самым лучшим временем для нашего пустыря была та крепкая осень, когда земля промерзала и начинал выпадать первый снежок. Все летние игры кончались и приходилось мирится с тем, что могла дать осень. Только дети умеют использовать всякую мелочь, как тряпки, палки, камушки и т. д. Все это оказывается нужным, и все идет в дело. А тут в наше распоряжение попал целый пустырь... Как теперь вижу, как ранним осенним утром, когда еще хорошенько не рассвело, мы, по пути в школу, как воробьи, забирались на наш пустырь с самыми коварными целями, именно чтобы поставить клетки-западни, раскинуть тайники (сетки для ловли птиц) и везде рассыпать притраву из коноплянного семени и разных крошек. Бедным маленьким птичкам, остававшимся на зиму, приходилось добывать свою пищу с большим трудом, и они попадались в наши ловушки. Серые чечетки с красными хохолками, желтогрудые кузнечики, розовые жуланы (снегири), пестренькие зяблики: все одинаково страдали от

нашего хищнечества и за корм платили неволей. В праздники мы по целым часам терпеливо высиживали где-нибудь в бурьяне, чтобы подкараулить момент, когда нужно дернуть веревочку тайника. Хитро устроенная сетка захлопывалась, и несчастная жертва нашей ребячей жестокости попадала в клетку.

№ 5 Т. С. Аксаков «Детские годы Багрова-внука» (фрагмент)

Нашу карету и повозку стали грузить на паром, а нам подали большую костную лодку, на которую мы все должны были перейти по двум доскам, положенным с берега на край лодки; перевозчики в пестрых Мордовских рубахах, бредя по колени в воде, повели под руки мою мать и няньку с сестрицей; вдруг один из перевозчиков, рослый и загорелый, схватил меня на руки и понес прямо по воде в лодку, а отец пошел рядом по досчечке, улыбаясь и ободряя меня, потому что я, по своей трусости, от которой еще не освободился, очень испугался такого неожиданного путешествия. Четверо гребцов сели в весла, перенесший меня человек взялся за кормовое весло, оттолкнулись от берега шестом, все пятеро перевозчиков перекрестились, кормчий громко сказал: «Призывай бога на помоч», и лодка полетела поперек реки, скользя по вертящейся быстрине, бегущей у самого берега, называющейся «стремя». Я был так поражон этим невиданным зрелищем, что совершенно онемел и не отвечал ни одного слова на вопросы отца и матери. Все смеялись, говоря, что от страха у меня язык отнялся, но это было не совсем справедливо: я был подавлен не столько страхом, сколько новостью предметов и величием картины, красоту которой я чувствовал, хотя объяснить, конечно, не умел. Когда мы стали подплывать к другому, отлогому берегу и по мелкому месту пошли на шестах к пристани, я уже совершенно опомнился, и мне стало так весело, как никогда не бывало. Белые, чистые пески с грядами разноцветной гальки, то есть камешков, широко расстилались перед нами. Один из гребцов соскочил в воду, подвел лодку за носовую веревку к пристани, и крепко привязал к причалу; другой гребец сделал тоже с кормою и мы все преспокойно вышли на пристань. Сколько новых предметов, сколько новых слов! Тут мой язык уже развязался, и я с большим любопытством стал расспрашивать обо всем наших перевозчиков. Я не могу забыть, как эти добрые люди ласково, просто и толково отвечали мне на мои бесчисленные вопросы, и как они были благодарны, когда отец дал им что-то за труды. С нами на лодке был ковер и подушки, мы розостлали их на сухом песке, подальше от воды, потому что мать боялась сырости, и она прилегла на них, меня же отец повел набирать галечки. Я не имел о них понятия и пришел в восхищение, когда отец отыскал мне несколько прекрасных, гладких, блестящих разными цветами камешков, из которых некоторые имели очень красивую, затейлевую фигуру. В самом деле, нигде нельзя отыскать такого разнообразия гальки, как на реке Белой; в этом я убедился впоследствии. Мы тут же нашли несколько окаменелостей, которые и после долго у нас хранились и которые можно назвать редкостью; это был большой кусок пчелиного сота и довольно большая лепешка или кучка рыбей икры, совершенно превратившаяся в камень. Переправа кареты, кибитки и девяти лошадей продолжалась довольно долго, и я успел набрать целую кучу чудесных, по моему мнению, камешков; но я очень огорчился, когда отец не позволил мне их взять с собою, а выбрал только десятка полтора, сказав, что все остальные дрянь; я доказывал противное, но меня не послушали, и я с большим сожалением оставил, набранную мною, кучку. Мы сели в карету и отправились в дальнейший путь.

№ 6 А. С. Пушкин «Евгений Онегин» (фрагмент)

Изображу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитаник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щипетильный
И по Балтическим волнам
За лес и сало возит нам
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, –
Все украшало кабинет,
Философа в осьмнадцать лет.

Янтарь на трубках Царе-града,
Фарфор, и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненном хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы кривые
И щетки тридцати родов
И для ногтей, и для зубов.
Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим
Смел чистить ногти перед ним,
Красноречивым сумосбродом.
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем неправ.

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.
Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветренной венере,
Когда надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

№ 7 И. С. Тургенев «Бежин луг» (фрагмент)

Ночь приближалась и росла как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Мне попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперед. Все кругом быстро чернело и утихало, – одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я вышел на опушку кустов и побрел по полю межой. Уже я с трудом различал отдаленые предметы; поле не ясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть – но то уже была синева ночи. Звездочки замелькали, зашевелились на нем.

Что я было принял за рощу оказалось темным и круглым бугром. «Да где же это я?», – повторил я опять вслух, остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою английскую желтопегую собаку Дианку, решительно умнейшую изо всех четвероногих тварей. Но умнейшая из четвероногих тварей только повиляла хвостиком, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мне никакого дельного совета. Мне стало совесно перед ней, и я отчаянно устремился вперед, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной лощине. Странное чувство тотчас овладело мной. Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими боками; на дне ее торчало стоймя несколько больших, белых камней, – казалось, они сползлись туда для тайного совещания, – и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то зверек слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я все еще не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошел себе прямо, по звездам – на удалую… Около получаса шел я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонек, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я все шел и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро одернул занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полу-кругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали ее теченье. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным, зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копашились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы…

№ 8 В. Г. Короленко «Дети подземелья» (фрагмент)

Деревяный мост, перекинутый через узкую речушку, кряхтит, вздрагивая под колесами, и шатается, точно дряхлый старик. За мостом потянулась еврейская улица с магазинами, лавками, лавчонками и с навесами калачниц. Вонь, грязь, кучи ребят, ползающих в уличной пыли. Но вот еще минута – и вы уже за городом. Тихо шепчутся

березы над могилами кладбища, да ветер волнует хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа.

Речка, через которую перекинут упомянутый мост, вытекала из пруда и впадала в другой. Таким образом, с севера и юга городок ограждался широкими водяными гладями и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие, густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. По средине одного из прудов находится остров. На острове: старый, полуразрушенный замок.

Я помню, с каким страхом я смотрел всегда на это величавое дряхлое здание. О нем ходили предания и рассказы один другого страшнее. Говорили, что остров насыпан искусственно, руками пленных турок. «На костях человеческих стоит старое замчище», – передавали сторожилы, и мое детское испуганное воображение рисовало под землей тысячи турецких скелетов, поддерживающих костлявыми руками остров с его высокими пирамидальными тополями и старым замком. От этого понятно, замок казался еще страшнее, и даже в ясные дни, когда, бывало, ободренные светом и громкими голосами птиц, мы подходили к нему поближе, он нередко наводил на нас припадки панического ужаса, – так страшно глядели черные впадины давно выбитых окон; в пустых залах ходил таинственный шорох: камешки и штукатурка, отрываясь падали вниз, будя гулкое эхо, и мы бежали без оглядки, а за нами долго еще стоял стук, и топот, и гоготанье.

А в бурные осенние ночи, когда гиганты-тополи качались и гудели от налетавшего из-за прудов ветра, ужас разливался от старого замка и царил над всем городом.

В западной стороне, на горе, среди истлевших крестов и провалившихся магил, стояла давно заброшенная часовня. У нее кое-где провалилась крыша, стены осыпались, и вместо гулкого с высоким тоном медного колокола совы заводили в ней по ночам свои зловещие песни.

Было время, когда старый замок служил даровым убежищем всякому бедняку без малейших ограничений. Все, что не находило себе места в городе, потерявшее по той или другой причине возможность платить хотя бы и жалкие гроши за кров и угол на ночь и в непогоду, – все это тянулось на остров и там, среди развалин, приклоняло свои победные головушки, платя за гостеприимство лишь риском быть погребеными под грудами старого мусора. «Живет в замке» – эта фраза стала выражением крайней степени нищеты. Старый замок радушно принимал и покрывал и временно обнищавшего писца, и сиротливых старушек, и безродных бродяг. Все эти бедняки терзали внутренности дряхлого здания, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили и чем-то питались – вобще как-то поддерживали свое существование.

№ 9 В. Г. Короленко «Ночью» (фрагмент)

Было около полуночи. В комнате слышалось глубокое дыхание спящих детей.

В углу комнаты, на полу, стоял медный таз. На дне его было немного воды и стояла сальная свеча в подсвешнике. Свеча сильно нагорела, фитиль покрылся темною шапкой и тихо потрескивал. Кроме того, на стене стучал маятник, а на полу, в освещенном кружке около таза, разместились несколько тараканов. Сдавшись на задние лапки и подняв голову кверху, они смотрели на огонь и шевелили усами.

На дворе бушевала непогода.

Дождь стучал по крыше, трепал листья в саду, плескался на дворе в лужах. По временам он стихал и уносился вдаль, в темную глубину ночи, но после этого прилетал к дому с новой силой, бушевал еще больше, сильнее обливал крышу, хлестал по ставням и порой казалось даже, что он струиться и плещет уже в самой комнате... Тогда в ней

водворялось какое-то беспокойство: маятник как-будто смолкал, свеча готовилась погаснуть, с потолка сползали тени, тараканы тревожно водили усами и, видимо, собирались бежать.

Но бурные порывы непогоды продолжались недолго. Казалось, дождь решил про себя никогда уже не прекращатся, и когда ветер оставлял его в покое, он принимался гудеть широко и ровно, и на дворе, и в саду, и в переулке, и в пустыре по полям... Гул этот, просачиваясь сквозь запертые ставни, стоял в комнате-то ровным жужжанием, то тихими всплесками.

Тогда маятник принимался опять отчиканивать свои удары с резким упрямством, свеча тихо кряхтела, тараканы успокаивались, хотя по-видимому, упрямство дождя наводило на них грустное раздумье.

Все это слышал и глядел на все это из-под своего одеяла один из двух братьев погодков, которые спали в освещенной комнате. Старшего звали Васей, младшего – Марком. В семействе был обычай давать шутливые прозвища. У Васи было очень большая голова, которою он в раннем детстве постоянно стукался об пол, поэтому его прозвали Голованом. Марк был некрасив, и смотрел несколько изподлобья, отчего получил название Мордика.

Мордик сладко спал, а Голован уже с полминуты прислушивался к шуму дождя.

Он был большой фантазер и часто думал о том, что происходит на свете, когда все спят: и он, и Марк, и девочки, и старая нянька, – и, значит, некому смотреть... Неужели комната остается все такая же, и маятник продолжает стучать хотя его никто не слушает, и свеча продолжает светить, хотя светить некому, и тараканы только бессмыслено сидят на полу, уставившись на огонь?.. Не раз уже просыпаясь с этою мыслью, он осторожно выглядывал из-под одеяла... На этот раз он сам не заметил, когда проснулся, и ему показалось, что наконец то он застигнет комнату врасплох. Вот уже с полминуты он смотрит на нее, не шевелясь, полуприщуренным глазом, а в ней все продолжается какая-то особенная, таинственная жизнь, которая прячется обыкновенно, когда на нее смотрят.

Все в ней живо, удивительно, необычно и страшно... Дождь мечется и злится снаружи, отбиваясь от ветра, маятник спорит с шумом дождя, свеча уныло кряхтит, тараканы хранят разумный вид, как-будто сейчас только разговаривали между собой и решили единогласно, что положение свечи действительно жалкое, а дождь буянит совершенно напрасно. Кроме того, Вася сознавал, что все они вместе – вся комната со всеми предметами – смотрят недоброжелательно на детей, которые спят, ничего не подозревая в своих постелях.

№ 10 Н. А. Добролюбов «Луч света в темном царстве» (фрагмент)

Во все времена и во всех сферах человеческой деятельности появлялись люди, настолько здоровые и одаренные натурою, что естественные стремления говорили в них чрезвычайно сильно, незаглушаемо. В практической деятельности они часто делались мученниками своих стремлений, но никогда не проходили бесследно, никогда не оставались одинокими, в общественной деятельности они приобретали партию, в чистой науке делали открытия, в искусствах, в литературе образовали школу. Не говорим о деятелях общественых, которых роль в истории всякому должна быть понятна после того, что мы сказали на предыдущей странице. Но заметим, что и в деле науки и литературы за великими личностями всегда сохранялся тот характер, который мы обозначили выше, – сила естественных, живых стремлений. С искажением этих стремлений в массе

совпадает водворение многих нелепых понятий о мире, и человеке; эти понятия, в свою очередь, мешали общему благу.

Чтобы не заходить далеко, вспомним, сколько зла причинили человечеству нелепости фетешизма и всякого рода космоганические бредни, а потом астрологические и кабалестические мистерии на разные лады. Люди чистой науки, делавшие астрономические и физические открытия, или установлявшие новые философские начала, умели слушать голос естественных, здравых требований ума и помогали человечеству избавлятся от тех или других искуственных комбинаций, вредивших устройству общего благоденствия. С каждым из этих людей человечество делало новый шаг в развитии правильных, естественных понятий, и по важности этих шагов можем мы определять личное достоинство каждого деятеля. Тоже самое прилагается и к людям прикладных знаний, техникам, механикам, агрономам, врачам и пр. Тоже видим и в области искусств, и в литературе.

Литератору до сих пор предоставленна была небольшая роль в этом движении человечества к естественным началам, от которых оно отклонилось. По существу своему литература не имеет деятельного значения, она только или предполагает то, что нужно сделать, или изображает то, что уже делается и сделано. В первом случае, то есть в предположениях будущей деятельности, она берет свои материалы и основания из чистой науки; во втором – из самых фактов жизни. Таким образом вообще говоря, литература представляет собою силу служебную, которой значение состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует. В литературе, в прочем, являлось до сих пор несколько деятелей, которые в своей пропаганде стоят так высоко, что их не превзойдут ни практические деятели для блага человечества, ни люди чистой науки. Эти писатели были одарены так богато природою, что умели как бы по инстинкту приблизиться к естественным понятиям и стремлениям, которых еще только искали современные им философы с помощью строгой науки. Мало того: то, что философы только предугадывали в теории гениальные писатели умели это схватывать в жизни и изображать в действии. Таким образом, служа полнейшими представителями высшей степени человеческого сознания в известную эпоху и с этой высоты обозревая жизнь людей и природы и, рисуя ее перед нами, они возвышались над служебною ролью литературы и становились в ряд исторических деятелей, способствовавших человечеству в яснейшем сознании его живых сил и естественных наклонностей.

№ 11 С. Н. Шубинский «Холмогорская старина» (фрагмент)

Северная Двина за 112 верст до впадения в Белое море образует своими рукавами несколько островов. На одном из них находится уезный город Архангельской губернии Холмогоры. С восточной стороны он прилегает к рукаву Двины, называемому Курополкою, а с остальных трех сторон окружен обширными и раскошными лугами, омываемыми речкою Оногрою. По этим лугам идет в Холмогоры почтовая дорога. Ровно и гладко стелется она – не в пример всем другим Архангельским дорогам. Взоры путешественника, утомленные однообразными, унылыми видами дикой архангельской природы, с пустынными полями, кочками и болотами, лесами с чахлыми, малорослыми деревьями отдыхают на веселых, раскинувшихся вдаль лугах, замыкаемых волнистою линиею холмов и пригорков с разбросанными на них деревнями.

Но насколько живописны окрестности Холмогор, настолько же некрасив и беден самый город. Посредине его тянется грязная кривая улица, прерываемая пустырями заросшими травой. Сотни полторы домов, искривленных и почерневших от ветхости, виднеются в разных направлениях на двух-верстном пространстве. Единственный в

городе каменный казенный дом представляется роскошными палатами среди своих убогих деревянных соседей... И еще грязнее и унылее кажется город, когда взглянешь на его роскошную реку, на зеленые острова, с деревнями на холмах и полями по косогорам.

А между тем этот городок принадлежит к числу древнейших на Руси и играл некогда довольно важную роль в истории северо-востока нашего отечества. Пронеслись над ним чуть не сказочные времена влодычества белоглазой чуди, видал он и буйную вольницу новгородскую, был центром адменистрации и торговли на дальнем Севере во времена московских царей; здесь жили правители Двинской области и архиереи холмогорской и важской йепархии. Одним словом вся древняя история северного края России выразилась в истории Холмогор точно так же, как новая история этого края тесно связанна с Архангельском.

Из памятников старины, свидетельствующих о былом значении Холмогор до наших дней сохранилось только два: собор во имя Преображения Господня и женский Успенский монастырь, переделанный из прежнего архиерейского дома, где почти сорок лет томилось в тесном заключении Брауншвейское семейство.

№ 12 В. А. Гиляровский «Москва и москвичи» (фрагмент)

Грохот трамваев. Вся расцвеченая, площадь то движется вперед, то вдруг останавливается, и тысячи людских голов поднимают к верху глаза: над Москвой мчатся стаи самолетов – то гусиным треугольником, то меняя построение, как стеклышки в калейдоскопе.

Рядом со мной, у входа в Малый театр, сидит единственный в Москве бронзовый домовладелец, в том же самом заячьем халатике в котором он писал «Волки и овцы». На стене у входа я читаю афишу этой пьесы, и переношусь в далекое прошлое.

К подъезду Малого театра, утопая железными шинами в несгребенном снегу и ныряя по ухабам, подползла облезлая допатопная театральная карета. На козлах качался кучер в линючем армяке и вихрастой, с вылезшей клочьями паклей шапке, с подвязанной щекой. Он чмокал, цыкал, дергал веревочными вожжами пару разномастных, никогда нечищенных «кабысдохов», из тех, о которых популярный в то время певец Паша Богатырев пел в концертах слезный романс:

Были когда-то и вы рысаками
И кучеров вы имели лихих...

В восьмидесятых годах девственную непрекосновенность Театральной площади пришлось ненадолго нарушить: и вот по какой причине.

Светловодная речка Неглинка, заключенная в трубу, из-за плохой канализации стала клоакой нечистот, которые стекали в Москву реку и заражали воду.

С годами труба засорилась, ее никогда не чистили, и после каждого большого ливня вода заливала улицы, площади, нижние этажи домов, по Неглинному проезду.

Потом вода уходила, оставляя на улице зловонный илл и наполняя подвальные этажи нечистотами.

Так шли годы, пока не догадались выяснить причину. Оказалось, что повороты (а их было два: один – под углом малого театра, а другой – на площади, под фонтаном с фигурами скульптора Витали) были забиты одбросами города.

Подземные болота, окружавшие площадь, как и в древние времена, тоже не имели выхода.

Начали перестраивать Неглинку, открыли ее своды. Пришлось на площади забить несколько свай.

№ 13 В. А. Гиляровский «Москва и москвичи» (фрагмент)

Сухаревка – дочь войны. Смоленский рынок – сын чумы.

Он старше Сухаревки на 35 лет. Он родился в 1777 году. После московской чумы последовал приказ властей продавать подержаные вещи исключительно на Смоленском рынке и то только по воскресеньям воизбежание разнесения заразы.

После войны 1812 года как только стали возвращаться в Москву москвичи и начали разискивать свое разграбленное имущество, генерал-губернатор Растопчин издал приказ, в котором объявил, что «все вещи, откуда бы они взяты ни были, являются неотъемлимой собственностью того, кто в данный момент ими владеет, и что всякий владелец может их продавать, но только один раз в неделю, в воскресенье, в одном только месте, а именно на площади против Сухаревской башни». И в первое же воскресенье, горы награбленого имущества запрудили огромную площадь, и хлынула Москва на невиданный рынок.

Это было торжественное открытие вековой Сухаревки.

Сухарева башня названа Петром I в честь Сухарева, стрелецкого полковника, который единственный со своим полком остался верен Петру вовремя стрелецкого бунта.

Высоко стояла вековая Сухарева башня с ее огромными часами. Издалека было видно. В верхних ее этажах помещались огромные цестерны водопровода, снабжавшего водой Москву.

Много легенд ходило о Сухаревой башне: и «колдун Брюс» делал там золото из свинца, и черная книга, написанная дьяволом, хранилась в ее тайниках. Сотни разных легенд – одна нелепее другой.

По воскресеньям около башни кипел торг, на который, как на праздник, шла вся Москва и подмосковный крестьянин, и заежжий провинциал.

Против роскошного дворца Шереметевской больницы вырастали сотни палаток, раскинутых за ночь на один только день. От рассвета, до потемок колыхалось на площади море голов, оставляя узкие дорожки для проезда по обеим сторонам широченной в этом месте Садовой улицы. Толклось множество народа, и у всякого была своя цель.

Сюда в старину москвичи ходили разыскивать украденные у них вещи, и не безуспешно, потому что исстари Сухаревка была местом сбыта краденного. Вор-одиночка тащил сюда под полой «стыреные» вещи, скупщики возили их возами. Вещи продавались на Сухаревке дешево, «по случаю». Сухаревка жила «случаем», нередко несчастным. Сухаревский торговец покупал там, где несчастье в доме, когда все ни по чем; или он «укупит» у незнающего цену нуждающегося человека или из-под полы «товарца» приобретет, а этот «товарец» иногда дымом поджега пахнет, иногда и кровью облит, а уж слезами горькими – всегда. За бесценок купит и дешево продает...

Лозунг Сухаревки: «На грошь пятаков!»

№ 14 А. И. Куприн «Гранатовый браслет» (фрагмент)

В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойствены северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал, над землею и морем, густой туман, и тогда огромная серена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки, в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи. То задувал с северо-запада, со стороны степи свирепый ураган; от него верхушки деревьев

раскачивались, прегибаясь и выпрямляясь, точно волны в бурю, гремели по ночам железные кровли дач, казалось, будто кто-то бегает по ним в подкованных сапогах, вздрагивали оконные рамы, хлопали двери, и дико завывало в печных трубах. Несколько рыбачих баркасов заблудилось в море, а два и совсем не вернулись: только спустя неделю повыбрасывало трупы рыбаков в разных местах берега.

Обитатели пригородного морского курорта – большей частью греки и евреи, жизнелюбивые и мнительные, как все южане, – поспешно перебирались в город. По размякшему шоссе без конца тянулись ломовые дроги, перегруженые всяческими домашними вещами тюфяками, диванами, сундуками, стульями, умывальниками, самоварами. Жалко, и грустно, и противно было глядеть сквозь мутную кисию дождя на этот жалкий скарб, казавшийся таким изношенным, грязным и нищенским; на горничных и кухарок, сидевших на верху воза на мокром брезенте с какими-то утюгами, жестянками и корзинками в руках, на запотевших, обессиливших лошадей, которые то и дело останавливались, дрожжа коленями, дымясь и часто нося боками, на сипло ругавшихся дрогалей, закутаных от дождя в рогожи. Еще печальнее было видеть оставленные дачи с их внезапным простором, пустотой и оголенностью, с изуродованными клумбами, разбитыми стеклами, брошеными собаками и всяческим дачным сором из окурков, бумажек, черепков, коробочек, и аптекарских пузырьков.

Но к началу сентября погода вдруг резко и совсем нежданно переменилась. Сразу наступили тихие безоблачные дни такие ясные, солнечные и теплые, каких не было даже в июле. На обсохших сжатых полях, на их колючей желтой щетине заблестела слюдяным блеском осенняя паутина. Успокоевшиеся деревья бесшумно и покорно роняли желтые листья.

Княгиня Вера Николаевна Шеина, жена предводителя дворянства не могла покинуть дачи, потому что в их городском доме еще не покончили с ремонтом. И теперь она очень радовалась наступившим прелестным дням, тишине, уединенею, чистому воздуху, щебетанью на телеграфных проволоках ласточек, стаившихся к отлету, и ласковому соленому ветерку, слабо тянувшему с моря.

№ 15 И. А. Бунин «Суходол» (фрагмент)

Пахло жасмином в старой гостинной с покосившимися полами. Сгнивший, серо-голубой от времени балкон, с которого за отсутствием ступенек, надо было спрыгивать, тонул в крапиве, бузине, берисклете. В жаркие дни, когда его пекло солнце, когда были отворены осевшие стеклянные двери и веселый отблеск стекла передавался в тусклое овальное зеркало, висевшее на стене против двери, все вспоминалось нам фортепиано тети Тони, когда-то стоявшее под этим зеркалом. Когда-то, играла она на нем, глядя на пожелтевшие ноты с заглавиями в завитушках, а он стоял сзади, крепко подпирая талию левой рукой, крепко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесные бабочки – и в ситцевых пестреньких платьицах и в японских нарядах, и в черно-леловых бархатных шалях – залетали в гостинную. И перед отъездом он с сердцем хлопнул однажды ладонью по одной из них, трепетно замиравшей на крышке фортепиано. Осталась только серебристая пыль. Но, когда девки, по глупости, через несколько дней стерли ее с тетей Тоней сделалась истерика. Мы выходили из гостинной на балкон, садились на теплые доски – и думали, думали. Ветер, пробегая по саду, доносил до нас шелковистый шелест берез с атласно-белыми, испещреными чернью стволами и широко раскинутыми зелеными ветвями, ветер, шумя и шелестя, бежал с полей – и зелено-золотая иволга вскрикивала резко и радостно, колом проносясь над белыми цветами за болтливыми галками, обитавшими с многочисленным родством в развалившихся трубах и в темных

чердаках, где пахнет старыми кирпичами и через слуховые окна полосами падает на бугры серо-фиолетовой золы золотой свет; ветер замирал, сонно ползали пчелы по цветам у балкона, совершая свою не спешную работу, – и в тишине слышился только ровный, струящийся, как непрерывный мелкий дождик, лепет серебристой листвы тополей... Мы бродили по саду, забирались в глушь окраин. Там на этих окраинах, слившихся с хлебами, в пра-дедовской бане с провалившимся потолком, в той самой бане, где Наталья хранила, украденное у Петра Петровича, зеркальце, жили белые трусы. Как они мягко выпрыгивали на порог, как странно, шевеля усами и раздвоенными губами, косили они далеко раставленные, выпученные глаза на высокие татарки, кусты белены и заросли крапивы, глушившей терн и вишенник! А в полураскрытой риге жил филин. Он сидел на перемете, выбрав место по-сумрачнее, торчком подняв уши, выкатив желтые слепые зрачки – и вид у него был дикий, чертовский. Опускалось солнце далеко за садом, в море хлебов, наступал вечер, мирный и ясный, куковала кукушка в Трошином лесу, жалобно звенели где-то над лугами жалейки старика-пастуха Степы... Филин сидел, и ждал ночи. Ночью все спало – и поля, и деревня, и усадьба. А филин только и делал, что ухал и плакал. Он неслышно носился вкруг риги, по саду, прилетал к избе тети Тони, легко опускался на крышу – и болезнено вскрикивал...

№ 16 В. Г. Распутин «Пожар» (фрагмент)

И прежде чувствовал Иван Петрович, что силы его на исходе, но никогда еще так: край, да и только. Он поставил машину в гараж, вышел через пустую проходную в улицу и впервые дорога от гаража до дома, которую он двадцать лет не замечал, как не замечаешь в здоровье собственного дыхания, впервые пустячная эта дорога представилась ему по всей своей датошной вытянутости, где каждый метр требовал шага, и для каждого шага требовалось усилие. Нет, не несли больше ноги, даже и домой не несли.

И предстоящая неделя, последняя рабочая неделя, показалась теперь безконечной – дольше жизни. Нельзя было вообразить, как в каких потугах можно миновать ее, эту неделю, и уж совсем ни поддавалось ни взгляду, ни мысли то существование, которое могло начаться в след за нею. Там было что-то чужое, запретное – заслуженое, но и ненужное, и уж не дальше и не видимей самой смерти представлялось оно в эти горькие минуты.

И с чего так устал? Не надрывался сегодня, обошлось даже и без нервотрепки, без крика. Просто край открылся, край – дальше некуда. Еще вчера что-то оставалось на перед, сегодня кончилось. Как завтра подыматься, как заводить опять и выезжать – неизвестно. Но оно и в завтрашний день верилось с трудом, и какое-то недоброе удовольствие чувствовалось в том, что неверилось, пусть бы долго-долго, без меры и порядка ночь, чтоб одним отдохнуть, другим опамятоваться, третьим протрезветь... А там – новый свет и выздоровление. Вот-бы хорошо.

Вечер был мякотный, тихий... Как растеплило днем, так и не поджало и вроде не собиралось поджимать. Мокрый снег и по твердой дороге продавлевался под ногами, оставляя глубокие следы; продолжали булькать скатываясь под уклон, ручейки. В загустевших чистой синью бархотных сумерках все кругом в это весеннее половодье казалось затопленным, плавающим беспорядочно в мокрени, и только Ангара, где снег был белее, и чище, походила издали на твердый берег.

Иван Петрович добрался, наконец, до дому, не помня, останавливался, заговаривал с кем по дороге или нет, без обычной боли, – когда толи обрывалась, толи восставала душа, – прошел мимо разоренного полисадника перед избой и прикрыл за

собой калитку. С заднего двора, от стайки, слышался голос Алены, ласково внушающий что-то месячной телочьке. Иван Петрович скинул в сенцах грязные сапоги, заставил себя умыться и не выдержал, упал на лежанку в прихожей возле большого, теплого бока русской печи. «Вот тут теперь и место мое» – подумал он, прислушиваясь, не идет ли Алена, и, страдая оттого, что придется подниматься на ужин. Алена не отстанет, пока не накормит. А так нехотелось подниматься! Ничего нехотелось. Как в могиле.

№ 17 Андрей Платонов «Котлован» (фрагмент)

Инженер Прушевский уже с двадцатипяти лет почувствовал стеснение своего сознания и конец дальнейшему понятию жизни, будто темная стена предстала в упор перед его ощущающем умом. И с тех пор он мучился, шевелясь у своей стены, и успокаивался, что, в сущности, самое срединное, истиное устройство вещества, из которого скомбнирован мир и люди, им постигнуто, – вся насущная наука расположена еще до стены его сознания, а за стеною находится лишь скучное место, куда можно и не стремится. Но все же интересно было; не вылез ли кто-нибудь за стену вперед. Прушевский еще раз подошел к стене барака, согнувшись, поглядел по ту сторону на ближнего спящего, чтобы заметить на нем что-нибудь, неизвестное в жизни; но там мало было видно, потому что в ночной лампе иссекал керосин, и слышалось одно медленное, западающее дыхание. Прушевский оставил барак и отправился бриться в парекмахерскую ночных смен; он любил, что бы во время тоски его касались чьи-нибудь руки.

После полуночи Прушевский пришел на свою квартиру – флигель во фруктовом саду, открыл окно в темноту и сел посидеть. Слабый месный ветер начинал иногда шевелить листья, но вскоре опять наступала тишина. Позади сада кто-то шел, и пел свою песню; то был, наверно, счетовод с вечерних занятий или просто человек, которому скучно спать. Вдалеке, на вису и без спасения, светила неясная звезда, и ближе она никогда не станет. Прушевский глядел на нее сквозь мутный воздух, время шло и он сомневался:

– Либо мне погибнуть?

Прушевский не видел, кому бы он на столько требовался, чтоб непременно поддерживать себя до еще далекой смерти. Вместо надежды ему осталось лишь терпение, и где-то за чередою ночей, за опавшими, расцветшими и вновь погибшими садами, за встречеными и минувшими людьми существует его срок, когда придется лечь на койку, повернуться лицом к стене и скончаться не сумев заплакать. На свете будет жить только его сестра, но она родит ребенка, и жалость к нему станет сильнее грусти по-мертвому, разрушенному брату.

– Лучше я умру, – подумал Прушевский, – Мною пользуются, но мне никто не рад. Завтра я напишу последнее письмо сестре, надо купить марку с утра.

И решив скончаться, он лег в кровать и заснул со счастьем равнодушия к жизни. Не успев еще почувствовать всего счастья, он от него проснулся в три часа по полуночи и, освятив квартиру, сидел среди света и тишины, окруженный близкими яблонями, до самого рассвета, и тогда, открыл окно, чтобы слышать птиц и шаги пешеходов.

№ 18 Ч. Т. Айтматов «Плаха» (фрагмент)

В след за коротким, легким, как детское дыхание, дневным потеплением на обращеных к солнцу горных склонах погода вскоре неуловимо изменилась – заветрило

с ледников, и уже закрадывались по ущельям всюду проникающие резкие ранние сумерки, несущие за собой холодную сизость предстоящей, снежной ночи.

Снега было много вокруг. На всем протяжении Прииссыкульского кряжа горы были завалены метельным свеем, прокатившемся по этим местам пару дней тому назад, как, полыхнувший вдруг по прихоти своевольной стихии, пожар.

Жутко, что тут разыгралось – в метельной крамешности исчезли горы, исчезло небо, исчез весь прежний видемый мир. Потом все стихло, и погода прояснилась. С тех пор, с умиротворением снежного шторма, скованые великими заносами горы, стояли в цепенеющей и отстранившейся ото всего на свете стылой тишине.

И только все настойчевей возрастающий и все прибывающий гул крупнотонажного вертолета, пробирающегося в тот предвечерний час по коньону Узун-Чат к ледяному перевалу Ала-Монгю, задымленному в ветреной выси крученными облаками, все нарастал, все приближался, усиливаясь с каждой минутой, и, наконец, восторжествовал – полностью завладел пространством и поплыл всеподовляющим, гремучим рокотом над недоступными ни для чего кроме звука и света хребтами, вершинами, высотными льдами. Умножаемый среди скал и распадков многократным эхом, грохот над головой надвигался с такой неотвратимой и грозной силой, что казалось еще немного – и случится нечто страшное, как тогда, – при землетрясение...

В какой-то критический момент так и получилось – с крутого, обнаженного ветрами каменистого откоса, что оказался по курсу полета, тронулась, дрогнув от звукового удара, небольшая осыпь и тут-же преостановилась, как заговоренная кровь. Этого толчка неустойчивому грунту, однако было достаточно, чтобы несколько увесестых камней, сорвавшись с крутизны, покатились вниз, все больше разбегаясь, раскручиваясь, вздымая следом пыль и щебень, а у самого подножия проломились, подобно пушечным ядрам, сквозь кусты краснотала и барбариса, пробили сугробы, достигли накатом волчьего логова, устроенного здесь серыми под свесом скалы, в скрытой за зарослями рассчелине близ небольшого, наполовину замерзшего теплого ручья.

Волчица Акбара отпрянула от скатившихся сверху камней и посыпавшегося снега, и, пятясь в темень рассчелины, сжалась, как пружина, вздыбив загривок, и глядя перед собой дико горящими в полутьме, фосфорисцирующими глазами, готовая в любой момент к схватке. Но опасения ее были напрасны. Это в открытой степи страшно, когда от преследующего вертолета некуда деться, когда он, настигая, неотступно гонится по пятам, оглушая свистом винтов и поражая автоматными очередями, когда в целом свете нет от вертолета спасения, когда нет такой щели, где можно было бы схоронить бедовую волчью голову, – ведь не расступится же земля, чтобы дать укрытие гонимым.

В горах иное дело – здесь всегда можно ускакать, всегда найдется где затаится, где переждать угрозу. Вертолет здесь нестрашен, в горах вертолету самому страшно. И однако страх безрассуден, тем более уже знакомый, пережитый. С преближением вертолета волчица громко заскулила, собралась в комок, втянула голову, и все таки нервы не выдержали, сорвалась таки – и яростно взвыла Акбара, охваченая бессильной слепой боязнью и судорожно поползла на брюхе к выходу, лязгая зубами злобно и отчаяно, готовая сразиться, несходя с места, точно надеялась обратить в бегство грохочущее над ущельем железное чудовище, с появлением которого даже камни стали валиться с верху, как при землетрясении.

№ 19 В. П. Астафьев «Царь-рыба» (фрагмент)

По своей воле и охоте редко уж мне приходится ездить на родину. Все чаще зовут туда на похороны и поминки – много родни, много друзей, и знакомцев – это хорошо:

много любви за жизнь получишь и отдашь, да хорошо, пока не подойдет пора близким тебе людям падать, как падают в старом бору перестоялые сосны, с тяжолым хрустом и долгим выдохом...

Однако, доводилось мне бывать на Енисее и без зова кратких скорбных телеграм, выслушивать не одни причетания. Случались счастливые часы и ночи у костра на берегу реки, подрагивающей огнями бакенов, до дна пробитой золотыми каплями звезд; слушать не только плеск волн, шум ветра, гул тайги, но и не торопливые рассказы людей у костра на природе, по-особенному открытых, рассказы, откровения, воспоминания до темнозори, а то и до утра, занимающегося спокойным светом, за дальними перевалами, пока из ничего не возникнут, не наползут липкие туманы, и слова сделаются вязкими, тяжелыми, язык неповоротлив, и огонек притухнет, и все в природе обретет ту долгожданную миротворность, когда слышно лишь младеньчески-чистую душу ее. В такие минуты, остаешься как бы один на один с природою и с чуть боязной тайной радостью ощутишь: можно и нужно, наконец-то, доверится всему, что есть вокруг, и незаметно для себя отмякнешь, словно лист или травинка под росою, уснешь легко, крепко и, засыпая до первого луча, до пробного птичьего перебора у летней воды, с вечера хранящей парное тепло, улыбнешься давно забытому чувству – так вот вольно было тебе, когда ты никакими еще воспоминаниями не нагрузил память, да и сам себя едвали помнил, только чувствовал кожей мир вокруг, привыкал глазами к нему, прикреплялся к древу жизни, коротеньким стерженьком того самого листа, каким ощутил себя сейчас вот, в редкую минуту душевного покоя...

Но так уж устроен человек: пока он жив – растревожено работают его сердце, голова, вобравшая в себя не только груз собственных воспоминаний, но и память о тех, кто встречался на росстанях жизни и навсегда канул в бурлящий людской водоворот либо прикипел к душе так, что уж не оторвать, не отделить ни боль его, ни радость от своей боли, от своей радости.

№ 20 В. М. Песков «Слетки» (фрагмент)

В Тригорском парке около самой «скамьи Онегина» я увидел двух странных ворон, сидят в неестественных позах и, как будто, совсем не страшатся людей. Подошол ближе – молодые вороны видимо только что из гнезда. Подпустили к себе в плотную. Протянул руку – не шевелются. Тронул одну за клюв, чуть повернул голову – застыла в навязанной позе, как будто ее слепили из пластилина. У второй осторожно раскрыл клюв, переставил на сучок одну лапку, намеренно сделав позу до крайности неудобной, – застыла как под гиепнозом. И ни единого звука протеста. С ума сходили родители: неистово долбили клювами ветки (это выглядело как стучание кулаком по столу у людей) и так орали, что всполошили всю воронью слободку в Тригорском. А молодые сидели спокойно в забавных неестественных позах. И так продолжалось до той минуты, когда я пятясь, удалился на почтенное расстоянье. Сердитые крики старых ворон прекратились, и сразу же два несмышленныша «разморозились»: потянулись, зевнули, разинув клювы, показали родителям, что непрочь закусить. В бинокль было видно: в ход пошли червяки и поделенный между едаками птенчик какой-то маленькой птицы.

После еды молодые вороны чуть задремали. Потом стали ерзать и двигаться по сучку. Но стоило мне подойти, все повторилось: птенцы немедленно затаились, оцепенели. Крик родителей, угрожавших обидчику, для них был сигналом: «Замрите, не шевелитесь!»

Такая картина в июне наблюдается повсеместно. У многих птиц молодежь покинула гнезда. О мире, окружающем слетков, представленья еще никакого. И

единственное средство себя защитить у всех одинаково: замереть, затаиться, не шевелиться. Пенечком, корявым сучком, подняв клювики кверху, сидят дрозды; неслышно, как неживые, в чаще прячутся сорочата. И все, все, кто покинул гнезда, ведут себя в эти дни тише воды, ниже травы.

Благое дело, увидев слетка, не думать, что он обижен судьбою, одинок и забыт и не пытаться его спасать. Странная неподвижность – провереный способ остаться никем не замеченным, кроме родителей. А родители находят его по крику: «Я тут, я голоден! Непременно находят, кормят и согревают, самоотвержено, притворясь ранеными, отводят от слетков врагов. А через неделю, глядишь, подросток уже ума-разума накопил, уже понимает, что к чему в этом мире, да и крылья уже готовы – раз и вспорхнул!

Случай особый – это птенец серой цапли. Он не вылетел из гнезда, а упал. Такое бывает. Неосторожность, излишнее любопытство, сильный порывистый ветер – и вот птенец уже не в гнезде высоко в соснах, а на холодной мокрой земле. Голоден, перья только-только начали расти, да к тому же ушибся. Он был обречен. У цапель «что с воза упало, то пропало» – о птенцах, оказавшихся на земле, ни малейшего беспокойства, упавший считается «браком». Обыкновенно это добыча лисицы, ворон, муравьев. Но в этот раз птенца заметил доброй души человек. Обогрел, накормил мороженным хеком. Не очень вкусно, но голод не тетка. И вот оперяется цапля, растет, поставлена на довольствие местными рыболовами. Любит греться на солнце. Знает в лицо свою покровительницу. Для всех остальных наготове длинный как острога, клюв.

Много хлопот с долговязым и неуклюжим приемышем. Но милосердие вознаграждается. Скоро серая цапля сможет уже и сама рыбачить на мелководьях у речки Сороть.

№ 21 Ф. И. Тютчев «Весна» (фрагмент)

Как не гнетет рука судьбины,
Как не томит людей обман,
Как не броздят чело морщины
И сердце как не полно ран,
Каким бы строгим испытаньям
Вы не были подчинены,
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна… Она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Безсмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею –
О том не ведает она;
По небу много облак бродит,

Но эти облака ея,
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет,
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет, –
И страх кончины не избежной
Не свеит с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем розлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман,
И ринься, бодрый, самовласный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь –
И жизни Божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

№ 22 Максим Горький «Детство» (фрагмент)

Началась и потекла со страшной быстротой густая, пестрая невыразимо странная жизнь. Она вспоминается мне, как суровая сказка хорошо рассказанная добрым, но мучительно правдивым гением. Теперь, оживляя прошлое, я сам порою струдом верю, что все было именно так, как было, и многое хочется оспорить, отвергнуть, – слишком обильна жестокостью темная жизнь «неумного племени».

Но правда выше жалости и ведь не про себя я рассказываю, а про тот тесный, душный круг жутких впечатлений, в котором жил – да и по сей день живет – простой русский человек.

Дом деда был наполнен горячим туманом взаимной вражды всех со всеми; она отравляла взрослых, и даже дети принемали в ней живое участие. Впоследствие из рассказов бабушки я узнал, что мать приехала как раз в те дни, когда ее братья настойчиво требовали у отца раздела имущества. Неожиданное возвращение матери еще более обострило и усилило их желание выделиться. Они боялись, что моя мать потребует приданного назначенного ей, но удержанного дедом, потому что она вышла замуж «самокруткой», против его воли. Дядья считали, что это преданое должно быть поделено между ними. Они тоже давно и жестоко спорили друг-с-другом о том: кому открыть мастерскую в городе, кому за Окой, в слободе Кунавине.

Уже вскоре после приезда, в кухне, во время обеда, вспыхнула ссора: дядья внезапно вскочили на ноги и, перегибаясь через стол, стали выть и рычать на дедушку, жалобно скаля зубы и встряхиваясь, как собаки, а дед, стуча ложкой по столу, покраснел весь и звонко – петухом – закричал:

– Помиру пущу!

Болезненно искривив лицо, бабушка говорила:

– Отдай им все, отец, – спокойней тебе будет, отдай!

– Цыц, потачица! – кричал дед, сверкая глазами, и было странно, что маленький такой он может кричать столь оглушительно.

Мать встала из-за стола и, неторопясь, отойдя к окну, повернулась ко всем спиною.

Вдруг дядя Михаил ударил брата на отмаш по лицу; тот взвыл, сцепился с ним, и оба покатились по полу, хрипя, охая, ругаясь.

Заплакали дети; отчаянно закричала беременная тетка Наталья; моя мать потащила ее куда-то, взяв в охапку; весёлая рябая нянька Евгенья выгоняла из кухни детей; падали стулья; молодой широкоплечий подмастерье Цыганок сел верхом на спину дяди Михаила, а мастер Григорий Иванович, плишивый, бородатый человек в темных очках, спокойно связывал руки дяди полотенцем. Вытянув шею, дядя терся редкой черной бородой по полу и хрипел страшно, а дедушка, бегая вокруг стола, жалобно вскрикивал:

– Братья, а! Родная кровь! Эх, вы...

№ 23 А. И. Куприн «Чудесный доктор» (фрагмент)

Здесь, освещенные ярким светом висящих ламп возвышались целые горы красных крепких яблоков и апельсинов; стояли правильные пирамиды мандаринов, нежно золотившихся сквозь окутовающую их папиросную бумагу; протянулись на блюдах, уродливо разинув рты и выпучив глаза, огромные копченые и маринованые рыбы; ниже, окруженные герляндами колбас, красовались сочные, разрезанные окорока с толстым слоем розоватого сала... Бесчисленное множество баночек и коробочек с солеными, вареными и копчеными закусками довершало эту эфектную картину, глядя на которую оба мальчика на минуту забыли о двенадцатиградусном морозе и о важном поручении, возложенном на них матерью, – поручении, окончившемся так неожиданно и так плачевно.

Старший мальчик первый оторвался от созерцания очаровательного зрелища. Он дернул брата за рукав и произнес сурово:

– Ну, Володя, идем-идем... Нечего тут...

Одновременно подавив тяжелый вздох (старшему из них было только десять лет, и к тому же оба с утра ничего не ели, кроме пустых щей), и кинув последний влюбленно-жадный взгляд на гастраномическую выставку, мальчуганы торопливо побежали по улице. Иногда сквозь запотевшие окна какого-нибудь дома они видели елку, которая издали казалась громадной гроздью ярких, сияющих пятен, иногда они слышали даже звуки веселой польки... Но они мужественно гнали от себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на несколько секунд и прильнуть глазком к стеклу.

По мере того, как шли мальчики, все малолюднее и темнее становились улицы. Прекрасные магазины, сияющие елки, рысаки, мчавшиеся под своими синими и красными сетками, визг полозьев, праздничное оживление толпы, веселый гул окриков и разговоров, разрумяненные морозом смеющиеся лица нарядных дам – все осталось позади. Потянулись пустыри, кривые, узкие периулки, мрачные, неосвещенные косогоры... Наконец они достигли покосившегося ветхого дома, стоявшего особняком; низ его – собственно подвал – был каменный, а верх – деревянный. Обойдя тесным, обледенелым и грязным двором служившим для всех жильцов естественой помойной ямой, они спустились вниз, в подвал, прошли в темноте общим коридором, отискали, ощупью, свою дверь и отворили ее.

Уже более года жили Мерцаловы в этом подземелье. Оба мальчугана давно успели привыкнуть и к этим закаптелым, плачущим от сырости стенам, и к мокрым отрепкам, сушившимся на протянутой через комнату веревке, и к этому ужасному запаху

керасинового чада, детского грязного белья и крыс – настоящему запаху нищеты. Но сегодня, после всего, что они видели на улице, после этого праздничного ликования, которое они чувствовали повсюду, их маленькие детские сердца сжались от острого, недетского страдания. В углу, на грязной широкой постели, лежала девочка лет семи; ее лицо горело, дыхание было коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящие глаза смотрели пристально и бесцельно. Рядом с постелью, в люльке, привешеной к потолку, кричал, морщась, надрываясь, и захлебоваясь, грудной ребенок. Высокая, худая женщина, с изможденным, усталым, точно почерневшим от горя лицом, стояла на коленях около больной девочки, поправляя ей подушку и в то же время не забывая подталкивать локтем качающеюся колыбель.

№ 24 М. Ю. Лермонтов «Демон» (фрагмент)

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей
И лучших дней воспоминанья
Пред ним тестнилися толпой;
Тех дней когда в жилище света
Блестал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил,
Качующие, караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья.
И ни грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы!

Давно отверженый блуждал
В пустыне мира без приюта:
Во след за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искуству своему
Он не встречал сопротивленья –
И зло наскучило ему.

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,

И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, – и горный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственой дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах,
Смотрели грозно сквозь туманы –
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик и чуден был вокруг –
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

№ 25 П. Сергеич «Искусство речи на суде» (фрагмент)

Философские мысли, как и афоризмы практической мудрости, не только украшают речь, но и придают ей силу. Когда перед нами говорит человек: остроумный и начитанный, его приятно послушать; когда говорит человек образованный, много думавший и знающий жизнь, его полезно слушать. И коронные судьи, и присяжные заседатели бывают весьма склонны преувеличивать свой ум и знание людей и принебрежительно относятся к молодому товарищу прокурора или помошнику присяжного повереного; они по большей части думают, что речи сторон – ненужная болтовня, что они сами понимают дело лучше ораторов, и знают без них, как надо решить его. Но когда из юных уст раздаются суждения, достоенные зрелого мужа или седого старика, это отношение быстро меняется. И в этом смысле именно внушительны общие мысли, а не разбор обстоятельств дела. Это объясняется просто. Способность к обобщениям есть одно из высших свойств нашего разума, и большинство людей обладает ею лишь в ограниченой мере; с другой стороны, уловить связь отдельного факта с общей мыслью может только тот кто ясно усвоил ее, проникся ею; у другого новые факты могут скорее затемнить, чем освятить ее; этим объясняется, почему люди малоразвитые так боятся пародоксов.

Общие мысли привлекательны для слушателей еще и тем, что в них сказывается личность оратора. Терсит может говорить, но не может мыслить, и чувствовать, как Патрокл; высокий ум «и говорит и мыслит благородно». В одной из речей А. Ф. Кони в Государственном совете есть следующее место: «Неправильно было бы сравнивать работу судьи с работой должносных лиц других присутственых мест. Как бы не был

предан своему делу и усерден управляющий контрольной или казенной палатой, он имеет право быть занят лишь в присутственные часы; кончились они – и он может всецело отдаться семье, знакомым, развлечениям, книгам или какому-нибудь любимому занятию. А судья, понимающий и исполняющий свой долг, когда свободен от умственной работы, от изучения дел, от раздумья о завтрашнем решении, от тревожных воспоминаний и проверки себя по поводу вчерашнего преговора?» – так мог сказать только тот, кто мог так подумать, а подумать мог только тот, кто испытал. Много ли найдется среди нас таких, для кого самая мысль не была вполне чуждой?

№ 26 Г. А. Федоров «Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века» (фрагмент)

Вспомним слова Ф. Достоевского: «Ведь грустно и смешно в самом деле подумать, что не было бы Арины Родионовны, няньки Пушкина, так может быть и не было б у нас Пушкина. Ведь это вздор?.. Вот теперь много русских детей везут воспитываться во Францию; ну что, если туда увезли какого-нибудь Пушкина и там у него ни будет ни Арины Родионовны, ни русской речи с колыбели?».

А был ли в жизни самого Ф. М. Достоевского такой человек, близкий, родной, украсевший детство добротой и преданностью?

Варенька Доброселова, героиня первого романа Ф. Достоевского «Бедные люди», вспоминая о своем «золотом детстве», называет и двух нянек. «Старая няня Ульяна рассказывает про старое время или страшные сказки про калдунов и мертвецов. Мы, дети, замолчим разом... чю! шум! Как будто кто-то стучит! Ничего не бывало; это гудит самопрялка у старой Фроловны; сколько смеху бывало!»

Неоднократно отмечалось, множество автобиографических реалий в первом романе Ф. Достоевского. «Старая Фроловна», к примеру, любимая няня детей Достевских Елена (Алена) Фроловна Крюкова, прослужившая у них четырнадцать с лишним лет. Ее наняли, когда в семье Достоевских уже росли Михаил, четырех-летний Федор, Варвара, перед рождением в 1825 году Андрея.

Вспоминая о Фроловне, Андрей Достоевский писал: «Говоря о нашем семействе, я не могу ни упомянуть об личности, которая входила в его всею своею жизнию, всеми своими интересами. Это была няня Алена Фроловна». Она «была действительно замечательная личность, и не только была в уважении у родителей моих, но даже считалась как бы членом нашего дома, нашей семьи». Была она московской мещанкой, званьем очень гордилась и любила называть себя «гражданкой». Дети обращались к ней на «ты», но и она говорила им «ты» когда они были уже взрослыми. Единственной из прислуги ей дозволялось называть отца и мать Достоевских не барин и барыня, а по имени, и отчеству.

№ 27 И. А. Бродский «Рождественский романс» (фрагмент)

Евгению Рейну, с любовью

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик не гасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,

над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывет в тоске необъяснимой
пчелинный ход сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец
и выезжает на Ордынку
такси с больными седаками,
и мертвецы стоят вобнимку
с особняками.

Плывет в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки киросинной,
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый.
Полночный поезд новобрачный
плывет в тоске необъяснимой.

Плывет во мгле Замоскворецкой
плывет в несчастие случайный,
блуждает выговор еврейский
на желтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья
под Новый год, под воскресенье,
плывет красотка записная,
своей тоски необъясняя.

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несет сочельник
над головою.

Твой Новый год по темносиней
волне средь моря городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто, жизнь начнется снова,
как будто, будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется в право,
качнувшись в лево.

№ 28 С. Н. Есин «Власть слова» (фрагмент)

Литература – вроде бульона, который подали писателю как питательное блюдо. Но это и миска, в которой сам писатель находится словно сладкая мозговая косточка. Можно привести и другие «вкусные» и «не съедобные» анологии, но суть их заключается в том, что литература не существует без писателя, а он сам и продукт ее и подвижник. Отсюда – любовь писателя к литературе. А может быть, ненависть, как может ненавидеть собственный дом человек, для которого дом стал тюрьмой.

Считается, что свой дом – литературу – писатель должен знать. Это правда. По крайней мере не существует никакого другого метода обучения и совершенствованния писателя, кроме изучения и познания литературы. Метод анологий и прикидывания... Так прикидывает на себя, зайдя в примерочную, платье, модник. Но ведь благополучно живет и знаменитый анекдот: «Чукча не читатель, чукча – писатель». Это то же не редкий феномен: писатель без большой культурной подпитки, без знания работ своих предшественников. Существует еще несколько легенд, утверждающих, что писателю такая подпитка не нужна. Эти легенды культевируются, как правило в среде низкого культурного уровня, духовной лени. Хорошо эти басни рассказывать в пьяном виде. Тогда собеседники могут себя чувствовать в ровень с поэтом или писателем, которого они только что оговорили.

Существует мнение, что таким довольно невежественым «самородком» был крупнейший поэт России Сергей Александрович Есенин. Исследователи творчества Есенина стыдливо начинают приводить данные о его школьном образовании, учительской семенарии в Спас-Клепиках, а там учили многому, и нескольких лекциях, которые он услышал в Москве в часном университете Шанявского. Все почему-то забывают о другом – о его раннем знакомстве с Блоком, о его армейской службе в 1917 году в госпитале, расположеном в Царском селе, где среди «персонала» были молодые того и другого пола, отпрыски лучших фамилий России, о его в юности долгой дружбе и совместном проживании с Николаем Клюевым, виднейшим русским поэтом и одним из образованейших людей России. Талантливый человек многое хватает налету, на слух.

Находясь сверху, над бульонной чашкой, писатель видит, как обширны и величественны поля литературы. География ее действительно безбрежна. Есть писатели-ручейки, писатели-скалы, писатели – открытое шоссе, леса, рощи и острова, но есть и писатели-океаны! Машстабы при взгляде изнутри бульонной чашки и с наружи – разные. Восприятие этих масштабов меняется с возрастом. У восемнадцатилетнего писателя, только что написавшего свой первый рассказ, свое восприятие Льва Толстого. Жизнь растилается впереди огромная и бесконечная, как экскалатор в метро. И в плане собственной жизни, которая конечно никогда не закончится, даже «Война и мир» – явление вполне рукотворное. Не гора, а горка. Но замечено, что при всей, казалось бы, рукотворности этот роман-эпопея так и не превзойден, «горка» не преодолена.

№ 29 Д. Н. Шмелев «Современный русский язык» (фрагмент)

Целый ряд слов снабжен в толковых словарях пометами «высокое», «книжное», с одной стороны, и «разговорное», «просторечное»: с другой. Эти пометы указывают на то, что употребление соответствующих слов обусловленно определенным типом речи – разговаривая, например в не официальной обстановке о бытовых вещах, мы редко употребляем «высокие» слова, и, напротив, слова, отмеченные как «разговорные» и, тем более, «просторечные», были бы, как правило, неуместны в официальной обстановке, в публичном выступление и т. п.

Помета «высокое» сопровождает например, слова *ввергнуть, вверить, вдохновить, величие, вершить, вещий, гарнило, гредущий, губитель, дерзание, доблесть, достояние, единоборство, завет, злодеяние, иго, изоблечить, изкони, испепелить, исцелить, кара, клич, крушить, многотрудный, мудрец, невозвратный, незабвенный, незапамятный, неисчерпаимый* и т. д. Ясно, что включение в речь подобных слов придает ей определенную тональность. Это – стилистически отмеченые слова, слова «высокого слога».

С пометой «книжное» выступают в словарях такие слова, как *бедствие, безвременье, безвластие, безграничьный, благоухание, бодрствовать, вераломный, вестник, видоизменить, головокружительный, гонение, гарнило, дальновидный, декорум, добродетель, доктрина, значимость, иерархия, изнечтожить, изобиловать, импозантный, импульс, индивидуум, индиффиерентный, инсенуация, импонировать, исчислить, компановать, корыстолюбец, лапидарный, мерило, мертвить, миропонимание, миросозерцание, моралист, нагой, невольник, недуг, немощный* и т. д.

Было бы ошибочно полагать, что характеристика слова, как книжного, указывает на то, что оно применяется только в книжной, т. е. письменной, речи (и равняющихся на нее видах речи устной, таких например, как лекция, доклад и т. п.). И в нашей обиходноразговорной речи мы касаемся самых разнообразных тем, которые обусловлевают быструю и часто довольно резкую смену стилистических «ригистров»; но обусловленность выбора стилистически окрашенных единиц языка: темой разговора, реальной значимостью того, о чем в данный момент идет речь, как раз и указывает на присутствие в сознание говорящих, стилистических примет слова. Владение языком – это не только знание предметной отнесенности применяемых слов, но также и их экспресивно-стилистических возможностей.

№ 30 А. А. Ивин «Логика» (фрагмент)

Французкий философ XVII в. Р. Декарт доказывал, что способность нормально использовать язык является единственным, достоверным признаком того, что некоторое существо обладает человеческим разумом. Эту способность невозможно обнаружить ни у автомата, ни у животного. Животное впрочем тоже представляет собой, по Декарту, разновидность автомата, наделенного рефлексами. Во всех отношениях, кроме языка, автомат может обнаруживать признаки интелекта, иногда привосходящие соответствующие признаки человека. Но к языку ни животное, ни машина, лишеные разума, не будут способны, даже если наделить их физеологическими органами, необходимыми для производства речи.

Эта гепотеза, о принципиальной неспособности животных говорить, подобно человеку, вызвала нескончаемые нападки на Декарта. Однако мысль его в основе своей верна: речь может быть только у существ, наделенных разумом, и она является единственным способом проявления разума вовне.

Язык необходимое условие существования абстрактного мышления. Не случайно, такое мышление, являющееся отличитильной особенностью человека, принято называть «мышлением в понятиях».

Язык возникает одновременно с сознанием и мышлением. Являясь чувственно воспринемаемой оболочкой мышления, язык обеспечивает мыслям человека реальное, предметное существование в форме колебаний воздуха (звуков), или следов краски на бумаге (письма). Вне такой оболочки мысль не доступна для других.

Как и мышление, язык диалогичен: он существует для отдельного человека лишь постольку поскольку существует для других.

Логический анализ мышления всегда есть исследование языка, в котором оно протекает, и без которого оно не является возможным. В этом плане логика – наука о мышление – есть в равной мере и наука о языке.

Мышление и использование языка – две предпологающие друг друга стороны как процесса познания, так и процесса общения. Язык учавствует не только в выражение мысли, но и в самом ее формировании. Нельзя противопоставлять «чистое», внеязыковое мышление и его последующее выражение в языке.

Вместе с тем язык и мышление нетождественны. Каждая из сторон единства, составляемого ими относительно самостоятельна и обладает спецефическими законами.

Литература

1. Айтматов Ч. Т. Плаха. – М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 416 с.
2. Аксаков С. Т. Детские годы Багрова-внука. – М.: Советская Россия, 1977. – 272 с.
3. Астафьев В. П. Царь-рыба. – М.: АСТ, 2018. – 544 с.
4. Бондарев Ю. Мгновения. Рассказы. – М.: ИТРК, 2014. – 480 с.
5. Бродский И. Остановка в пустыне. – СПб. : ИГ Лениздат, 2014. – 272 с.
6. Бунин И. А. Антоновские яблоки. – М.: Советская Россия, 1990. – 256 с.
7. Горький М. Детство. – М.: Детская литература, 2018. – 254 с.
8. Добролюбов Н. А. Статьи о литературе. – М.: Советская Россия, 1979. – 194 с.
9. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. – М.: АСТ, 2017. – 544 с.
10. Есин С. Власть слова. Филологические тетради. – М.: ИД «Литературная газета», 2004. – 368 с.
11. Ивин А. А. Логика: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Оникс : Мир и образование, 2008. – 336 с.
12. Короленко В. Г. Дети подземелья. – М.: АСТ, 2019. – 384 с.
13. Короленко В. Г. Рассказы и очерки. – Калиниград: Калининградское книжное издательство, 1977. – 128 с.
14. Куприн А. И. Поединок. Олеся. Гранатовый браслет. Романы, повести, рассказы. – М.: Азбука-Аттикус, 2014. – 1344 с.
15. Куприн А. И. Чудесный доктор. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. – 64 с.
16. Лермонтов М. Ю. Малое собрание сочинений. – М.: Азбука-Аттикус, 2016. – 576 с.
17. Мамин-Сибиряк Д. Н. Избранные произведения для детей. – М.: Государственное издательство детской литературы, 1962.
18. Песков В. Полное собрание сочинений. Том 14. Таежный тупик. – М.: ИД Комсомольская правда, 2014. – 160 с.
19. Платонов А. П. Котлован. – М.: АСТ, 2019 – 192 с.
20. Пушкин А. С. Евгений Онегин. – М.: Азбука-Аттикус, 2016. – 448 с.
21. Распутин В. Г. Прощание с Матерой. Пожар. – М.: АСТ, 2018. – 384.
22. Сергеич П. Искусство речи на суде. – М.: Юрайт, 2012. – 398 с.
23. Тургенев И. С. Малое собрание сочинений. – М.: Азбука-Аттикус, 2013. – 768 с.
24. Тютчев Ф. Стихотворения. – М.: Профиздат, 2008 г. – 218 с.
25. Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной литературы XX века. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.
26. Чехов А. П. Повести. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1976. – 192 с.
27. Шаламов В. Т. Колымские рассказы. – М.: Азбука-Аттикус, 2016. – 384 с.
28. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: КомКнига, 2006. – 336 с.
29. Шубинский С. Н. Очерки из жизни и быта прошлого времени. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2010. – 176 с.

Ткаченко Ольга Юрьевна

Сборник диктантов и упражнений по русскому языку

Учебное пособие издано в авторской редакции

Сетевое издание

Главный редактор – Кирсанов К.А.

Вёрстка – Кирсанов К.К.

Ответственный за выпуск - Алимова Н.К.

Учебное издание

Системные требования:
операционная система Windows XP или новее, macOS 10.12 или новее, Linux.
Программное обеспечение для чтения файлов PDF.

Объем данных 1,10 Мб

Принято к публикации «27» декабря 2019 года

Режим доступа: https://izd-mn.com/PDF/52MNNPU19.pdf свободный. – Загл. с экрана. - Яз. рус., англ.

ООО «Издательство «Мир науки»

«Publishing company «World of science», LLC

Адрес:

Юридический адрес — 127055, г. Москва, пер. Порядковый, д. 21, офис 401.

Почтовый адрес — 127055, г. Москва, пер. Порядковый, д. 21, офис 401.

https://izd-mn.com/

ДАННОЕ ИЗДАНИЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ НА ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ